

Вступление

История греческих наемников представляет собой главным образом повествование о трансформации эллинских войн из начального примитивного и непрофессионального состояния к конечному развитому и организованному состоянию.

Типичный греческий воин V и более ранних веков до н. э. был в военном отношении лишь «любителем», точнее, ополченцем. Профессионалом являлся наемник, и в конечном счете профессионал вытеснил «любителя» во всех значительных войнах. Но до Пелопоннесской войны греческие города не обладали серьезным опытом ведения продолжительных военных кампаний или экспедиций на большие расстояния. Их войны ограничивались в основном пограничными стычками большего или меньшего масштаба. В любой битве к сражению привлекались граждане в соответствии с их статусом – в кавалерию, в тяжеловооруженную пехоту или в качестве легких пехотинцев. В последующем каждый из них участвовал в бою, некоторые проявляли себя с лучшей стороны, но никто из них не посвящал себя целиком военному делу. Наемников числилось мало, если исключить тех из них, которые подвизались на службе за пределами Греции.

Несмотря на первоначальное отсутствие профессионализма в ранних войнах, греческие воины превосходили в боевом искусстве воинов остального мира, и это превосходство порождало спрос на их использование за рубежом. Здесь следует особенно отметить Египет, где греческие воины-наемники использовались в большом количестве на службе Саисской династии. Причина состояла в том, что с тяжелым вооружением гоплитов не могли сравниться почти все другие виды вооружения, имевшиеся в наличии в то время. И кроме того, удобнее было использовать воинов, привычных к такому вооружению, чем заставить местных жителей отказаться от традиционного (более легкого) оружия в пользу тяжелого.

Эти сферы применения наемников за рубежом резко сократились с возвышением Персидской империи.

Однако примерно к тому же времени относится появление воинственных тиранов в Сицилии, когда наряду с опасностью, исходившей от Персии, возникла угроза агрессии Карфагена. Это привело к резкому увеличению в Греции количества и численности контингентов войск.

В то время как греческие города в период персидских нашествий оставались относительно разобщенными и доступными по суше, сицилийский тиран Гелон добился больших военных успехов в борьбе с карфагенянами. Но все результаты этих побед рухнули с падением династии, основанной Дионисием.

Афины же только в ходе Пелопоннесской войны научились вести широкомасштабные войны.

Войны V столетия до н. э. потребовали от воинов нового уровня выучки и дисциплины. Они вынуждали их сражаться в любых условиях местности и в любой сезон. Таким требованиям не могли удовлетворять обычные граждане. Поэтому воина-гражданина заменяли наемником, сначала в специальных родах войск, но вскоре в войсках в целом, за исключением чрезвычайных условий.

Исключение составлял македонский воин-гражданин (в основном из свободных крестьян. – *Ред.*). Простая социальная среда, в которой он находился, позволяла ему посвящать себя войне. Завоевания Александра Македонского обеспечила комбинированная армия из македонцев и наемников.

Вне Греции потребность в греческих наемниках в IV столетии до н. э. возродилась с

ослаблением Персии и с возникновением таких же условий, какие существовали во второй период военной активности в Сицилии. Сначала здесь сыграло определяющую роль новшество в виде пелтастов (разновидность легкой пехоты). Этот новый тип воина дополнял или замещал обычных гоплитов.

Но позднее наемники менее различались по способам ведения боя: скорее они стали основой любого числа разных армий. Под их влиянием во всем Средиземноморском регионе был достигнут одинаковый уровень эффективности. Таким образом, был открыт путь к окончательному утверждению эллинистического способа ведения войны, в рамках которого в унифицированную военную машину слились в гармоническом единстве различные локальные особенности вооружений и выучки воинов.

Помимо чисто военного аспекта рост числа и эффективности греческих наемников сыграл значительную роль в социальной и политической истории IV столетия до н. э. Подробная характеристика этого периода зачастую требует сложного и обстоятельного обсуждения. Но определенные аспекты этой темы можно опустить без серьезного ущерба.

В настоящей работе исключаются в основном два поля исследования – наемные матросы и наемные воины-варвары. Кроме того, такие вспомогательные категории, как лучники и метальщики, упоминаются лишь вскользь. В значительные периоды этого времени их виды оружия главными греческими государственными образованиями почти не применялись. С тех пор такие наемники в случае необходимости постоянно привлекались во все времена, но их набор редко достигал больших масштабов.

Часть первая

**С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ОКОНЧАНИЯ
ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ**

Глава 1

НАЕМНИКИ НА СЛУЖБЕ ПОВСЮДУ ДО 500 Г. ДО Н. Э

1. Общие соображения

Профессия наемника практикуется среди народов Средиземноморья с незапамятных времен. Хеттский царь Муваталли не совершил ничего необычного, когда перед битвой при Кадеше с Рамсесом II «не оставил на своей земле ни золота, ни серебра, но изъясил их из своего достояния и отдал союзникам, чтобы привлечь их к сражению вместе с собой». Кроме того, наряду с богатыми нанимателями имелись также свободные воины, которые по нужде, из корысти или авантюризма жертвовали своими мечами и даже жизнью. Среди шарденов египетских фараонов, очевидно, обрели свое место и первые греческие наемники. Но о них мало что известно. Когда они впервые появляются в древних летописях, уже всюду бушуют миграционные волны, а бродяжничество в поисках приключений становится более редким. Постоянное использование наемников не встречается нигде, кроме одного уголка – Египта. В других местах встречается лишь немного характерных индивидов, о подвигах и характерах которых содержатся некоторые упоминания в отрывках древней лирики.

Очевидно, в строках, которые греческий поэт Алкей адресовал своему брату Антимениду, схвачена и запечатлена навеки пылкая и авантюрная натура бродячего воина.

От пределов земли
Меч ты принес домой;
Рукоять на мече
Кости слоновой,
Вся в оправе златой.
Знать, вавилонянам
Воин пришлый служил
Доблестью эллинской!
Ставкой – жизнь. Чья возьмет?
И великана ты
Из царевых убил,
Единоборствуя,
Чей единый был дрот
Мерю в пять локтей.

(Перевод Вяч. Иванова)

Менее романтичны, но более живо персонифицированы некоторые фрагменты произведения на эту тему Архилоха. Ведь сам он был наемником, хотя его скитания были ограничены, видимо, берегами северной части Эгейского моря. Он воплотил в стихах пьянство и похвальбу, присущие ему самому и его приятелям. Но наиболее яркое выражение природы наемника обнаруживается в боевой песне Гибрия, неизвестного в чем-либо другом критянина (VII–VI вв. до н. э.).

У меня есть большое богатство: копье, меч

И прекрасный кожаный щит, чтобы защитить себя.
С ними я пашу, с ними я собираю урожай.
С ними я выдавливаю сладкие вина из винограда,
Благодаря им меня называют господином рабов.
Те, кто не осмеливается владеть копьями, мечами
И прекрасными кожаными щитами для защиты себя,
Те припадают к моим коленям и падают ниц,
Они величают меня господином и великим царем.

2. На службе в Египте

Египет является единственной страной, где можно проследить на протяжении почти 150 лет наличие древних греческих наемников на зарубежной службе. Начало этому положил фараон Псамметих, который между 657 и 655 гг. до н. э. поднял восстание против господства Ассирии. Судя по хорошо известному свидетельству Ееродота, фараону было предсказано, что он будет отомщен при помощи дерзких заморских воинов. Предсказание исполнилось с прибытием в дельту Нила ионийцев и карийцев – гоплитов в полном вооружении. Они появились случайно, но Псамметих уговорил их помочь ему, а затем поселиться в Египте. Это довольно наивное свидетельство представляет греков просто как странствующих воинов, подобных тем, которые отображены в «Одиссее» (например, песнь XIV, стих 253 и далее). Диодор недвусмысленно утверждает, что фараон послал за ними гонца в Малую Азию, и эта версия, которая сама по себе представляет небольшую ценность, получает замечательное подтверждение в надписи, где ассирийский царь Ашшурбанипал сообщает, что наемников прислал в помощь Псамметиху лидийский царь Гигес (Гуггу).

В любом случае, однако, они прибыли в Египет. Греческие гоплиты обосновались там, где и первые эллинские поселенцы. Лучшие из их известных лагерей располагались у Пелусия. Такое их размещение было призвано обеспечить защиту восточных границ Египта. В этих местах были возвращены профессиональные воины смешанной расы, которых фараоны использовали в своих военных кампаниях в Сирии и Эфиопии. Следы их обнаруживаются в Абу-Симбиле (Абу-Симбеле), где в период правления Псамметиха II участники военной экспедиции высекли свои имена на ногах Колоссов. Одного из участников звали Псамметих, хотя у его отца было имя Теоклес. Очевидно, он был рожденным в Египте сыном одного из «окованных в медь».

Приток греков, видимо, нарастал по мере роста среди фараонов интереса к грекам. Утверждают, что фараон Априй (Уахибра) располагал не менее 30 тысячами ионийцев и карийцев, и зависимость от иноземных войск вызвала во время его правления восстание египтян. Априя заменил на троне Амасис (Яхмес II), но и он был достаточно благоразумен, чтобы не пренебрегать греческими наемниками. Он лишь наделил их и другими, не менее почетными, однако, обязанностями. Один лишь лагерь Дафны мог легко вместить 20 тысяч воинов. Их переместили из Дафн в Мемфис, и, поселившись там, они служили в качестве личной гвардии фараона. Геродот посещал пустовавшие Дафны. В «Этнике» Стефана Византийского отмечено наличие в Мемфисе «греческого» и «карийского» кварталов, названных по национальному признаку жителей. Если верить позднеегипетской «Демотической хронике», Амасис жаловал наемникам доходы от городов Бубастиса, Гелиополя и Мемфиса.

Греческие наемники играли значительную роль на конечном этапе борьбы фараонов Сансской династии против персов. Геродот с присущей ему склонностью связывать события с

действиями особенных личностей приписывал успех нашествия персидского царя Камбиса на Египет, главным образом действиям Фанеса из Галикарнаса. Этот грек занимал высокий пост в армии Амасиса, но из-за какой-то обиды дезертировал и, несмотря на погоню, добрался до двора персидского царя. Благодаря его советам Камбис (Камбуджия) смог пересечь пустыню, достигнув соглашения с бедуинами. Геродот не приводит никаких подробностей последующего поражения греческих наемников от персов, отмечая лишь беспощадный характер борьбы. Камбис, очевидно, принял оставшихся в живых наемников к себе на службу, но к концу своего пребывания в Египте удалил их. Это единственное свидетельство службы греков персам в VI в. до н. э. Мятежный Пактий уже нанимал их за сокровища Сард для борьбы против Персии. Завоевание Египта лишило греческих наемников последней возможности служить в странах Востока, кроме службы Персии. Как мы увидим, в V в. до н. э. персидские сатрапы регулярно нанимали греческих воинов, но сначала надо вернуться к использованию наемников греческими нанимателями.

Глава 2

НАЕМНИКИ НА СЛУЖБЕ У РАННИХ ГРЕЧЕСКИХ ТИРАНОВ

1. В Греции и на греческом Востоке

...Безопасность самодержца покоится всецело на преданности и силе наемного войска.

Полибий

С тех пор как Аристотель в «Политике» обрисовал портрет военного деспота, стало общепринято считать греческого тирана в первую очередь военачальником. Против этой точки зрения категорически возражал британский профессор Уре (Иче) («Происхождение греческой тирании»). Он различал тиранов VII–VI вв. до н. э. и более поздних тиранов, правивших в IV в. до н. э. В то время как к последней категории относились в целом воинствующие демагоги, их предшественников, как доказывал профессор, породили экономические условия. Это различие проводится в данной книге без того, чтобы разделять абсолютно все воззрения Уре. Ранние тираны отличаются от поздних главным образом тем, что они использовали наемников, в этом их специфика. Но тираны Сицилии демонстрируют большое сходство как в экономическом, так и в военном аспекте, независимо от времени их правления. И их отличие от ионийских и греческих тиранов требует отдельного рассмотрения.

В общем, можно утверждать, что тираны VII и VI вв. до н. э. использовали наемников чуть ли не исключительно как личную гвардию. Тираны же IV в. до н. э. и сицилийские тираны нанимали профессиональных воинов как в целях личной охраны, так и для захвата чужих территорий. Кроме того, как явствует из ограниченного числа документальных свидетельств, самые ранние тираны и примитивные города-государства, видимо, вообще не использовали наемников. Профессиональный воин пришел на смену гражданскому ополченцу. Но некоторые ранние тираны не пользовались ни тем ни другим. (В «Политике» Аристотеля: владение личной гвардией из граждан прерогатива царя.)

1) Мы узнаем о Феагене Мегарском, что он добился власти теми же средствами, что и Писистрат или Дионисий, то есть получил разрешение иметь личную гвардию, правда, неизвестно, состояла она из наемников или только из бедных ополченцев. (Победитель Олимпийских игр Килон, согласно «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, получил от Феагена войско, но опять же это могли не быть наемники, а у Геродота этот эпизод отсутствует.)

2) В соответствии с поздними представлениями IV в. до н. э. проводилось резкое различие между тираном Коринфа Кипселом и его преемником Периандром. Кипсел представляется более популярным, и особо подчеркивается, что у него не было личной гвардии. Периандр, однако, изменил природу тирании и содержал 300 телохранителей. Надо заметить, что, хотя Периандр предназначал это формирование для обеспечения личной безопасности, он никогда не полагался на него в своих зарубежных военных кампаниях. И это несмотря на свою репутацию воинственного тирана.

3) Современная им династия полиса Сикиона демонстрирует такое же изменение. Первые властители не были агрессивными, однако тиран Клисфен придал своей политике воинственный уклон. Но в отличие от Периандра он всегда пользовался относительной популярностью среди

своих граждан, и нет указаний на то, что он вербовал наемников в личную гвардию больше, чем его предшественники.

4) В Афинах мы обнаруживаем, как этот процесс развивается в течение жизни одного тирана. Писистрат начал формирование личной гвардии, состоявшей лишь из граждан, вооруженных дубинками, и даже после первого возвращения из ссылки он полагался в обеспечении собственной безопасности на политическую коалицию. (Геродот, Юстин, Плутарх приводят численность его охраны в 50 стражников, Полиен – в 300, что явное преувеличение.) Но после второй ссылки он вознамерился обеспечить более надежную опору своей власти. Он собирал денежные подношения задолжавших ему городов-государств и, возможно, разрабатывал копи в Пангее. Эти средства позволили ему нанимать профессиональных воинов в дополнение к добровольцам. Вместе с наемниками он нанес поражение афинянам при Пеллене.

Более того, одержав победу, Писистрат продолжил практику найма и «укоренил свою тиранию посредством многочисленных наемников и налоговыми сборами». Но он никогда не использовал наемников для распространения своей власти за пределы полиса, за исключением, возможно, поставки Лигдама на управление Наксосом. Наем солдат производился только для охраны тирана и его семьи. Эти телохранители известны главным образом по сохранившимся источникам. Однако очевидно, что их было слишком мало для того, чтобы образовать армию, потому что, например, Гиппию пришлось обращаться за помощью к союзникам в Фессалии либо уповать на укрепление Акрополя и Мунихии во время его конфликта со Спартой.

5) Ко второй половине VI в. до н. э. владение тираном личной гвардией из наемников стало скорее правилом, чем исключением. Поликрат для захвата острова Самос позаимствовал солдат у Лигдама (Полнен). Позднее численность его войск превысила обычные пропорции, потому что кроме платных наемников он рекрутировал тысячу местных лучников (Геродот). Из всех восточных тиранов он наиболее заслуживал характеристики «поджигатель войны», но безопасность его владений обеспечивал флот, а не полевая армия.

Приведенные примеры типичны для иллюстрации использования наемников ранними тиранами. См. также о Мильтиаде Младшем из Херсонеса Фракийского у Геродота. Но, как явление, эти автократические правители были продуктом переходного периода в развитии Греции. Они сходят со сцены с началом V столетия до н. э., и та же причина, что вызывает их уход, ведет к исчезновению их охраны – греческих наемников. Растущая стабильность городов-государств (полисов) сделала контроль их правительств более реальным и обеспечивала каждому гражданину место в политической жизни. Это на время положило конец тирании и наемникам. Только в Сицилии, где профессионализм стал чуть ли не неотъемлемой чертой ведения войны, этот разрыв между властью и народом был почти преодолен династией, основанной Дионисием.

2. В Сицилии

Свидетельства о ранних сицилийских тиранах малосодержательны и не слишком заслуживают доверия, поскольку упоминания, относящиеся именно к личной гвардии тиранов, встречаются только у Поллена и отличаются подозрительной похожестью и легкостью формулировок. Панетий Леонтинский (*Полиен. Военные хитрости*) для совершения военного переворота прибегает к помощи 600 пелтастов – средних пехотинцев с дротиками. Должно быть, если это вообще правда, они были обыкновенными легковооруженными воинами. В это время сицилийцы не знали фракийского вооружения. Фаларий вооружает зарубежных варваров и рабов, нанимая их по подобию государственного контракта. Ферон из Селинунта тоже отбирает и вооружает 300 рабов. Стесихору Аристотель (в «Риторике») приписывает

выступление перед гражданами Гимеры с басней о коне и олене применительно к угрозе тирании Фалария. Тиранин использовал узилище в виде медного быка, в чреве которого истязались жертвы.

Первым тираном, о котором имеются достоверные сведения, является Гиппократ из Гелы. Он наследовал власть своего брата Клеандра и содержал среди своих охранников будущего преемника Гелона (Геродот). Другой телохранитель, возможно, был отцом Ферона из Акраганта. Гиппократ интересен как первый грек, о котором имеются документальные свидетельства, что он нанимал солдат-сикулов (коренное население Восточной Сицилии. – *Ред.*). (Полиен приводит ужасный рассказ о предательстве Гиппократа.) В течение IV в. до н. э. практика найма варваров на военную службу становится на Сицилии общепринятой. Гиппократ инициировал также другое направление в политике. Он является первым греком, который поставил своей целью завоевать всю Сицилию. До того как эта цель была достигнута, Гиппократ умер, но, хотя исторические источники не уделяют этому факту должного внимания, тиран определенно продвинулся в намеченном направлении, поскольку действительно поставил использование наемников на широкую ногу.

Его преемник Гелон выдвинулся благодаря своей доблести на пост командира всей кавалерии тирана. Он, должно быть, владел значительной армией наемников, лично ему преданных. Поэтому, когда Гиппократ умер во время зарубежной военной экспедиции, Гелон смог вернуться назад в Гелу, несмотря на сопротивление горожан (Геродот). Короткий рассказ Геродота не позволяет нам проследить, каким образом Гелон использовал своих наемников для быстрого расширения своих владений. Но к 481 г. до н. э. он, как правитель Сиракуз распространивший свою власть на большую часть Сицилии, должно быть, владел наемной армией, которая превосходила любую другую профессиональную армию греков до него. Согласно Геродоту, он мог предложить греческим посланникам 20 тысяч гоплитов и 2 тысячи легковооруженных конников. Возможно, здесь преувеличение, и, конечно, не утверждается, что все эти воины были наемниками. Но очевидно также, что ни один тиран не смог бы оголить свой город до такой степени, чтобы отправить на войну за рубеж все свои войска. (Эфор сообщает, что Гелон приготовил для зарубежного похода 10 тысяч пехотинцев. Тимей приводит в связи с предложением тирана цифру 20 тысяч солдат.)

Округляя цифры, можно предположить, что Гелон располагал в то время силами до 15 тысяч наемников. Это число не покажется слишком большим в свете цифры, приведенной Диодором в другом контексте. Он утверждает, что Гелон за всю свою жизнь сделал гражданами Сиракуз более 10 тысяч наемников. Эту практику наделения своих последователей правами коренных сицилийцев подхватил позднее тиран Дионисий.

Гелон, кроме того, внедрил новый метод укрепления армии, аналогию которому можно обнаружить в политике Филиппа II Македонского. Помимо многих обыкновенных солдат, которые, очевидно, перебрались к нему на службу из континентальной Греции, он привлекал представителей знаменитых аркадских семей. Они становились его «товарищами» и занимали ответственные и почетные должности у него на службе. Один из них знаком нам по оде, посвященной ему Пиндаром, двое других – из надписей в Олимпии.

С армией, организованной таким образом, Гелон добился огромных успехов. Он нанес поражение карфагенянам при Гимере и этим завоевал вечную благодарность сицилийцев. Диодор приводит численность его армии – 50 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников. Но эти цифры, даже если в них нет преувеличения, едва ли способны помочь нам в определении численности его наемников, поскольку в такой чрезвычайной ситуации на военную службу призывался каждый гражданин. Вскоре после этого Гелон умер, а его преемник Гиерон рекрутировал новых наемников для собственной защиты. Он заменил ими тех наемников,

которым Гелон предоставил гражданство. Целью одной крупной военной экспедиции, для которой Гиерон отрядил своих воинов, была помощь Сибарису в борьбе с Кротонем. Затем командование экспедицией взял на себя Полизел, младший брат Гиерона, к которому тиран относился с большим подозрением, поскольку сам, несмотря на морскую победу при Кумах, не обладал полководческими способностями. Его наиболее крупным достижением в сфере созидания было основание Этны, которая, возможно, была заселена некоторыми из его бывших наемников. Когда его сменил брат, Фрасибул, тот же самый процесс найма новых телохранителей продолжился. В этот раз наемники были тем более необходимы, поскольку Фрасибул умудрился вызвать к себе особую ненависть. Против него вспыхнуло народное восстание в Сиракузах, и он призвал на помощь наемников и колонистов под командованием своего брата в Этне. Численность его армии достигла 15 тысяч человек, но этого было недостаточно, чтобы спасти его от осады в Ортигии. Там его покинули все, кроме наемников. В конце концов он был вынужден предложить тем, кто его осадил, условия сдачи. Ему позволили удалиться, как частному лицу, в Локры. Нанятые им телохранители были распущены.

Так произошло падение одной из ранних династий в Сицилии. Возможно также, она была последней среди современников, поскольку семья Ферона в Акраганте закончила свое существование таким же образом в ссылке у Фрасидея. (Фрасидей во время своего последнего нападения на Гиерона располагал 20 тысячами всадников и пехотинцев, включая многих наемников и граждан Акраганта и Гимеры.) Но проблема наемников тиранов не была решена. Из 10 тысяч воинов Гелона 7 тысяч все еще жили в качестве граждан Сиракуз. Позднее, в течение трех лет существования демократии, вышло постановление, что эти изначальные сторонники тиранов не имеют прав занимать государственные и судебные должности. Бывшие наемники были не теми людьми, которые уступали этим ограничениям. Они захватили укрепленные районы Сиракуз и изгнали коренных жителей. Их подвергли осаде так же, как и их бывшего нанимателя, но благодаря своей военной выучке они сопротивлялись численно превосходящему противнику продолжительное время. Наконец им нанесли поражение на суше и на море, после чего они удалились на определенных условиях. В других городах Сицилии, где возникали проблемы, связанные с местожительством наемников, трудности улаживались посредством соглашений. Благодаря общему взаимопониманию, тем, кого не приняли в ряды граждан, позволили колонизировать Мессану (совр. Мессина).

Но очевидно, что этот процесс вряд ли совершался сразу или без проблем. Сицилийский наемник был достаточно хорошо известен, чтобы войти в пословицу (непечатную). Пергамент папируса дает нам смутные представления о наемниках, сопротивлявшихся переселению или подвергавшихся нападениям сиракузян (Оксиринхские папирусы). Более того, тирания еще не перестала быть желанной целью. Тиндарион сделал безуспешную попытку переворота в Сиракузах, и это не был единичный случай. Но в целом следующая половина столетия стала единственным продолжительным периодом за четыре века, когда Сицилия не страдала от присутствия тиранов и наемников. Наемный воин вновь появился в условиях демократии, когда угроза вторжения афинян вынудила обратиться к нему (Фукидид). Возвращение наемника, как мы увидим, последовало вскоре за возвращением тирана.

Глава 3

НАЕМНИКИ В V В. ДО Н. Э. В ГОРОДАХ-ГОСУДАРСТВАХ (ПОЛИСАХ)

Когда мы переходим от эпохи тиранов к эпохе крепнущей демократии, то первое, что приходится констатировать, – это крайняя скудость свидетельств о греческих наемниках по сравнению с их частотой раньше и обилием позднее. Этот дефицит нельзя связывать просто со сравнительной бедностью наших источников в отношении периода, известного как Пентеконтеция (Pentecontaetia) – период греческой истории в 50 лет между поражением персов в битве при Платеях в 479 г. до н. э. и началом Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э. Он коренится в реальной обстановке и проистекает из благоденствия и процветания города-полиса, который в это время мог поддерживать и занять делом большую часть своего населения. Те граждане, которых принуждали отправляться в ссылку, отнюдь не превращались в простых бродяг. Им оставляли надежду приобрести такой же статус, как у метеков в Афинах.

Мнение о том, что незначительное число наемников не просто результат отсутствия спроса, подтверждается, когда выясняется, что в V в. до н. э. одна часть Греции пользовалась репутацией преобладающего поставщика наемников. В этом отношении выделялась Аркадия, а доказательств того, что так было и в прежние времена, нет. Кроме того, в это время она была наиболее отсталой областью среди развивающихся полисов, если исключить такие местности, как Этолия и Македония, которые оставались еще на стадии первоначальной племенной организации. (Первыми именно аркадскими наемниками, кажется, были воины, взятые на службу Ксерксом в 480 г. до н. э., после того как он подошел к Фермопилам. По легендам, они были связаны с женщинами Карики (в Малой Азии). Но вероятно, на самом деле они не были самыми первыми. В Аркадии всегда существовала тенденция производить больше населения, чем она могла прокормить.)

Перед Пелопоннесской войной, как показывают источники, эти аркадские гоплиты всегда пользовались спросом главным образом у персов. Их службу во время больших походов под командованием сатрапов лучше изучать в связи с походом «десяти тысяч» (в 401–400 гг. до н. э., описанном в «Анабасисе» Ксенофонта. – *Ред.*) Но их тоже нанимали ради задач, похожих на те, которые они решали на службе тиранам. Небольшие отряды выступали телохранителями сатрапов. Фактически наши главные доказательства наемной службы греков восходят все же к начальному периоду Пелопоннесской войны и незадолго до нее. И наемники появляются, как описано в исторических трудах, главным образом тогда, когда восстающие против Афин города нуждались в их профессиональной помощи. Фукидид сообщает, что сатрап Сард Писсутнес выделил 700 наемников аркадцев враждебной Афинам партии на острове Самос (440 до н. э.). Известно, что их командира звали Гиппий. Аморгес, незаконнорожденный сын Писсутнеса, располагал силами наемников «главным образом с Пелопоннесского полуострова». Наемники Фарнабаза упоминаются в битве при Кизике. Семь аркадских гоплитов, убийством которых в один день хвастал ликиец, посвятивший стелу Ксанфу, возможно, были воинами одного из персидских сатрапов.

Аналогичная, но более изолированная сфера применения наемников существовала в Херсонесе Таврическом в Крыму. Командующим армией боспорского царя Сатира I (407–389 до н. э.) был грек по имени Сопей. (Стоик Хрисипп утверждал, что если мудрый человек не мог стать царем, то он должен, по крайней мере, наняться воином к хорошему царю, подобно Левкону.) Можно вообразить, что широкая практика использования греческих наемников

сначала возникла через некоторое время после Каллиева мира (449 до н. э.) между греками (прежде всего Афинами) и персами. По мере ее распространения греки стали также нести гарнизонную службу в персидских сатрапиях Персидской державы Ахеменидов.

Пелопоннесская война предоставила первую широкую возможность для найма профессиональных воинов в Греции. Наем гоплитов производился вначале исключительно Спартой. Это можно объяснить двумя причинами. Афины никак не могли поддерживать связи с основным источником таких наемников – Аркадией. Кроме того, во время так называемой Архидамовой войны (431–421 до н. э.) – первого периода Пелопоннесской войны (431–404 до н. э.) афинская стратегия полного истощения врага не предусматривала больших подкреплений в тяжелой пехоте. Граждан Афин и союзников было достаточно, чтобы оборонять их базы на суше, в то время как афинский флот господствовал на море. Пелопоннесцы, однако, считали использование наемников в дальних походах на территорию Афинского государства полезным, поскольку их ополченцы не особенно хорошо переносили длительные военные кампании. Свидетельством тому посылка коринфянами Аристея во главе вспомогательного отряда в Халкидику. Его отряд состоял из волонтеров-ополченцев и других жителей Пелопоннеса, которых «уговорили выступить за плату» (Фукидид). Хотя наемников прямо не называют аркадцами, они, возможно, происходили главным образом из Аркадии или Ахайи. Их отпустили по завершении афинянами осады Потидеи. Возможно, эти наемники оказались позднее в рядах халдикян во время битвы при Спартоле в 429 г. до н. э.

Аналогичным образом обстояло дело, когда спартанский полководец Эврилох совершал дальний поход против Акарнании. Его армия включала отряд гоплитов из Мантинеи. Кроме того, остальные пехотинцы коллективно обращались к ним как к толпе наемников. Мантинейцы проявляли профессиональную выучку в поддержании боевого порядка, но также готовность присоединиться к своему военачальнику в измене жителям Амбракии (союзники Спарты. – *Ред.*) и остальной армии.

Спартанский полководец Брасид возглавил поход, организованный так же, как поход Аристея. 700 человек были илотами-волонтерами, тысячу составляли жители Пелопоннеса, которых «уговорили за плату». Своим содержанием они были обязаны наполовину македонскому царю Пердикке и наполовину Халкидской лиге, поскольку Спарта была не в состоянии позволить себе содержание зарубежной армии. Такой порядок связывал Брасиду руки и заставлял его служить Пердикке, в то время когда он должен был поспевать повсюду. Иначе говоря, его полузависимое положение больше походило на положение командующего наемниками в IV в. до н. э., чем на положение любого командира на службе Спарте.

Наемники-гоплиты впервые использовались Афинами в походе на Сицилию, в котором участвовали 250 мантинейцев и другие аркадцы, служившие в качестве наемников. Фукидид уделяет много внимания показу того, как греки одного племени сражались друг с другом перед Сиракузами. Признавая, что многие другие руководствовались не только строгим соблюдением обязательств перед альянсом, он отмечает, что среди них только аркадцы воевали ради выгоды с земляками, служившими коринфянам. Подкрепления из аркадцев посылались Сиракузам Коринфом. Этот пример показывает, насколько редким еще было это явление. Аркадцы конкретно не упоминаются в какой-либо битве и на самом деле не могли играть существенную роль в военных кампаниях афинян.

В Ионийской войне (заключительная фаза Пелопоннесской войны), которая проходила сначала на море, наемники не использовались афинянами как солдаты. Они воевали тогда главным образом как матросы, и спартанцы прилагали усилия соблазнить их более высокой платой персидским золотом. Лакедемоняне на суше подчас находили полезным ставить наемных гоплитов под командование своих гармостов (военных заместителей), что стало

позднее частым явлением в Спарте. Диодор называет наемниками даже беотийские и мегарские войска под командованием Клеарха в городе Византий. На самом деле их следовало называть союзниками, но военный контингент, предназначенный для несения гарнизонной службы многие годы так далеко от дома, должен был состоять практически из профессиональных воинов.

Невозможно отрицать, однако, то, что наемные гоплиты значительно усиливали противоборствующие стороны в Пелопоннесской войне. Как случилось выразиться Алкивиаду, Греция сочла себя обманутой адекватностью этого вида вооружения (Фукидид). Поражения в битвах при Спартоле, Страте и Сфактерии убедили обе стороны, что при известных обстоятельствах гоплиты беспомощны перед атаками легковооруженных войск. Поскольку город-полис специализировался на формировании тяжеловооруженных войск, с давних пор существовала привычка нанимать лучников среди отсталых или варварских народностей, у которых лук еще не вышел из употребления. Теперь к тому же в качестве воинов вспомогательных войск стали популярными фракийские пелтасты. У таких солдат были легкие доспехи, для защиты имелся небольшой круглый щит (пелта). К их наступательному оружию относились легкие дротики и мечи или кинжалы для ближнего боя. Вначале их редко использовали в крупных сражениях, за исключением фракийских областей, где изначально пользовались таким вооружением. Более того, они оказались и слишком дорогостоящими. 1300 пелтастов из фракийского племени диев, прибывшие слишком поздно для того, чтобы отправиться в Сицилию с Демосфеном, безуспешно требовали по драхме в день (жалованье свободного гражданина) в том случае, если бы их оставили сражаться против Декелей (крепость в Аттике, занятая скарбанцами и очень мешавшая Афинам. – *Ред.*). С тех пор Афины стали использовать в заморских походах представителей низшей цензовой группы гражданского населения – фетов, вооруженных небольшими круглыми щитами. Это превращение бедных граждан в дисциплинированных пехотинцев, возможно, сразу повлекло бы за собой тактические изменения, если бы в них не отпала нужда в связи с окончанием Пелопоннесской войны. Но даже при существующем положении перспектива службы за плату стала соблазном, который побуждал бедных афинян благосклонно взирать на заморские походы. (Плата гражданам за военную и морскую службу была впервые введена в период между 479 и 431 гг. до н. э.)

Мир, очевидно, наводнил Средиземноморье большим числом греков, которые привыкли зарабатывать себе на жизнь войной. Наиболее яркой демонстрацией потенциальных возможностей этих сил стал поход «десяти тысяч». Эта тема заслуживает отдельного рассмотрения. Уже в ходе Пелопоннесской войны появились признаки того, что тираны и олигархи понимали, какое мощное оружие в их руках могла представлять собой наемная армия. Согласно Фукидиду, олигархи и демократы Коринфа использовали «наемников с континента», видимо варваров, ссыльные из Митилены нанимали наемников из числа жителей Пелопоннесского полуострова, ссыльные из Орхомена тоже нанимали солдат на Пелопоннесском полуострове, в Аркадии. В 403 г. до н. э. как олигархи, так и демократы в Афинах пользовались услугами наемников. Когда 30 тиранов, удалившихся в Элевсин, попросили защиты у Спарты, Лисандр выделил им кредит 100 талантов и на эту сумму набрал на Пелопоннесе много гоплитов. Демократы тоже пользовались помощью наемников. Сам Лисий набрал 300 из них, он обеспечил их 200 щитами и 2 тысячами драхм и уговорил предводителя демократов Элиды пожертвовать 2 таланта. Точно так же в 401 г. до н. э. новость о том, что олигархи Элевсина нанимают войска, послужила поводом для их окончательного свержения со стороны восстановленной демократии в Афинах.

Кроме афинян, и другие греки считали возможным воспользоваться наличием большого числа оказавшихся безработными воинов. Яркий пример представлял Клеарх, спартанский

гормост города Византий. Свободно распоряжаясь деньгами, он собрал вокруг себя армию и превратил свою власть в тиранию. Но по призыву жителей Византия Спарта прислала войско и сокрушила тирана. Резкая активизация использования наемников в конце Пелопонесской войны явилась лишь симптомом развития событий, нашедшего свое завершение в IV в.

Часть вторая
ЭПОХА КИРА МЛАДШЕГО И ДИОНИСИЯ I

Преобладание греческих наемников в Средиземноморье IV в. до н. э. было одновременно и симптомом, и побочной причиной падения полисной системы. В эволюции наемников из ранних ополченцев можно усмотреть часть великого переходного процесса, ведущего от полиса к эллинской монархии как основе политической жизни. Наемный воин являлся средством насильственного подчинения демократии автократией. И индивид, обладавший управленческим даром, мог поставить себя выше сообщества или совокупности сообществ.

Наемный солдат не выделился бы заметно в IV столетии до н. э., если бы греческие полисы уже не начали приходить в упадок. Когда Афины и Коринф достигали вершины своего экономического и политического процветания, они могли обеспечивать средствами и работой почти всех своих граждан и, кроме того, иностранцев. Никто не нуждался в том, чтобы зарабатывать себе на жизнь войной: средний грек V в. до н. э. не имел никакого желания приобщаться к жизни наемника и испытывал мало доверия к ее преимуществам.

Пелопоннесская война, нанеся большой ущерб значительной части Греции, стала непосредственной причиной греческого упадка, а также способствовала из-за последующих внутренних волнений появлению огромного числа солдат, готовых служить наемниками. Но эта война была также причиной повышенного спроса на профессиональных воинов в Греции. Ее продолжительность, территориальный охват и сложные условия ведения кампаний постепенно вывели из употребления старый тип гражданина-ополченца.

Изменение статуса наемника воспроизводится различными терминами, в которых он описывается. В VI в. до н. э. его обычно называли «помощник». Ссылаясь на его оплату казалось неприличным нанимателю и нанимаемому воину. Поэтому его и называли «помощником» – профессионалом, который делился с отрядом любителей своими умениями в определенной военной сфере (поскольку считалось, что любой гражданин способен защищать страну, даже если для его военной подготовки уделялось минимум внимания). В первой половине IV в. до н. э. наемник являлся фигурой слишком реальной. Он представлял собой слишком непреложный факт, чтобы его существование прикрывать эвфемизмами. Теперь это был «пелтаст, получающий плату» – предполагалось, что он относится к наиболее распространенному типу новой пехоты. Гражданин все еще сохранялся как гоплит. К концу IV столетия до н. э. не надо было напрягаться, чтобы отличить одного от другого. Наемник теперь был просто воином, солдатом. Ополченец потребовал бы какого-нибудь отличительного эпитета. Гражданин V в. до н. э. заменил профессиональный солдат греческих монархов.

Эта трансформация приемов ведения войны – участие в ней более дисциплинированных, специализированных и диверсифицированных войск – создала новую нишу для греческих солдат в самой Греции. Особенные условия вне Греции обеспечили другую, более широкую сферу для их найма. В Персидской империи стала ослабевать центральная власть. Местные правители становились все более независимыми и амбициозными. Их положение нуждалось в военной защите, и они довольно легко нашли ее в лице греческих наемников – потому что пехота, нанимавшаяся в Греции, продолжала доказывать свое превосходство над любой другой, сформированной в Азии. Персидский царь царей был вынужден следовать примеру мятежных правителей и нанимать греков для подавления мятежей. Этот процесс продолжался до тех пор, пока все азиатские армии не стали полагаться на греческих наемников.

Особые условия складывались и на западе. Возобновил свою прежнюю агрессивную политику Карфаген, а Сицилия после Пелопоннесской войны оказалась не в состоянии давать

ему адекватный отпор. Чрезвычайная обстановка породила Дионисия, который утвердился в качестве воинственного автократа-правителя, главным образом потому, что проявил способность сдерживать карфагенян. Он был первым и одним из ярчайших примеров тех особо одаренных полководцев, которые потребовались для того, чтобы умело воспользоваться профессиональными солдатами. И демократии, и олигархии не способствовали появлению прирожденного лидера, поскольку они не могли приспособиться к наилучшим способам руководства наемными армиями. Доминирующая личность, обладающая властью и инициативой для успешного командования наемниками, не лучшим образом воспринималась в обстановке ограничений древнего города-полиса. Такой лидер либо становился непатриотичным и искал применение своим способностям за рубежом, либо оставался дома и становился тираном. В обоих случаях его положение было непрочным, а город не мог получить от него ожидаемых услуг. Проблема не решалась до тех пор, пока предводителей наемников не заменили автократы, которые возглавляли свои армии подобно царям, не связанным присягой городу, или обладали властью передавать своих солдат под командование избранных ими полководцев.

Вновь образованные греческие царства появились не только для того, чтобы обеспечить нужную организацию для ведения войн на профессиональном уровне, само их образование радикально изменило социальные и экономические перспективы развития греков. Бурные события, которые прежде способствовали росту численности наемников, постепенно улеглись, когда греческие города ушли в тень новых образований на Ближнем Востоке. Таким образом, число профессиональных солдат сократилось как раз в то время, когда спрос на них устоялся. Эллинские монархии разрешили социальные и военные аспекты проблемы, связанной с наемниками.

1. Вступление

Кир Младший, сын Дария II, начавший борьбу со своим братом Артаксерксом, наняв 10 тысяч греческих солдат, едва закрыл один период истории греческих наемников, как открыл другой (он нанял 13 тысяч, 10 тысяч осталось к моменту начала «похода 10 тысяч» к Черному морю – после битвы при Кунаксе в 401 г. до н. э. в Месопотамии, где Кир Младший был убит. – *Ред.*). С этих пор его акция, если смотреть на нее с определенной точки зрения, выглядит всего лишь кульминацией длительного процесса в развитии военного искусства.

В течение долгого времени сатрапы привыкли использовать греческих наемников в качестве телохранителей или для несения гарнизонной службы на побережье Малой Азии. Не в новинку для сатрапов было собирать греческие войска и для мятежных действий против царя царей. Мегабиз познал доблесть гоплита в своем Египетском походе, и, замыслив мятеж, он тайком переправил из Суз тех самых афинян, которых пленил в свое время, чтобы они образовали ядро его армии в Сирии. Позже восставали другие сатрапы, полагаясь на греческие войска, которые лишь предавали их. В сравнении с этими прецедентами попытка Кира Младшего отличалась лишь очень большим количеством привлеченных войск и огромным честолюбием.

Как обычно, личный состав армии вполне соответствовал ее функциям. Кир приказал своим агентам отбирать преимущественно пелопоннесцев, и впоследствии его войска, как и прежние контингенты наемников, состояли более чем наполовину из уроженцев Аркадии и Ахайи (Ксенофонт, Анабасис). Их вооружение тоже было обычного типа, на девять десятых эти солдаты были гоплитами. Этого следовало ожидать, поскольку именно в тяжеловооруженных войсках греки продемонстрировали свое превосходство над персами. Кир заполнил явный недостаток в легковооруженных воинах и кавалерии рекрутами из местных жителей. При отступлении «десяти тысяч» обнаружилось, что такая военная организация была серьезным просчетом. Любая армия греческих гоплитов того времени испытала бы аналогичные затруднения, если бы при отступлении подвергалась атакам мобильных восточных легковооруженных войск. К чести Ксенофонта и других командиров, они смогли найти средство защиты.

Однако имелись две особенности, которые отличали поход «десяти тысяч» от всех предшествующих походов. Во-первых, Греция никогда не поставляла такой массы наемных войск. По численности она равнялась, должно быть, всем гоплитам, которых Афины послали против Сиракуз. Данные войска, почти равные по численности тем, что участвовали в Сицилийском походе, находились так же далеко от родины, но они не были одушевлены национальной целью. (Общее число гоплитов, посланное в Сицилию, оценивается в 10 600. В Сицилию было послано сначала 38 тысяч, затем 26 тысяч воинов и моряков, всего около 64 тысяч. – *Ред.*) Более того, позднейшие события в истории похода «киреанцев» выявили вторую уникальную особенность. Вместо достижения цели, поставленной перед ними, и последующего роспуска их неожиданно бросили на произвол судьбы, во-первых, из-за утраты их нанимателя и, во-вторых, из-за умерщвления их военачальников. С этих пор им пришлось пройти через такие испытания, что оставшаяся часть войск выработала корпоративный дух и превратилась любопытным образом в первую бродячую армию наемников.

Для нас поход «десяти тысяч» представляет дополнительный интерес и в связи с

«Анабасисом» Ксенофонта. Они представляли собой единственную наемную армию, о приключениях которой мы узнаем по записям очевидца. Для живописного повествования Ксенофонт использовал весь свой писательский дар. В частности, после второй книги повествование пронизано личными эмоциями. До такой степени, что возникает желание, чтобы более поздние авторы сохраняли больше оригинального текста от трудов других авторов. Впрочем, Диодор отчасти идет навстречу такому пожеланию. Тем не менее «десять тысяч» если и не являются самой типичной греческой наемной армией, но, поскольку эта армия наиболее известна нам, она требует полного и подробного толкования.

2. Набор «десяти тысяч»

Набор по необходимости столь большой массы людей представлял собой сложную задачу. Но набор этих солдат был сложным вдвойне, поскольку Кир желал скрыть свою подлинную цель. Поэтому «десять тысяч» (13 тысяч. – *Ред.*) зачислялись на службу поодиночке, якобы в различные отряды. Рекрутам не раскрывали подлинной цели того, для чего их нанимают, и того, что их подчиняют единому командованию.

Ядро составили аркадские телохранители Кира из 300 гоплитов под командованием Ксения. Они служили Киру еще до 405 г. до н. э., когда сопровождали его в Сузы. У Кира, очевидно, уже были греки, командовавшие его гарнизонами в Малой Азии. Далее первым его действием был приказ этим командирам нарастить свои силы. Причиной называлась необходимость использовать рекрутов против Тиссаферна, который, как утверждалось, замыслил нападение на города своей бывшей провинции, которую Кир взял под свой контроль.

Чтобы сформировать второй отряд, Кир передал Клеарху, спартанскому изгнаннику, 10 тысяч дариков (золотая монета весом 8,4 г; т. е. 84 кг золота. – *Ред.*) (плата на шесть месяцев вперед?), на которые тот собрал войско в Херсонесе. Вероятно, у Клеарха уже было некоторое число наемников, при помощи которых он удерживал свою тиранию в городе Византий. Теперь его борьба против фракийцев снискала ему благодарности и материальные пожертвования от городов Геллеспонта. Так, по крайней мере, утверждает Ксенофонт: можно ли быть уверенным, что это не шантаж?

Третий агент Кира явился непрошеным. Аристипп, бывший уже чужестранцем, пользующимся защитой закона при Кире, обратился к нему за помощью в борьбе против политических противников в Ларисе, где он, видимо, возглавлял олигархическую реакцию. Он запрашивал всего 2 тысячи наемников и сумму на три месяца жалованья для них, но Кир удвоил требуемое, он послал Аристиппу 4 тысячи наемников и сумму денег на оплату жалованья за шесть месяцев. Ксенофонт говорит, что таким образом Кир смог скрыть тот факт, что содержал регулярные войска в Фессалии. Любопытно, однако, что, когда начался поход, Аристипп отправил Киру только тысячу гоплитов и 500 пелтастов под командованием Менона. Сохранил ли он оставшихся воинов, чтобы продолжать борьбу с противниками в Фессалии? (Ксенофонт не утверждает, будто Аристипп помирился со своими противниками, но что Кир велел ему помириться с ними и затем послал наемников. Из моего толкования событий становится очевидным, что Аристипп предпочел выполнить требование Кира только частично: он послал лишь те войска, какие мог позволить себе в данный момент.)

Кир призвал другого чужестранца, Проксена из Феба, собрать войско с целью дать отпор набегам из Писидии.

Наконец двум другим чужестранцам (возможно, двум старым его агентам по вербовке наемников), Софенету из Аркадии и Сократу из Ахайи, было велено собирать войска, чтобы помочь милетским изгнанникам в борьбе против Тиссаферна.

В результате войсковую группу, собравшуюся в Келенах, можно легко представить таким образом:

Командир	Число гоплитов	Число других воинов
Ксений	4000	—
Проксен	1500	500 гимнетов
Софенет	1000	—
Сократ	500	—
Пасий из Мегары	300	300 пелтастов
Менон	1000	500 пелтастов (выходцев из Долопии в Эпире, энианов из Южной Фессалии и уроженцев Олинфа)
Клеарх	1000	800 пелтастов (Фракия): 200 лучников из Крита

Окончание табл.

Командир	Число гоплитов	Число других воинов
Сосий из Сиракуз	300	—
Всего:	9600	500 гимнетов, 800 греческих пелтастов, 800 фракийских пелтастов и 200 лучников

Небольшой контингент под командованием Сосия нигде не упоминается Ксенофонтом. Пасий ранее служил Милету. Надо заметить, что около половины пелтастов были варварами, большинство же из них – выходцы из Северо-Западной Греции. Все они не составляют общего числа наемников Кира, поскольку он оставил гарнизоны достаточно сильные, чтобы оборонять цитадели своих азиатских городов.

В Киликии к этому войску (11 900 человек) добавилось 700 гоплитов под командованием Хирисофа из Спарты (*Ксенофонт. Анабасис*. Диодор приводит цифру 800). О нем Ксенофонт бросает туманное замечание, что Хирисоф был «послан Киру». Трактую это замечание, Диодор утверждает, что он был послан Спартой в поддержку, запрашиваемую Киром у своего союзника. Такая трактовка, хотя и не имеет документального подтверждения, может быть принята на веру.

Кроме того, 400 греческих наемников перебежали к Киру из войска Аброкома, сатрапа Финикии (итого – 13 тысяч. – *Ред.*). Интересно обнаружить такой контингент греков далеко на Востоке. Вероятно, они служили сатрапу в качестве личной гвардии, подобно 300 грекам у Кира. О местах их происхождения сведений нет. (Некоторые историки объясняют их присутствие здесь подготовкой Артаксерксом вторжения в Египет.)

3. Организационная структура «десяти тысяч»

10 (вначале 13) тысяч, как мы видели, не имели четкой организации. Войсками командовали различные предводители, первоначально их собиравшие. Войдя в общую армию, эти предводители держались с подчиненными войсками обособленно. Солдаты нескольких военных частей были организованы в лохи-отряды. Разные оценки этого вида военного подразделения на первый взгляд несколько странны, поскольку относятся к наличным лохам разной численности. (Например, у Ксенофонта в Анабасисе два лоха отряда Менона состоят из 100 человек, следовательно, лох насчитывал 50 человек. Но у Ксенофонта же далее арьергардный лох насчитывал около 70 человек.) Объяснение, видимо, заключается в том, что большинство войск было организовано на основе лохов численностью по 100 человек. Хотя в подразделении Менона лох состоял из 50 человек.

При дальнейших реорганизациях, например отборных воинов, использовался лох в 100 воинов. Но в ходе отступления прежние подразделения перестраивались не так, чтобы сохранять полную численность каждого лоха в 100 воинов. Поэтому даже лохи отборных солдат позднее сократились в результате потерь до 70 воинов. Лох в 100 воинов делился на два подразделения по 50 воинов, а эти подразделения, в свою очередь, на отделения отборных воинов, численность которых не приводится.

Легковооруженными войсками командовали таксиархи, но у нас нет данных о численности их подразделений.

4. Происхождение наемников

В заключительных главах своего повествования Ксенофонт дает нам несколько общих указаний относительно самих воинов, из которых состояло войско. Как уже показано, более половины из них составляли гоплиты из Аркадии и Ахайи, происходившие из земель, где наемная служба стала традиционной. Но других воинов нанимали почти во всех уголках греческого мира. Нижеследующая таблица покажет происхождение тех воинов, которые известны нам поименно, – в большинстве своем это командный состав:

Аркадцы	16	Акарнанцы	} 1	
Афиняне ¹	8	Аргивяне		
Спартанцы, включая периеков	6	Хиосцы		
Ахейцы	5	Критяне		
Элейцы (из Фракии)	3	Мегарцы		
Фессалийцы	} 2	Самосцы		
Дарданийцы		Этеанцы		
Беотийцы		Локрийцы		
Сиракузяне		Лидийцы ²		
		Сикионцы		} 1
		Темеритцы		
		Фурийцы		
Всего: 61				

¹ Исключая Феопомпа, поскольку это псевдоним Ксенофонта.

² Лидиец выступал под видом беотийца.

Попадают также энианы, долопы и родосцы, но без имен. (Из Анабасиса Ксенофонта можно сделать вывод о том, что в войске было не менее 200 родосцев.) Число упомянутых афинян выглядит поразительно большим, но могло быть так, что Ксенофонт был склонен привлекать на службу больше своих земляков. Упущением в этом списке, которое заслуживает внимания, является отсутствие фокидцев и этолийцев – потому что позднее эти области Греции стали одними из главных поставщиков наемников.

Судя по источникам, верить в то, что сколько-нибудь значительная часть «десяти тысяч» состояла из изгнанников, нет оснований. Мы узнаем о Клеархе и Драконтии из Спарты, Гавлите из Самоса, Архагоре из Аргоса, Тимасионе из Дардана. Но сам факт, что некоторые из них обозначаются эпитетом «беглый», указывает на них как на исключение, а не правило. Об их мотивации Ксенофонт пишет: «Ведь большинство воинов прибыло из-за моря, чтобы поступить на службу по найму не из нужды, но потому, что они слышали о щедрости Кира. При этом некоторые из них привели с собой товарищей, а другие затратили собственные средства. Были и такие воины, которые бросили отцов и матерей, а иные покинули и детей своих с тем, чтобы вернуться обратно, накопив для них богатства, так как они слышали, что у Кира многие добились счастья и благополучия. Поэтому они горели желанием вернуться в Элладу».

Ксенофонт, возможно, поддавался некоторому искушению сгустить краски. То самое место, где он вводит в свое повествование такое замечание, указывает на это. Речь идет об отступлении греков вдоль побережья Черного моря. Ксенофонт вынашивал идею создания там колонии, но встретил сильное сопротивление со стороны тех греков, которые предпочитали не селиться среди варваров. Поэтому он, может быть, преувеличил число тех, которые желали вернуться домой и у которых еще оставались дома, куда они могли вернуться.

Но даже при допущении некоторого преувеличения его повествование о «десяти тысячах» разительно отличается от того, которое дает Исократ. Согласно последнему, в отступавшей армии было всего «6 тысяч греков, отобранных отнюдь не по превосходным качествам, но это были те греки, которые из-за своих пороков не имели права жить в собственных странах». Исократ в этом фрагменте из «Панегирика» выглядит даже более тенденциозным, чем Ксенофонт. Он поносит воинов из войска Кира так, чтобы возбудить идею похода эллинов против Персии, и воспринимает этих воинов в понятиях наемных войск своего времени. В своем позднем труде («К Филиппу») он рассуждает более сдержанно: «Тогда не было наемных войск: и поэтому они были вынуждены рекрутировать наемников в городах и больше тратить на подношения тем, которые набирали их, чем на жалованье самим воинам». Это в определенной мере подтверждает характеристику Ксенофонтом людей, ставших наемниками из спекулятивных соображений. Что, конечно, недалеко от истины.

Из принятых на службу новых воинов нам известен только один, которого можно идентифицировать как профессионального наемника, – Дексиппа, сделавшего скандальную карьеру в Сицилии. Вероятно, большинство воинов были довольно молодыми людьми. Те, возраст которых был до 30 лет, очевидно, составляли основную часть войск. Тех же, кому за сорок пять, было немного. Их хватало на то, чтобы составить минимальную охрану лагеря на случай чрезвычайной обстановки. (Их число оценивают в 200 человек.)

5. Повествование о «десяти тысячах»

Теперь давайте последуем за повествованием о «десяти тысячах», отмечая такие эпизоды, которые смогут пролить свет на природу этого сборного войска, как наемников.

Когда Кир собрал войска в Малой Азии, то объявил своей целью завоевание Писидии, которая никогда не покорялась Персии полностью. Но Тиссаферн сразу же заподозрил, что приготовления Кира слишком велики для такой цели. Он отправился в Сузы, чтобы предостеречь царя царей. Пока воины не достигли Киликии, они не выражали сомнений. Но там они отказались идти вперед, сетуя, что не нанимались для кампании против царя царей. Ксенофонт приводит интересный рассказ о том, каким способом Клеарх преодолел их сопротивление. Сначала он просто попытался заставить их идти, но воины, сделав несколько шагов вперед, начали забрасывать камнями его и вьючных животных. (Это первое письменное свидетельство неподчинения солдат своим командирам. Они уже грабили город Таре в отместку за гибель нескольких товарищей, что было всего лишь проявлением недисциплинированности. Но здесь возникла опасность мятежа.) Поэтому Клеарх изменил тактику. Он провел «сбор» собственных воинов. На время армия становится очагом греческой демократии, а Клеарх ее покровителем, гарантом, использующим софистику Ферамена.

Он начал с того, что «стоял и плакал продолжительное время, пока они наблюдали его в молчании и удивлении». Затем произнес речь, указывая на боль, которую почувствовал от внутренней борьбы долга перед Киром и долга перед воинами. Он прибавил далее: «Я считаю вас своим Отечеством, друзьями и союзниками. С вами я, где бы ни был, чувствую свою ценность. Без вас я не могу преуспеть в помощи друзьям или в мести врагам». Это заявление произвело такое впечатление, что более 2 тысяч воинов Ксения и Пасия перешли в лагерь Клеарха.

Затем Клеарх сымитировал Ахилла. Разгневавшись, он укрылся в палатке, в то время как Кир в соответствии с их тайной договоренностью посылал к нему гонцов, которым он отказывал в приеме. К этому времени Клеарх достаточно восстановил свой престиж, чтобы быть в состоянии созвать общий сбор для обсуждения того, что следует предпринять. Подговорив несколько воинов предложить абсурдные варианты действий, он смог легко убедить войска в необходимости поддерживать хорошие отношения с Киром. Избрали депутацию к Киру, чтобы выяснить его планы. Тот заявил, что желал всего лишь напасть на своего противника Аброкома, сатрапа Финикии, который находился в это время на берегах Евфрата. Это объяснение успокоило, хотя и не убедило солдат. Они потребовали прибавки к жалованью, и Кир увеличил его с дарики (золотая монета, 8,4 г золота) до дарики с половиной в месяц. Единственным непосредственным следствием этих событий, видимо, явилось то, что Ксений и Пасий, два командира, солдаты которых присягнули на верность Клеарху, в раздражении покинули войско. Кир воспользовался случаем для благородного жеста. Он не преследовал дезертиров и сказал, что не будет подвергать репрессиям их жен и детей, которых держал заложниками в Траллах.

Достигнув берегов Евфрата, Кир созвал военачальников и раскрыл им свою подлинную цель – начать военную кампанию против царя царей. Ксенофонт сообщает, что Клеарх был единственным греком, который знал об этом с самого начала. Воины выразили возмущение военачальникам, когда услышали об этом, но поворачивать было слишком поздно, поэтому они ограничились требованием повышения жалованья. Они напомнили, что аркадцы, сопровождавшие Кира в Сузы в 405 г. до н. э., получили особую премию и сказали, что рассчитывают по меньшей мере на такое же вознаграждение. (Это проливает дополнительный свет на положение аркадских телохранителей и побуждает предположить, что они, видимо, хорошо оплачивались и предназначались для специальных операций.) Кир пообещал каждому воину по 5 мин (1 мина равнялась 100 драхмам или 50 статерам. – *Ред.*), когда они достигнут Вавилона, и полное денежное обеспечение обратного пути в Ионию.

Один из военачальников, Менон, надеялся нажить капитал на недовольстве воинов. Он убедил свой отряд немедленно переправиться через Евфрат: за такую инициативу они, дескать, получат от Кира похвалу и обещание вознаграждения. Этот эпизод важен указанием на то, что киряне все еще представляли в действительности разрозненное войско, каждый из командиров которого добивался преобладания. Также интересны последствия этого. Между войсками Менона и Клеарха возникла ссора. Клеарх приказал высечь одного из воинов Менона и вызвал таким образом ненависть к себе его товарищей.

«В этот самый день Клеарх, прибыв к переправе через реку, проезжал верхом с небольшой свитой через расположение отряда Менона к своей палатке... Один из солдат Менона, коловший дрова, увидел проезжавшего Клеарха и запустил в него топором. Он не попал, но затем один за другим многие солдаты с громкими криками стали кидать камни. Клеарх спасся бегством к своему отряду и тотчас же призвал его к оружию».

Этот инцидент привел бы к бою между двумя отрядами войска, если бы не вмешался Проксен со своими воинами, сдерживая столкновение, пока Кир успокаивал Клеарха. Перед неминуемой битвой с царем царей (Артаксерксом II) непосредственная угроза внутренних столкновений отступила. Кир привел воинов в крайнее возбуждение, пообещав каждому из них золотую корону, если добьется победы. В битве при Кунаксе в греческих войсках не наблюдалось разброда. Они действовали под командованием Клеарха в едином порыве. Однако Клеарх отказался следовать общему боевому плану Кира, а его собственная тактика оказалась непригодной для особых условий службы наемных войск на чужих землях. Спартанский военачальник, как и в предыдущих боях, сокрушил левый фланг противника. Затем, когда обнаружил, что обойден вражескими войсками, он отступил. На следующий день Клеарх узнал, что, пока он преследовал противника, Кира убили. После этого войско утратило цель: поскольку Арией отказался от трона, который предложил ему Клеарх, все еще уверенный в победе.

Предоставленные самим себе, «десять тысяч», заняли оборонительную позицию и отвергали требования Артаксеркса II сложить оружие. «В момент слабости» некоторые из них предлагали перейти на службу Персии для борьбы с Египтом (Артаксеркс II был бы достаточно мудр, чтобы принять это предложение). Наконец явился Тиссаферн и объявил, что уговорил царя царей позволить ему провести греков обратно в Грецию. На самом деле он повел греков через Тигр, чтобы поставить их в изолированное положение и в зависимость от себя.

Интересно отметить, что в течение всего этого тревожного периода все предложения и переговоры велись одними стратегами и лохагами (командирами лохов). Не прозвучало ни одного призыва созвать общий сбор. Воины доверяли своим командирам, а те, в свою очередь, зависели от Клеарха. За одним исключением. Сразу после битвы при Кунаксе Менон присягнул Арией и связался через него с Тиссаферном. Завидуя Клеарху, он хотел присвоить себе все выгоды примирения с Персией. Клеарх тоже стремился во время личной встречи развеять опасения Тиссаферна. Он повторил предложение о переходе на службу к персам, чтобы бороться с Египтом. И кроме того, прозондировал возможность для Тиссаферна занять место Кира в качестве предводителя греческих наемников и в использовании греков в провинции Малая Азия. Тиссаферн сделал вид, что считает это честью для себя, и пригласил всех стратегов выразить на общей встрече свою лояльность к нему. Так, играя на противоречиях греческих военачальников, Тиссаферн смог схватить (и ликвидировать) пять стратегов и двадцать лохагов.

«Десять тысяч» оказались без главных военачальников в незнакомой и суровой стране, лицом к лицу с противником, которого они хорошо знали. К счастью, они не позволили принудить себя к капитуляции. Вместо этого воины, воодушевляемые Ксенофонтом и некоторыми другими, объединились в решимости сопротивляться. Но даже в этом случае отступление началось без должной организации. Ксенофонт, который не был

профессиональным воином, но просто приспешником Проксена, начал с того, что созвал его лохагов. Затем они пригласили на совет оставшихся стратегов, Хирисофа и Софенета, а также других нижестоящих командиров и лохагов. В своей речи Ксенофонт обратился к ним как к опекунам простых воинов. «В мирное время вы превосходили их в богатстве и славе, теперь, когда идет война, вы должны подняться над уровнем массы, должны, если понадобится, руководить и заботиться о них». Затем лохаги посредством выборов заместили освободившиеся должности погибших стратегов. И только после этого командиры созвали общий сбор воинов для одобрения их решений.

План состоял в том, чтобы пробиться на северо-запад из Месопотамской равнины или в случае неудачи осесть на месте и сопротивляться царю царей как мисийцы и другие азиатские племена. В это время Ксенофонт выступает с предложением, которое, если оно действительно высказывалось, явилось любопытным предвосхищением позднейшей истории. «Поэтому я считаю более правильным и более честным сперва попытаться пройти в Элладу к своим родным и объяснить элинам, что они по доброй воле остаются в нужде, так как у них есть возможность отправить сюда людей, живущих там в суровых условиях, и видеть их богатыми». Это устремление отозвалось эхом 60 лет спустя на страницах произведений Исократы и было реализовано в царствах диад охов.

В чрезвычайной обстановке армия приняла несколько другой характер. Стратеги преднамеренно старались обращаться с простыми воинами как с партнерами в одном деле преодоления опасностей. Ксенофонт обратился к ним с призывом вести себя как Клеарх в обеспечении дисциплины. В то же время он гордился своим необычным поведением, когда был готов в любое время общаться с самым юным воином. Это товарищество в беде иногда нарушалось отдельными странными личностями, например родосцем, который изобрел способ переправиться через реку Тигр, желая получить талант в виде вознаграждения. Был отмечен лишь один случай неподчинения. Но тяжелые условия делали людей жестокими. Они уродовали тела врагов. Одного пленника убили на глазах другого, чтобы оставшийся в живых показал грекам дорогу. Возможно, так складывалась ситуация. Однажды преступника чуть не закопали в землю заживо, правда, справедливо отметить, что преступление совершил не солдат, но носильщик. (Все вышеописанное – обычная практика реальной войны. Можно вспомнить резню Лисандром 3 тысяч пленных афинских моряков, захваченных врасплох при Эгос-Потамах в 405 г. до н. э., когда они из-за отсутствия жесткой дисциплины разбрелись по берегу и не успели занять места на своих тронах. – *Ред.*)

Обстановка в целом и войско снова изменились, когда воины благополучно достигли Трапезунта (совр. Трабзон). (Автор не осветил самый тяжелый этап героического похода «десяти тысяч». Всего за 1 год и 3 месяца они прошли с боями около 4 тысяч километров. – *Ред.*) Подчиняясь инстинктивному побуждению, они с энтузиазмом приветствовали морскую стихию. Это означало для них, что время полной изоляции от эллинского мира никогда не вернется. С исчезновением их страха пропало также и единство их цели. Едва они закончили праздновать свое избавление от испытаний на чужбине, как приступили к обсуждению планов на будущее. Их лучше разобрать в упрощенном порядке.

1) Предположим, они хотели вернуться в Грецию – и все, видимо, начали с этой посылки: а) они могли через Хирисофа обратиться к спартанскому наварху Анаксибию с просьбой прислать корабли и доставить их домой морем. Этот план, который сам по себе выглядел привлекательным для людей, изнуренных походом, был немедленно приведен в действие посредством отправки Хирисофа; б) чтобы убить время до возвращения Хирисофа и подготовиться к возможному провалу его миссии, они, по предложению Ксенофонта, позаимствовали у жителей Трапезунда 50-весельный корабль. На нем они решили заняться

немного пиратством. Захваченные ими корабли могли послужить позднее транспортными судами. Однако Дексипп, которому поручили командовать кораблем, воспользовался судном для побега из Понта, оставив товарищей бедствовать, как прежде. При помощи позаимствованного другого 30-весельного корабля им удалось захватить несколько судов, но их было недостаточно для того, чтобы переправить войска на родину. Провиант заканчивался, а Хириософ не возвращался. Поэтому: в) следовало принять третий план: им нужно следовать походным порядком по суше, отправив женщин и детей, а также мужчин за 40 лет морем.

В своем продвижении вдоль побережья «десять тысяч» входили в греческие города как непрошенные гости: иногда они были союзниками той или иной стороны во внутренних конфликтах, но чаще представляли собой настоящих грабителей. (Гераклейцы предоставили в виде безвозмездного дара 3 тысячи мер зерна, 2 тысячи кувшинов вина, 20 быков и 100 овец. Но воин из «десяти тысяч» сетует, что это не прокормит армию и три дня – что является явным преувеличением – зерна хватило бы почти на 14 дней 10 тысяч воинов.) Сипоп, считавший себя сильнее соседей, выслал послов с целью предостеречь участников похода, но даже синопцы спасовали перед твердой позицией Ксенофонта. Отсюда родился четвертый план: г) одной лишь угрозы со стороны «десяти тысяч» навеститься в Синоп было достаточно, чтобы предъявить требование о предоставлении необходимого числа кораблей для доставки воинов прямо в Гераклею. (Синопцы, видимо, не переставали интересоваться, чего они потребуют от Гераклеи.) Так или иначе, «десять тысяч» стали дожидаться прибытия этих кораблей.

2) Пока столкновений между военными предводителями не было. Хотя принятые планы носили разрозненный характер, они не противоречили друг другу. Но однажды Ксенофонт выдвинул план создания колонии в Понте и поселения в ней без возвращения в Грецию. Очевидно, с этого момента повествование Ксенофонта приобретает оправдательный оттенок. Два заместителя стратегов, Тимасий, исполнявший обязанности командующего вместо Хириософа, и Форакс, младший командир в отряде Ксенофонта, усмотрели в этом плане возможность извлечь двойную выгоду. Сначала они тайком сообщили синопцам об опасности, которой они подвергнутся, если Ксенофонт уговорит «десять тысяч» остаться в Понте. Это предостережение произвело впечатление на Синоп и Гераклею как шантаж. Представители двух городов сразу же предложили Тимасию деньги за то, чтобы он настаивал на необходимости для «десяти тысяч» двигаться дальше. После этого Тимасий выступил в роли спасителя армии, предложив каждому из солдат кизикинский статер в месяц, если они отправятся вместе с ним морем в Троаду и помогут ему восстановить свою власть в родном городе Дардане, откуда его изгнали. В то время в Дардане правила местная династия во главе с сатрапом Фарнабазом. Относительно использования этой династией наемников см. далее главу 6 этой книги. Он даже был готов предоставить им возможность поселиться в городе, продемонстрировав таким образом все пороки Дионисия. Это предложение, видимо, отражало личные амбиции Тимасия, поскольку Форакс в качестве альтернативной цели предлагал Херсонес. Воины тепло принимали эти заигрывания, и Ксенофонт попал в сложное положение, когда дипломатично поменял свою позицию и согласился с общим решением. Синопцы, поняв, что шантажу можно противостоять, отказались платить. Тогда Тимасий и Фораз, возможно в целях повлиять на синопцев, выдвинули новое предложение, на этот раз поселиться в Фасисе (совр. Поты в Грузии) на территории Колхиды. Предложение обсуждали стратеги, и когда об этом узнали воины, то они настроились порицать Ксенофонта за это изменение планов. Чтобы оправдаться, Ксенофонт (и здесь мы следуем его повествованию) созвал общий сбор и сурово предупредил воинов, что они погружаются в опасную стихию беззакония. Доказательства, на которые он ссылается, вполне правдоподобны. Выясняется, что в результате утраты общей цели армия деградирует в неуправляемую толпу. Кто пожелает, совершает разбойничьи набеги даже на

дружественные города, и популистские призывы ведут к немедленным расправам самосудом над жертвами за недоказанные преступления. В армии, как во время мятежа в Киликии, снова утвердилась демократия, был учрежден суд лохагов над всеми военачальниками (судебное преследование за должностные преступления) и над всеми другими, кто заслуживал обвинения. В результате за мелкие хищения были оштрафованы три стратега. Эти преобразования на время восстановили порядок.

Теперь корабли из Синопа доставили греческих воинов в окрестности города. Туда же вернулся от Анаксибия Хирисоф. Его миссия завершилась большей частью провалом: он добился не кораблей, но туманного обещания принятия их на службу, если им удастся вырваться из Понта. Дело в том, что Спарта в данное время переживала короткий период мира, хотя и в преддверии войны с Персией. Взять внаем остатки «десяти тысяч» представляло собой слишком дорогое предприятие для любой власти, а для Спарты было чревато компроматацией.

Другая причина разочарования давала о себе знать внутри армии. Воины все же приближались к Греции, но чувствовали, что им нечего привезти с собой домой. Некоторым повезло что-то приобрести во время службы Киру, но большая часть солдат растеряла или растратила свое достояние. Что-то досталось от продажи пленников в Трапезуйте, от набегов и пиратства, но это было слишком мало в сравнении с большими надеждами, которые вынашивали греки, идя на службу Киру. Крепло убеждение, что воины добьются больших успехов, подчинившись одному предводителю. Пост предводителя предложили Ксенофону, но тот со своей обычной ориентацией на предзнаменования отказался от него. Он предложил на этот пост Хирисофа, который был типичным спартанцем и поэтому являлся наиболее неподходящей кандидатурой на пост предводителя. На этом сходились все, а аркадцы считали, что его спартанское происхождение и полководческое искусство ценятся чересчур высоко. Однако Ксенофонт добился назначения Хирисофа.

Под его командованием воины отплыли в Гераклею, где за неспособностью других методов сбора денег ахейнин Ликон предложил изъять 3 тысячи кизикийских статеров (кизикийский статар, монета города Кизик из Электра (сплав золота и серебра весом 16 г. – *Ред.*) у горожан посредством шантажа. Сменившие его ораторы повысили эту сумму до 10 тысяч. Было предложено отправить послами, с целью добиться выполнения таких требований, Хирисофа и Ксенофонта, но те отказались, и вместо них выбрали Ликона и двух аркадцев. Однако гераклеяцы тянули с ответом, пока не закрыли доступ в город, чтобы игнорировать угрозы.

Провал миссии означал катастрофу. Уроженцы Аркадии и Ахайи, у которых разыграли национальные чувства, возложили вину за неудачу на Ксенофонта и Хирисофа. Они отказались подчиняться афинянину и спартанцу и, отделившись от остальной армии и будучи числом 4 тысячи гоплитов, выбрали десять новых стратегов с коллегиальными полномочиями. Ксенофонт пытался сплотить оставшиеся войска, но и они раскололись – на 1400 гоплитов и 700 пелтастов под командой Хирисофа и 1700 гоплитов и 300 пелтастов под командой Ксенофонта.

Аркадский отряд сильно пострадал, когда попытался заполучить необходимую добычу набегами на вифинских фракийцев. Ее спас лишь приход отряда Ксенофонта. Вследствие этого, а также смерти Хирисофа войска объединились в Калпес-Лимене. Они согласились никогда не разъединяться и оставаться под командованием прежних стратегов. Воссоединение значительно повысило бы репутацию Ксенофонта, если бы снова не начали ходить слухи, что он хочет основать колонию. Очевидно, эти слухи подкреплялись его нежеланием двигаться дальше без жертвоприношений, которые дали бы благоприятные предзнаменования. Но они являлись подозрительно медленно. Промежуток времени до прибытия Клеандра, гармоста Византия, был использован для набегов, в одном из которых бывшие воины Кира успешно сразились с войсками Фарнабаза.

Прибытие Клеандра сопровождалось небольшим, но важным инцидентом, выявившим контраст между армией, в которую превратились «десять тысяч», и армией, к которой привыкли спартанские блюстители строгой дисциплины. Некоторые участники набега, возвратившиеся с добычей, встретили Дексиппа, бывшего своего дезертира, который вернулся вместе с Клеандром. Они полагали, что смогут уберечь добычу от помещения в общий котел, если предложат часть ее Дексиппу и воспользуются защитой гармоста. Когда вмешались другие воины, не участвовавшие в набеге, Дексипп сказал Клеандру, что это воры, и получил приказ арестовать главаря воровской шайки. Но едва он арестовал одного солдата, как Агиас, один из лохагов, отнял у него пленника, а другие воины стали забрасывать Дексиппа камнями, называя его предателем. Их поведение стало столь угрожающим, что Клеандр со своими людьми обратился в бегство. Ксенофонт и другие стратеги попытались утешить оскорбленного гармоста словами: «Это лишь результат решения, что добыча принадлежит войску». Но Клеандра легко уговорить было нельзя. Дексипп охарактеризовал «десять тысяч» с самой худшей стороны, и эта характеристика теперь подтвердилась. Поэтому Клеандр пригрозил бросить их и даже поставить их вне закона в Спарте, которая в это время доминировала в Греции. Для кирян это уже было слишком: еще не наступило такое время, когда наемники могли игнорировать подобную угрозу. Они уступили представителю всей Греции и старались успокоить его речами и согласием с его решениями. Позднее Ксенофонт замечает: «...и когда он увидел, как они дисциплинированы и подчиняются командам, то еще больше захотел стать их командиром».

Таким образом, они наконец прибыли в город Византий (через 7 с лишним веков, в IV в., на его месте будет построен Константинополь – новая столица Римской империи. – *Ред.*) и встали лагерем в его окрестностях. Анаксибий, наварх, не знал, что с ними делать, и не дал им ничего, кроме обещаний выплат жалованья. Фарнабаз провел с ним переговоры для получения гарантий, что киряне не будут использованы для нападения на его сатрапию, а Севтом Фракийский связался с Ксенофонтом. Наконец Анаксибий рекомендовал кирянам идти к Киниску, гармосту Херсонеса, который наймет их на службу. Сказав это, он закрыл ворота Византия в знак окончательного недоверия греческим воинам. Эта последняя задержка рассердила наемников выше всякой меры. Они пробились в город и, согласно Ксенофону, разграбили бы его, если бы не умиротворяющий характер одного из его выступлений.

Как раз на этом этапе возникает неожиданная развязка – появился фиванец Койратид, «который странствовал по Элладе, хотя и не был изгнанником: он мечтал стать полководцем и предлагал свои услуги всем городам и народам, нуждавшимся в стратеге». Подобные профессиональные стратеги были, как и профессиональные армии, не в новинку. Они стали появляться после того, как софисты открыли, что стратегию можно сделать дисциплиной в профессиональном обучении. Сам Койратид, однако, не был теоретиком, зато участвовал в событиях Пелопоннесской войны. (Койратид, в частности, командовал в городе Византии в 411–408 гг. до н. э. беотийским отрядом гарнизона. После измены городу его схватили афиняне, но он сбежал, сев на корабль в Пирее и добравшись до Декелей.) Он попытался подрядить армию для следования с ним во «фракийскую Дельту, где они бы нашли все необходимое: а до похода, по его словам, он будет обеспечивать их пищей и питьем». В первый день своего командования он явился в сопровождении двадцати человек, несших ячмень, другие двадцать несли вино, три – оливковое масло, и еще один нес столько чеснока и лука, сколько мог поднять. Когда же наступило время распределить эти продукты среди воинов, то на всех их не хватило. Поэтому Койратиду пришлось распрощаться с исполнением функций командующего.

По странному капризу судьбы первая большая армия греческих наемников оказалась в городе Византий, у ворот в эллинский мир, и все еще не могла обеспечить себя адекватным греческим нанимателем. Следующее столетие не раз показывало, как можно было использовать

большую профессиональную армию. Пока же никто не смог воспользоваться представившейся возможностью: наемные воины были малоэффективны без способного автократического лидера.

6. Остатки армии во Фракии

После неудачи с Койратидом военные советы снова разделились. Клеонор и Фриниск пожелали вести войска к Севтому. (Очевидно, Севтом II, царь Одрисского царства во Фракии, правил в 405–391 гг. до н. э. – *Ред.*) Неон, происходивший из периеков, счел за лучшее уговаривать армию служить под его началом в Херсонесе. Тимасий вновь выдвинул свой план использования воинов для обеспечения его возврата на родину в Дардан. Анаксибий, наварх, ждал развала армии, что отвечало его цели умиловить Фарнабаза. Однако он и Клеандр, гармоист Византия, были сняты со своих постов спартанскими властями, а их преемники были настроены столь враждебно к кирянам, что продали в рабство не менее четырехсот из них – в основном больных и раненых, – которых нашли в Византии. Из остальных воинов некоторые разочаровались в бродячей жизни наемников, освободились от оружия и отплыли домой. Другие отправились жить в города. У третьих же не осталось выбора, кроме как предложить себя Севтому. Он нанял их, пообещав «по кизикийскому статеру (в месяц), каждому лохагу вдвое и каждому стратегу в четыре раза больше и, кроме того, дать земли, сколько они пожелают, упряжных животных и укрепленное место у моря». Севтом даже предложил отдать в жены свою дочь Ксенофонту, который снова стал главным военным предводителем.

Судя по источникам, это первый случай, когда греческие наемники подрядились служить фракийскому царю. Причина этого шага объясняется тем, что «...наступила зима, и желающим отплыть домой нельзя этого сделать, а прожить в дружественной стране невозможно, раз необходимо за все платить, пребывать же и питаться во вражеской стране гораздо безопаснее вместе с Севтомом, чем без него. А если при всех этих благах еще будет выдаваться жалованье, то это надо считать чистой находкой». Все это верно, но не исключает объяснения Диодора, который утверждает, что «большинство из них, числом более 5 тысяч, привыкло вести жизнь профессиональных воинов». Хотя немало из них отправилось домой, а почти восемьсот пошли за Неоном в Херсонес, воины большей частью приобрели корпоративную психологию, предпочитали держаться вместе и продолжать заниматься военным ремеслом.

Севтом II хотел вернуть с их помощью царство предков, которое утратил его отец. Фактически война велась скотоводами методами пограничной войны в древности: наиболее пострадавшие племена сдавались и признавали Севтома верховным вождем. В конце первого месяца Гераклид, греческий агент Севтома, вернулся с вырученной суммой от продажи в цивилизованных землях добычи наемников. Но ее хватило лишь на двадцатидневное жалованье, и это вызвало много недовольства. Севтом также выделил несколько обещанных пар волов, но обошел вопрос о земле на побережье Мраморного моря.

Как раз в тот момент, когда усиливалось отчуждение между Севтомом и наемниками, из Спарты прибыли два посла, чтобы принять их на службу Фиброну для борьбы против Тиссаферна за обычную плату дарик в месяц. (Потому что Спарта наконец решила воевать с Персией и послала Фиброна с довольно незначительными силами освобождать греков Малой Азии от персидского господства.) Севтом был рад возможности избавиться от кирян, поскольку они выполнили свое предназначение и стоили слишком дорого. Он предложил Ксенофонту остаться при нем с тысячей воинов, но предложение не было принято. Ксенофонту удалось даже (при помощи послов из Спарты) убедить Севтома выплатить все, что он был должен. Так как у фракийского царя было всего лишь 1 талант наличных денег, он дал в счет своего долга в 30 талантов 600 быков, 4 тысячи овец и 120 пленников. С этими доходами и авансом со стороны

спартанцев киряне пересекли Азию и совершили марш в Пергам, занимаясь, по возможности, грабежами. Это было первое большое войско греческих гоплитов, служившее наемниками Спарты.

Глава 6

ГРЕЧЕСКИЕ НАЕМНИКИ ДО АНТАЛКИДОВА МИРА

1. На службе Спарте

Состав армии, которой командовал Фиброн (весна 399 г. до н. э.), поразительно похож на состав войска, которое привел в 424 г. до н. э. во Фракию Брасид, в то время как разница в соотношении между ними показывает перемену, происшедшую в методах ведения войны. Например:

Брасид	Фиброн
700 илотов	1000 вольноотпущенных
1000 союзников	4000 союзников
? из Халкидского союза	2000 ионийцев
+ 1500 фракийских наемников	5000 греческих наемников

Разница между двумя армиями заключается в том, что Брасид собирал своих союзников за плату как наемников. Фиброну, видимо, предоставили свободу действий в наборе его контингента, но воины находились на самостоятельном обеспечении, за исключением афинской кавалерии.

Большая разница в цифрах показывает, насколько расширились имперские ресурсы и устремления Спарты. Более важен, однако, рост численности греческих наемников в соотношении с воинами по призыву. В частности, подкрепление, полученное наймом кирян весной 399 г., можно противопоставить обращению Брасида за помощью к фракийским пелтастам весной 422 г.

Ксенофонт намекает на то, что прибытие его товарищей в первую очередь позволило Фиброну вступить в сражение с Тиссаферном. Но это скорее преувеличение. Присоединение кирян позволило Фиброну расширить свой план действий. Тем не менее, если истолковать то, что Ксенофонт не выразил точно, то легко понять, что использование Фиброном наемников принесло ему столько же вреда, сколько пользы, – потому что Ксенофонт сделал в своем повествовании несколько важных замечаний. (1. Эфоры отозвали и отправили в изгнание Фиброна (ибо союзники обвинили его в том, что он позволил своему войску грабить дружественные города). 2. Деркиллид провел войско через дружественную страну до подвластной Фарнабазу Эолиды, не причинив никакого вреда союзникам. 3. Послы, направленные из Спарты по поручению эфоров, созвав воинов, передали им, что они (эфоры) порицают войско за его прежнее поведение, но хвалят его за то, что оно теперь ни в чем не нарушает законов. «Вождь кирян» принимает упрек, содержащийся в первой части этого суждения, насчет своего войска и приписывает прошлые проступки плохому руководству Фиброна. Вероятно, этим вождем был сам Ксенофонт. Он любит рассказывать с позиции беспристрастного наблюдателя и поэтому скрывает свое имя.) Из всего сказанного очевидно, что кампания Фиброна была омрачена грабежами собственности союзников – такими способами киряне привыкли обеспечивать себе пропитание и имущество. Ксенофонт также намекает, что такая практика в целом предосудительна, хотя стремится переложить вину за нее на Фиброна. Это оправдание, видимо, справедливо отчасти, потому что спартанцы долгое время были, в лучшем случае, предводителями наемников, равнодушно вззирающими на их бесчинства.

Деркиллид, несомненно, командовал наемниками более успешно. Он проявлял полное

понимание зависимости наемников от регулярно выплачиваемого жалования. Главным же его методом предотвращения грабежей был вывод войск на зимний сезон на территорию противника. О том, что он смог, однако, повлиять в определенной степени на характер его новых войск, можно судить по тому, что в дальнейшем бывшие киряне поступают на службу Агесилаю уже как «деркиллидианцы».

Мы располагаем также любопытной ссылкой на использование Спартой в этот период времени наемных легковооруженных войск. Деркиллид после захвата Атарнея сделал это укрепление своей базой и поставил ее комендантом Драконта из Пеллены. По словам Исократы, «Драконт, заняв Атарней, с 3 тысячами собранных легковооруженных воинов опустошил Мисийскую равнину». Использованное слово (собранных) в данном контексте, очевидно, подразумевает, что войска Драконта рекрутировались путем найма. Так же как пелтасты, они не могли составлять какую-либо часть воинских контингентов Спарты или ее союзников. В свете дальнейших военных событий интересно само по себе использование такого большого количества легковооруженных войск. Но провести параллель с этим временем трудно, и, возможно, не стоит слишком налегать на слово «пелтасты».

Однако имеется несколько других ссылок об использовании спартанцами пелтастов в азиатских кампаниях. Впрочем, во всех этих примерах они выполняли свои обычные функции легковооруженных пехотинцев во взаимодействии с главными силами, состоявшими из гоплитов. Поэтому лучше предположить, что у Драконта также было некоторое количество таких воинов для подкрепления легковооруженных войск – возможно, контингент, оставленный ему Деркиллидом.

Откуда набирались эти пелтасты, сообщается неопределенно. Видимо, из местных жителей, а не из фракийцев, как обычно до сих пор. Возможно, они требовались не только для разорения зимой вражеской территории, но также для компенсации перевеса персов в легковооруженных войсках в период военной кампании. (На службе у персов в это время греческие войска были, видимо, в небольшом количестве, и они не появлялись на поле битвы. Это была личная гвардия (видимо) двух сатрапов – Тиссаферна и Фарнабаза.)

В 396 г. до н. э., когда в Малую Азию прибыл Агесилай, он привел в качестве подкреплений не менее 8 тысяч неодамодиев (вольноотпущенных) и союзников. Нанимать больше солдат, видимо, было непрактично. Так же как и во время Пелопоннесской войны, илот, частично получивший свободу и вооружение гоплита, мог заменить наемного воина. В это время он обходился дешевле.

Кроме того, когда первый опыт войны с персами убедил его в необходимости кавалерии, Агесилай собрал ее в Малой Азии, принудив богатых граждан поставить лошадей, вооружение и всадников. Он не считал, что богачи должны были проходить военную службу лично: поэтому они на практике нанимали «людей умирать за них». Но, хотя этот метод привел к формированию конницы, частично наемной, Агесилай, видимо, не следовал ему до конца, предпочитая более простую практику обложения богатых налогом и набора конников самостоятельно. В целом обстановка указывает на то, что набор наемников в конницу находился еще на стадии привлечения на службу отдельных лиц. Но возможно, благодаря профессионализму, греческие всадники в первое время добивались успехов в сражениях с персидской конницей.

В 395 г. до н. э. Агесилай произвел очередную реформу. Из тридцати спартиатов, составлявших его штаб, он выбрал пятерых на должности командиров фаланг. Одного из них, Гериппида, поставили командовать кирянами. Реформа, видимо, означала, что Ксенофонт отныне перестал осуществлять общее командование над остатками «десяти тысяч», хотя известно, что он оставался с Агесилаем, по крайней мере первое время после битвы при

Коронее. Спартанский царь, видимо, решил, что наемники станут более надежными под командованием спартиата. Этого принципа, как мы увидим в дальнейшем, Спарта придерживалась во всех ее позднейших войнах.

К сожалению, такое распределение командования не облегчает нам задачу исследовать роль, которую играли киряне в этих военных кампаниях. Ведь командиры фаланг, когда действовали в отрыве от основной армии, обычно командовали смешанными силами. Единственный раз, когда упоминаются наемники, – это успешное использование деркиллидианцев (см. выше) во время внезапного нападения на мисийцев. Однако нет сомнений, что Агесилай умел обращаться с такого рода воинами. Потому что (летом) 394 г. до н. э., когда, намереваясь увести большинство своих войск в Грецию «и желая взять с собой воинов в возможно большем числе и наиболее искусных, он назначил награды тем из городов, которые пошлют наилучшее войско, тому из лохагов-наемников, который явится с наилучшим по вооружению отрядом гоплитов, стрелков или пелтастов» (Ксенофонт). Аналогичным образом, было предложено вознаграждение лучшей коннице, а также призы, золотые короны и оружие, общей стоимостью свыше 4 талантов.

В этих условиях битва при Коронее (394 до н. э.) вызывает особый интерес как первое серьезное сражение на греческой территории, в котором греческие наемники, как известно, сыграли выдающуюся роль. Киряне под командованием Гериппида образовывали часть центра фаланги, соседствующую с правым флангом, который составляли лакедемоняне: имелось также большое количество пелтастов, превышавшее даже легковооруженных граждан-ополченцев со стороны противников. Битва началась с атаки фиванцев, на которую часть наемников ответили контратакой. Вместе со спартанцами они легко рассеяли непосредственного противника, и некоторые киряне уже увенчивали Агесилая венком победителя, когда пришла весть, что фиванцы смяли левый фланг и захватили обоз. Агесилай сразу развернул свою фалангу с целью предупредить выход из боя фиванцев. Далее последовала ожесточенная схватка противников, которые отрезали друг друга от своих лагерей. Наконец фиванцы прорвались и отступили в направлении Геликона. Битва оказалась безрезультатной. Агесилай с остатками наемников-гоплитов вернулся на Пелопоннес.

Ксенофонт позднее писал, что во время Коринфской войны 395–387 гг. до н. э. наемников использовали как спартанцы, так и афиняне. Но следует заметить, что помимо этого единственного обобщения мы располагаем лишь одной ссылкой на наемников, которых набирали спартанцы на Пелопоннесском полуострове. (Полиен свидетельствует, что сторонники оппозиционного меньшинства в Коринфе тайком послали за спартанскими наемниками, чтобы впустить их ночью в город. Но об их заговоре предупредили Ификрата, и он сорвал его, бросив своих наемников против врагов, которые были убиты или захвачены в плен.) Эта скудная информация о наемных войсках в Лехее, видимо, соответствует действительности. К 394 г. до н. э. киряне уже находились на службе Спарте пять лет. Численность этих наемников, должно быть, значительно сократилась, пока Агесилай не позаботился о том, чтобы пополнить их ряды. И лишь небольшую часть от их общего количества Агесилай взял с собой в Европу. (Некоторое число кирян, оставшихся с Эвксом, возможно, включили в 8 тысяч наемников, которых Фиброн привел к поражению во время своего второго похода в Малую Азию в 390 г. до н. э.) Можно предположить, что спартанцы со своим врожденным консерватизмом ведения войн не пополнили наличного количества наемников и не расширили возможности их применения. Спарта продемонстрировала мало изобретательности в использовании готовой наемной армии под рукой. Афины же с их меньшими возможностями продемонстрировали в этом деле больший прогресс.

2. На службе Афинам

Если обратиться от Спарты к применению наемников Афинами, то контраст сразу бросается в глаза. Афины, в отличие от Спарты, ограничивали их боевое применение легковооруженными силами. В то время как Фиброн и его последователи в малоазиатских войнах укрепляли (вне зависимости от большого количества легковооруженных воинов) свои армии гоплитами из кирян, афиняне во время Коринфской войны все еще зависели главным образом от гражданского ополчения, где бы ни велись войны.

В этом деле они лишь следовали традициям V столетия до н. э., когда, как нам известно, гоплиты-наемники редко принимались на службу Афинам. Наем же легковооруженных воинов проводился с целью превращения их в контингенты регулярных войск, и Коринфская война преподнесла лакедемонянам неприятные сюрпризы. Обобщая, можно сказать, что в течение прежних войн у Афин не было регулярных воинских формирований граждан, действовавших в качестве легковооруженных воинов на суше. (Такие формирования были и набирались из числа беднейших граждан, которые не могли быть гоплитами. Они готовились, даже без надлежащего вооружения, для набегов на соседние полисы. По своей природе такие войска обычно не принимали участия в регулярных походах.)

Но потребность в наличии какого-либо специализированного вида легковооруженных войск признавалась до такой степени, что был организован небольшой отряд лучников. Он состоял частью из наемников, частью из граждан. Остальные бедные граждане обычно находили применение в военной службе на флоте.

Когда в 395 г. до н. э. разразилась Коринфская война, ситуация кардинально изменилась. У Афин почти не было флота. (Лисандр оставил им лишь 12 триер (трирем). В 391 г. до н. э. Филократ рискнул совершить заморский поход с десятью триерами. В 390 г. благодаря энергичным усилиям Фрасибула были снаряжены 40 кораблей.) В течение первых четырех или пяти лет, когда Афины вели войну, они не могли поддерживать значительную часть своего населения платой за морскую службу. Бедные граждане несли суровые тяготы военного времени, и был сделан запрос в Народное собрание об оплате, как только полис может себе это позволить. А войска, подобные конным лучникам, которые прежде состояли исключительно из наемников, теперь формировались из граждан, и им была повышена плата. В этих условиях не может вызывать удивление то, что Афины нанимали своих граждан. Удивление вызвало бы скорее, если бы их легковооруженные войска целиком состояли из наемников. Тем не менее античные источники (впрочем, в большинстве не очень достоверные) говорят о них обычно как о наемниках или чужеземцах: то предположение, что они состояли частью из граждан, тоже можно, по-видимому, проигнорировать. Нас беспокоит здесь, однако, не этот аспект. Очевидно, скорее из-за военных, нежели экономических причин Афины поддались соблазну развивать свои собственные наемные легковооруженные силы.

После двух летних кампаний без решительного успеха с 394 г. до н. э. Коринфская война стала войной на истощение. К 392 г. противоборствующие стороны продолжали военные действия, используя наемников, так как эти войска оставались постоянно на поле боя в то время, когда обычные граждане-рекруты требовали возвращения домой. Афиняне удерживали проход через Коринфский перешеек вновь набранными войсками, которые позднее (в 388 г. до н. э.) Аристофан называл «иноземцы в Коринфе». Лучшее объяснение по вопросу происхождения этого войска содержится во фрагментах Андротиона и Филохора, сохранных Гарпократионом (так называемым). Согласно их свидетельствам, «сначала их (иноземцев) собрал Конон, принял под свое командование Ификрат, потом Хабрий». Гарпократион цитировал это в качестве комментария к «Первой филиппике», где Демосфен говорит: «И я

слышал, что однажды перед нашим городом использовали «наемников Коринфа», которыми командовали Полистрат, Ификрат, Хабрий и некоторые другие, и вы сами сражались с ними, как братья по оружию». Если бы фрагмент Демосфена был единственным свидетельством, было бы естественным предположить, как это делают некоторые исследователи, что имена упомянутых командиров даны в хронологической последовательности. Следовательно, Полистрат предшествовал Ификрату. Но цитаты из древних историографов Аттики опровергают утверждение, что Полистрат осуществлял набор войска. И из того, что мы узнаем о нем из них, становится очевидным, что он не был таким командиром, как Конон или Ификрат. (Сам Демосфен в своей речи против Лептина доказывает это, заявляя: «Вы однажды, чувствуя Ификрата, чувствовали не только его, но и от его имени также Страбакса и Полистрата». Полистрат, должно быть, являлся подчиненным и, по-видимому, не гражданином.) Риданц, видимо, прав в своем предположении о том, что Полистрат был нанят в качестве ксенага при формировании этих войск; или, возможно, он уже был командиром главной из их частей и так же поддерживал Конона, как Ксенофонт Фиброна.

Очевидно, в таком случае, что войско, служившее в Коринфе, было первоначально собрано Кононом. Составлявшие его воины отличались тем, что были пелтастами. Эти два факта в совокупности приобретают тем больший интерес, когда мы замечаем, что Ксенофонт свидетельствует, как после битвы при Книде Конон при содействии Фарнабаза собрал наемное войско в районе Геллеспонта (зимой 394/393 г.). Ксенофонт не связывает их с «иноземцами в Коринфе», но он также совершенно обходит молчанием происхождение этого войска, которое обычно называет просто пелтастами. Мы только полагаем, что в 393 г. Конон и Фарнабаз проследовали через Эгейский архипелаг к перешейку, где проводился военный совет союзников. Если, что представляется очевидным, это войско вербовалось для использования в Греции, то прибытие к перешейку должно было стать моментом, когда Конон оставил командование наемной армией, чтобы его заменил афинский командир. Конечно, если «иноземцы в Коринфе» были наняты за пределами Афинского государства, они требовались лишь для того, чтобы сформировать ядро последующего войска. Но второй важный момент заключается в том, что район Геллеспонта был бы наиболее подходящим местом для вербовки контингента пелтастов, поскольку такая легковооруженная пехота обладала исключительно фракийским вооружением. Это облегчает понимание того, почему наемники в Коринфе были только пелтастами. Мы не встречаем среди них гоплитов, хотя спартанцы, видимо, все еще использовали со своей стороны гоплитов-кирян.

Наши первые сведения об этих пелтастах в Коринфе датируются 392 г. до н. э. Но если то, что мы сказали об их происхождении, справедливо, то Ификрат был назначен на эту новую должность стратега наемников не раньше лета 393 г. Ведь Конон был слишком важным полководцем, чтобы зависеть от ситуации на перешейке.

Юстин, несмотря на неточности, бросает несколько более реальный свет на назначение Ификрата. Он начинает свое повествование с туманного замечания, что «афиняне наняли армию (очевидно, до прибытия Конона) и послали ее в помощь беотийцам (Юстин практически не упоминает Коринф в своем повествовании), под командованием молодого, 20 лет от роду, но наделенного большими природными способностями Ификрата». Хотя до боли очевидно, насколько Юстин искажает факты, тем не менее его замечание о возрасте Ификрата, видимо, не лишено оснований. (Позднее этот факт приводится также у Оросия.) Конечно, когда Юстин говорит «20 лет от роду», его без опасений можно толковать и как «еще не достигший тридцати», но если это верно в отношении Ификрата, то такой факт приобретает определенную значимость, поскольку афинянина нельзя было избрать стратегом в таком возрасте. Это ограничение, которое на первый взгляд обесценивает замечание Юстина, на самом деле

подтверждает его. Потому что если обратиться к Ксенофону, то обнаруживается, что в 390 г. до н. э. Ификрат хотя и командовал наемниками, но не был стратегом. В своем повествовании об уничтожении спартанской моры (не совсем точно – в море 1024 гоплита, а здесь был разгромлен отряд численностью около 600 чел. – *Ред.*) в бою при Лехее (390 до н. э.) Ксенофонт говорит о стратеге афинских гоплитов Каллии, сыне Гиппоника, и Ификрате, командире пелтастов. Различия в названиях, очевидно, подразумевают различия в должностях. И было бы неудивительно, если бы афиняне изначально не рассматривали функции «начальника пелтастов» достаточно важными, чтобы они неизбежно влекли за собой назначение на этот пост воина в звании стратега. Мы не можем ответить, почему следовало выбрать именно Ификрата. Реданц полагал, что у него, возможно, были семейные связи во Фракии и поэтому он особенно отвечал требованиям, предъявляемым предводителю пелтастов. Это предположение заслуживает внимания. Свидетельства относительно ранних лет жизни Ификрата, содержащиеся в довольно поздних источниках, представляют его сыном сапожника. Впервые он отличился, совершив подвиг во время морского боя (Плутарх и др.). Поэтому он, возможно, служил под командованием Конона и получил свое назначение благодаря успешной вербовке пелтастов.

Трудно, если не невозможно, дать точную оценку численности этих наемников. Наше единственное свидетельство того времени заключается в том, что когда Ификрат отправился с перешейка в Херсонес (Фракийский), то он взял с собой «1200 пелтастов, большинство из которых были воинами, служившими под его командой в Коринфе» (Ксенофонт). Если 800–1000 из них составляли определенное количество «чужеземцев в Коринфе» и представляют только часть войска, которое не было распущено после отставки Ификрата, то отсюда следует, что 1500 воинов были минимальным общим числом, когда наемники были в полном составе.

Если бы было возможно полностью доверять отрывку из сочинения Поллена, то можно было бы поверить, хотя бы на время, по крайней мере, что «чужеземцы в Коринфе» были гораздо многочисленнее. Полиен рассказывает об уловке, благодаря которой, когда 2 тысячи наемников Ификрата перебежали к спартам, ему удалось убедить своего противника не доверять перебежчикам. По своему обыкновению, Полиен, когда пользуется малоценными источниками, не дает никаких указаний на место и дату, но нам не известен другой случай командования Ификратом силами, противостоящими спартам, кроме как в период 393–389 гг. до н. э. в Коринфе. Если Полиен приводит достоверные факты, то тогда Ификрат мог располагать столь большими силами, что даже дезертирство 2 тысяч наемников не обрекло его на беспомощность. Но нельзя сказать того же о его прежних походах.

Вначале Ификрату с его пелтастами не сопутствовал особый успех. В первом бою у стен Лехея ему предоставили почетное место на правом фланге. Однако коринфским изгнанникам, которые противостояли Ификрату, удалось отбросить его наемников. Но во время набегов, в отличие от крупных сражений, пелтасты доказали свою эффективность. Ификрат разграбил Сикион, Флиунт и Аркадию. Он внушил аркадским гоплитам такой страх по отношению к пелтастам, что эти гоплиты предпочитали с ними не встречаться. Спартанские же гоплиты, хорошо натренированные бегать в доспехах, могли даже догонять своих легковооруженных противников. Тем не менее, по иронии судьбы, против самих спартамцев сыграло то, что пелтасты первыми обнаружили способность нанести сокрушительное поражение противнику на поле боя.

Летом 390 г. спартанская мора гоплитов (часть моры. – *Ред.*), обычно дислоцировавшаяся в Лехее, сопровождала в Сикион его уроженцев, направлявшихся домой для празднования местного праздника. Спартамцы беззаботно возвращались на свой пост без прикрытия кавалерии или легковооруженных воинов. Они таким образом привлекли внимание афинского отряда,

сформированного из гоплитов под командованием Каллия и пелтастов во главе с Ификратом, которые вышли из Коринфа на перехват лакедемонян. Афинские гоплиты выступали в качестве сил поддержки, в то время как пелтасты начали забрасывать спартанцев дротиками. Атаки афинян приносили успех, несмотря на попытки противника рассеять их контратаками отдельных подразделений. Даже когда подоспела спартанская кавалерия, она не смогла действовать против пелтастов самостоятельно, но просто оказывала поддержку атакам гоплитов. Здесь впервые спартанцы были вынуждены остановиться и собраться на невысоком холме. А затем, когда афинские пелтасты осмелели еще больше, спартанцы обратились в беспорядочное бегство с большими потерями.

Этот успех пелтастов, в достижении которого афинские гоплиты сыграли лишь пассивную роль, был достаточно значительным, чтобы прославить имя Ификрата как стратега. Более того, он придал легковооруженным войскам репутацию боевой силы, которой они никогда не имели в общественном мнении. С этой оценкой связано частое включение пелтастов во все войска, в частности войска афинян, в грядущие полвека. С этой поры они стали типичным видом легковооруженных войск и заменили менее четкие предыдущие варианты военной организации.

Собственно, о самом успехе Ификрата достаточно отметить, что он не произвел какой-либо революции в боевом построении войск или военной тактике. Его пелтасты, видимо, были обычными метателями дротиков, и их применение принесло большой успех, достичь которого помогло умелое использование специфической ситуации. Кроме того, Ификрат позаботился о том, чтобы в его войсках сочетался высокий уровень индивидуальной подготовки с высоким боевым духом. Личная стойкость и эффективное использование оружия более необходимы этому действующему самостоятельно пехотинцу, чем гоплиту, которому поддержка остальной фаланги могла помогать в случае осложнения ситуации и даже ранения. Боевой дух и сопутствующая дисциплина сыграли большую роль в ведении войн IV столетия до н. э. наемными воинами.

Ификрат продолжил захваты гарнизонов, которые Спарта оставила на территории Коринфа, за исключением Лехея. Эта кампания оказала прямое воздействие на дальнейший ход войны. С этого времени спартанцы отказались от своих попыток завоевать Коринф посредством набегов на его территорию. Вместо этого они повели войну путем вторжений в Акарнанию или Арголиду и постарались восстановить свое утраченное господство над заморскими землями. Впоследствии положение Ификрата стало менее устойчивым. Он также вызвал недовольство в Коринфе своим активным противодействием партии, которая выступала за ассимиляцию Аргоса. О действиях Ификрата сообщили афинскому демосу, и он был освобожден от командования войсками в Коринфе.

Теперь это мало значило для афинян, поскольку война на перешейке приобрела позиционный характер. Но вот на побережье Малой Азии Спарта возобновила свою экспансию. Поэтому Ификрата отрядили с 8 кораблями и 1200 пелтастами в Сеет противостоять новому спартанскому гармосту города Абидоса, Анаксибию, которого послали с деньгами для оплаты 1 тысячи наемников, готовых чинить неприятности Афинам в районе Геллеспонта. Там Ификрат повторил свой успех в борьбе против спартанской моры в несколько иной форме. Он устроил засаду Анаксибию, когда тот возвращался из Антандра. Внезапное нападение на растянутую колонну, спускавшуюся по склону горы, привела к гибели гармоста со всеми его соратниками-спартанцами, около 200 наемников и 50 воинов авангарда абидосцев. Ификрат продолжал свои операции в районе Геллеспонта вплоть до достижения в 387 г. до н. э. Анталкидова мира. И даже после закончившейся в связи с этим войны со Спартой он оставался в этом районе и служил фракийским вождям в ходе их междоусобиц.

Хронология его походов, однако, утеряна, если не принимать во внимание недостоверные и

сомнительные истории.

Победы Ификрата (386–379 до н. э.) имели один важный результат: Котис отдал ему в жены свою дочь и таким образом привязал его к Фракии. Поэт-юморист Анаксандрид дал колоритное описание свадьбы. Видимо, фракийские цари практиковали еще раньше делание зятьями служивших им греков. Например, Ксенофонт получал такое же предложение от Севтома II.

Пост Ификрата в Коринфе занял Хабрия, который появляется с этого времени впервые в литературных источниках. Из одной надписи нам известно, что он служил прежде Фрасибулу в Геллеспонте. Он командовал «чужеземцами в Коринфе», когда Аристофан сделал одиночную ссылку на их существование, но Хабрия освободили с этого поста всего лишь через год (389–388). Однако нет оснований полагать, что это случилось из-за какого-то его проступка. Важность этого поста снизилась, а Ификрат взял с собой в Малую Азию многих пелтастов, с которыми начинал службу. С тех пор не обнаруживается никаких позитивных ссылок на успешную карьеру Хабрия.

Хабрия послали на Кипр. Любопытно, что он повторил поведение Ификрата в том, что не вернулся в Афины после заключения мира, но остался со своим войском на Востоке. Таким образом, оба афинских полководца, командовавшие пелтастами на чужбине, предпочли продолжение своего военного ремесла вдали, если не в пику своему родному городу. Прежде такого не происходило, и это показывает, как даже на ранних стадиях развитие профессиональной армии и ее командиров стимулировало разрыв наемников с городами-полисами.

3. На Востоке

...И никогда уже не вступают в войну без помощи эллинов, враждуют ли они друг с другом или же отражают нападения этих самых эллинов...

Ксенофонт. Киропедия

(О персах своего времени)

История действий греческих наемников в IV в. до н. э. до походов Александра Македонского является хронологией их службы царю царей или его врагам. Весь этот период Персидскую империю раздирали местные князьки, возглавлявшие мятежи, или могущественные сатрапы, стремившиеся укрепить свою независимость. Обе эти сепаратистские силы опирались на греческих наемников с целью обратить их оружие против Персии, в то время как царь царей считал не менее необходимым для себя настроить греков против греков. Конфликт между эллинскими наемниками порой приобретал разные формы, когда некоторые греческие полисы, особенно Афины, считали полезным поощрять одну сторону или другую прямой поддержкой посредством предоставления полководцев. (Мы уже знаем, как сатрапы в V столетии до н. э. содержали греческую личную гвардию. Это перешло в IV в. до н. э., например, Тиссаферн обычно использовал аркадцев и, отчасти, милетцев, вероятно изгнанников. Греки использовались также для гарнизонной службы, например Киром.)

Не сохранилось никаких свидетельств относительно самого крупного мятежа местных князьков – таких, как Амиртей в Египте. Этот мятеж, должно быть, произошел незадолго до конца V в. до н. э. Поэтому невозможно сказать, принимали ли в нем участие греческие наемники. Их участие в одном из крупнейших мятежей сатрапов – поход «десяти тысяч» – мы

уже описали.

Кипр явился ареной следующего восстания против Персии. Эвагор, царек Саламина, имел в отношении Артаксеркса II обязательства верности и повиновения как верховному владыке. Но в течение некоторого времени он вел подготовку к обретению полной независимости и суверенитета всего острова. К сожалению, из кратких замечаний Диодора или нескольких риторических фраз Исократу невозможно сформулировать какую-нибудь ясную концепцию о первоначальных военных силах Эвагора.

Вероятно, он, подобно своему предшественнику по тирании, Абдемону, обзавелся обычной для тиранов личной гвардией. Его двор был также знаменит как прибежище для политических беженцев, которые, должно быть, представляли собой готовый материал для вербовщиков наемников. Диодор упоминает также его богатство в связи с обладанием им большой военной мощью. Но вероятно, у Эвагора было не слишком много войск для ведения войны на суше.

Разумеется, он также поддерживал связь с зарубежными союзниками – Египтом и Афинами. Беженцы-афиняне, которые пользовались его гостеприимством, такие как Аристофан, Никофем и другие, уговорили полис одолжить Эвагору в 390–389 гг. до н. э. десять триер, в то время как сами за свой счет обеспечили ему отряд пелтастов и оружие. Но эти экспедиционные силы не смогли прибыть на Кипр, поскольку встретили на пути спартанского наварха Телевтия, и триеры и войска на них попали в плен или были уничтожены. Однако в следующем году состоялась более успешная экспедиция. Хабрия отстранили от командования в Коринфе, и он отправился морем на Кипр с 800 пелтастами Коринфского гарнизона и некоторым числом афинских гоплитов. Там он достиг заметных успехов, а Эвагор с его помощью подчинил почти весь остров.

Конечно, Хабрий действовал там лишь как полководец, посланный союзниками. В данное время он не был кондотьером, хотя его войско состояло в основном из наемников. Но сколь мало это значило для предводителя такого войска, проявилось в 386 г. до н. э. В этот год Анталкидов мир прямо исключил Кипр из числа свободных владений Греции и поэтому не позволил Афинам продолжать поддержку. Но Хабрий, как и Ификрат в то же время, домой не вернулся и не распустил свой отряд. С другой стороны, он был достаточно благоразумен, чтобы не оставаться на службе Эвагору – что вызвало бы проблемы для него в отношениях с афинским демосом. Вместо этого он сделал лишь один менее рискованный шаг – поступил как военачальник на службу Египту по приглашению фараона Ахориса (правил в 392–379 гг. до н. э.). У Афин разрешения не испрашивалось, потому что, хотя Египет был их союзником, очевидно, такого согласия он не получил бы в связи с тем, что Персия предприняла попытку вернуть утраченную провинцию. Хабрий был рад уберечь свой город от нарушения буквы Анталкидова мира, однако его поступок, возможно, приходил в противоречие с духом соглашения. Между тем Эвагор не особо печалился об его уходе, поскольку из-за того, что внимание Персии обратилось на Египет, ему требовалось защищать остров лишь со стороны моря.

Никакого содержательного свидетельства о войне с Египтом не осталось. Диодор (упомянутый выше) свидетельствует, что царь царей «собрал значительные силы наемников. Ибо, предлагая большое жалованье тем, которые служили ему, и, выступая благодетелем многих, он вскоре привлек к себе на военную службу многих греков». След их присутствия в Египте можно признать в греческой надписи, обнаруженной на посвящении близ пирамиды Хеопса. Полагают, что выбитые на ней имена, как правило, принадлежат воинам, а не купцам, а стиль письма относят надпись к первой половине IV столетия, но не более точно. Добавлены города, откуда происходят те, кто посвящают: 5 из Афин, 1 – из Коринфа, 1 – из Беотии, 1 – из Нисирова, 1 – из Карианды, 1 – из Кирены. То, что половина из них были афиняне, толковалось

всеми как указание на участие этих воинов в одном из двух походов Хабрия в периоды 386–380 гг. или 361–359 гг. до н. э. Одни источники определяют одну дату, другие – другую.

Имеются некоторые соображения, которые позволяют считать раннюю дату более правдоподобной. (В 369 г. Хабрий командовал египетским флотом, а не сухопутным войском, которое возглавлял Агесилай. Поэтому нет доказательств того, что он брал с собой каких-нибудь наемников, ни доказательств того, что сколько-нибудь значительное количество афинян служило в Египте.) Даже конкретные города происхождения, видимо, указывают на ранний поход Хабрия. Пять афинян, а также беотиец и коринфянин входили, возможно, в число «чужеземцев Коринфа»: они происходили из трех городов, затронутых этой войной. Воины из Нисироса и Карианды, возможно, были завербованы Хабрием в помощь Эвагору. Кирениец присоединился к войску Хабрия в Египте. Возможно, является чистой случайностью то, что эти имена укладываются в схему столь аккуратно, но если так, то это просто совпадение. Все соображения, связанные с надписью, воспроизводят интересную параллель с надписью в Абу-Симбиле (Абу-Симбеле). Разительный контраст состоит в высокой пропорции наемников, которые в IV столетии до н. э. происходят из континентальной Греции.

Перед лицом этих сил наступление персов во главе с их лучшими полководцами полностью провалилось (война 385–382 гг. до н. э.).

Тогда Артаксеркс обратил все свои силы против Эвагора, который нарушил его линии коммуникаций, захватив Тир. Царь Кипра не остался совсем без наемников после ухода Хабрия. Но численность его войск трудно определить. События с 389 по 381 г. до н. э. Диодор вместил в три последовательных главы, и поэтому у него нет четкого различия между периодами до и после Анталкидова мира. Согласно Диодору, у Эвагора было «6 тысяч собственных воинов (то есть киприотов), гораздо больше числа союзников, и, кроме того, он собрал много наемников, поскольку имел много денег». Если, как, видимо, замышлялось, эти данные относятся к периоду после 386 г., то следует предположить, что союзниками были не греки, но египтяне и сирийцы, и наемники, возможно, из многих различных народностей.

Исократ, наоборот, в одном чрезвычайно эмоциональном отрывке из «Панегирика» представляет Эвагора после Анталкидова мира как «владеющего для защиты своей земли всего лишь 3 тысячи пелтастов». Это было бы смехотворной недооценкой в отношении всех сил Эвагора, но, возможно, правильной оценкой численности одних его наемников. Конечно, ход войны показывает, что Эвагор был слишком слаб, чтобы воевать с персами на суше. Как только его разбили на море, он был вынужден ретироваться в свой на Саламин на Кипре.

Поход персов против Кипра – первое событие, когда мы узнаем об использовании царем царей большого количества греческих войск. Исократ здесь не очень надежный источник, поскольку его целью являлось преувеличение зависимости Персии от греческих наемников. Но он, вероятно, правдив, когда говорит, что «из тех, которые служили Тирибазу, наиболее эффективная часть была собрана из этих земель», то есть в самой Греции. После Анталкидова мира для них не было бесчестьем служить персам против того лидера эллинского мира, которого Греция не признавала. Но служба оказалась для них неподходящей. Исократ где-то отмечает, что «персы обращались с теми, которые служили им в кампании против Кипра, хуже, чем с пленниками» – риторическое заявление, которое можно истолковать посредством ссылки на Диодора. От него мы узнаем, что после того, как армия высадилась на Кипре, ее блокировал флот Эвагора. Последовавший за этим голод вызвал мятеж наемников, которые винили во всем своего командира-перса и не успокоились, пока не прибыл продовольственный конвой. Позднее, после победы на море, Тирибаз смог добиться у царя царей 2 тысяч талантов. Часть этой суммы была использована для того, чтобы примирить наемников со службой Персии.

По завершении войны с Эвагором Артаксеркс II снова занялся Египтом, который теперь

лишился своего самого сильного союзника. Но сначала он отнял у Египта другого союзника – Хабрия, который находился в стране после отъезда с Кипра. Фарнабаз (назначенный командующим персидскими войсками в новом походе) отправил послов в Афины, где они обвинили Хабрия в провоцировании вражды между афинянами и царем царей посредством принятия командной должности в египетской армии. Поэтому афиняне отправили (зимой 380/379 г. до н. э.) послание Хабрию с требованием вернуться в Афины к определенной дате, угрожая смертной казнью в случае неподчинения. Хабрий не был настолько независим, чтобы проигнорировать вызов, поэтому вернулся в Афины перед выборами 379 г. до н. э.

Возвращение Хабрия на родину является четким указанием на то, что полководец-наемник не вполне был свободен от контроля соотечественников. Кроме того, как логичное следствие Анталкидова мира, этот факт завершает определенный период деятельности греческих наемников на Востоке.

Глава 7

ДИОНИСИЙ I

Военные тираны и наемные армии одновременно возродились в Сиракузах как следствие нашествий Афин и Карфагена (см. выше, главу 2). Ведь эти конкретные типы полководца и воинов стали результатом сложной обстановки в Сицилии. Кроме того, они способствовали подъему друг друга. Сицилийский тиран был невозможен без большого войска профессиональных воинов: умелое использование такой армии было не под силу ежегодно избираемым магистратам. Именно поэтому правители Сиракуз добивались постоянства власти и величия.

Первая попытка установления тирании сорвалась. В 410–409 гг. до н. э. демократы Сиракуз (которые усилили свое влияние в городе в связи с провалом похода Афин) отомстили своим соперникам тем, что добились высылки Гермократа, наиболее известного среди этих соперников. Он был отправлен к берегам Малой Азии командовать флотом Сиракуз, который поддерживал Спарту. Его командиры были готовы проигнорировать указ о ссылке или обещали, с другой стороны, обеспечить его возвращение, когда снова придут в Сиракузы. Но Гермократ некоторое время отказывался от таких методов утверждения во власти. Однако позднее, узнав о первом вторжении карфагенян в Сицилию, счел момент благоприятным для попытки вернуться на остров при помощи наемников. Поэтому он «получил, прежде чем попросил, деньги от Фарнабаза» и подготовил тысячу наемников и 5 триер, с которыми высадился в Мессане. Здесь Гермократ сразу же получил подкрепление в виде сотни беженцев из Гимеры, которая была только что разграблена карфагенянами. С этим небольшим войском он попытался совершить нападение на Сиракузы, но, потерпев неудачу, решил продемонстрировать слабость демократического правительства захватом Селинунта, другого города, разграбленного карфагенянами. Он сделал его базой для набегов на владения карфагенян и отправил в Сиракузы останки граждан, убитых в Гимере. Таким способом ему удалось дискредитировать своих оппонентов, показывая, насколько эффективнее он мог бы бороться с карфагенским нашествием. Однако ему не удалось добиться возвращения дипломатическими средствами. Поэтому Гермократ снова обратился к вооруженной силе. С 3 тысячами воинов (из 6 тысяч собранных им в Селинунте) он двинулся на Сиракузы. Но из-за какой-то ошибки в договоренности о месте встречи он прибыл к городу лишь с несколькими своими сторонниками. Здесь, хотя друзья в городе впустили его, Гермократ был убит на рыночной площади, а его сторонники разгромлены.

Одним из этих сторонников, которым посчастливилось вырваться живыми, был не кто иной, как будущий тиран Дионисий. У него было много общего с Гермократом в попытках добиться верховной власти. Оба были знатного происхождения, оба обрели военную силу в наемниках и беженцах, оба добивались повышения престижа в борьбе с карфагенянами. Но в то время как Гермократ был вынужден пробиваться к власти из изгнания, Дионисий смог воспользоваться поддержкой знатных и богатых друзей, оставаясь гражданином Сиракуз. В его продолжительной и содержательной жизни нужно удовлетвориться отбором тех периодов, когда он был особенно заинтересован в наемниках.

Когда весной 405 г. до н. э. Дионисия выбрали одним из членов нового совета стратегов, призванных дать отпор Карфагену, его первым шагом стало обеспечение себя приверженцами, которые бы сражались за него в случае необходимости. Поэтому Дионисий призвал изгнанников, и летом, когда его послали защищать Гелу от карфагенян, он занялся укреплением преданности армии к себе. В Геле располагался лаконский перизк Дексипп с наемным войском.

Этот авантюрист впервые появляется в повествовании Диодора об осаде карфагенянами Акраганта (406 до н. э.): «В борьбе им помогал лакедемонянин Дексипп, прибывший незадолго до этого из Гелы с пятнадцатью сотнями наемников. В то время он, как говорит Тимей, проживал в Геле, своем родном городе, и пользовался большим уважением». (Каким образом он оказался там, невозможно определить. Он мог отстать от войска Гилиппа или прибыть из Ионии вместе с Гермократом. В любом случае он был просто авантюристом, место происхождения которого как-то выделяло его и позволяло ему вербовать наемную армию.) Там его, во-первых, обвинили в предательстве, когда он вкупе с другими полководцами отказался возглавить вылазку против противника и, во-вторых, когда он порекомендовал уйти из города. За эту рекомендацию он, как говорили, получил от карфагенян 15 талантов. Но, несмотря на неудачи и плохую репутацию, Сиракузы приняли его к себе на службу и отправили его с наемниками в Гелу.

Дионисий вознамерился привлечь этих наемников, а также граждан, которых привел с собой из Сиракуз, на свою сторону. Сиракузцы были задобрены обещаниями двойной платы. Дионисий оплатил воинам Дексиппа задолженность по жалованью: деньги добыли посредством конфискации имущества богачей Гелы. Кроме того, Дионисий предложил самому Дексиппу союз, а когда тот отказался, Дионисий вернулся в Сиракузы и при помощи агитационных мероприятий сделался «стратегом автократом» (стратегом с неограниченными полномочиями). В то же время он выполнил свое обещание гражданам, издав указ о повышении вдвое их жалованья. Затем, по его приказу, все сиракузцы вплоть до 40 лет занялись снабжением месячной провизией похода на Леонтины, лишив таким образом город способности сопротивляться ему.

Леонтины, кроме того, стали идеальным плацдармом для следующего шага Дионисия к тирании, поскольку это была вновь образованная колония беженцев из Акраганта. В ней также было много изгнанников и чужеземцев. Там он снова воспользовался старым средством имитации покушения на свою собственную жизнь, с тем чтобы требовать личную гвардию. Ему позволили завести 600 воинов, но на самом деле он увеличил это число до тысячи. В гражданском ополчении он заменил командиров и сместил Дексиппа, отправив его назад в Грецию; его наемников он отослал из Гелы в Леонтины (Дексипп затем оказался в составе «десяти тысяч» (см. главу 5 этой книги) и плохо кончил во Фракии). Потом Дионисий вернулся в Сиракузы и устроил свою штаб-квартиру на территории верфей, где находилась наиболее выгодная позиция. Его военная диктатура стала реальностью, город наводнили вооруженные наемники.

Но оставалось еще одно препятствие установлению Дионисием военной тирании. Следовало побудить Карфаген приостановить враждебные действия. Вопрос остается спорным, насколько благоприятствовал устремлениям Дионисия ход последующих событий, или его планы полностью провалились, а конечный успех был просто подарком судьбы. Маловероятно, что он преднамеренно пошел бы на риск осады Сиракуз в то время, когда город был не настолько укреплен, насколько он сделал его таким впоследствии. Поэтому он, вероятно, не хотел, чтобы битва за Гелу закончилась поражением сиракузян. С другой стороны, видимо, не было случайным, но преднамеренным то, что гражданское ополчение было вынуждено вынести главный удар в этой битве. В планы Дионисия не входило, чтобы наемники понесли большие потери до того, как граждане признали его верховную власть. Он не мог предвидеть, что войска сиракузян будут полностью разгромлены перед появлением его профессиональных воинов.

Окончательное поражение гражданских ополчений Сицилии в боях с карфагенянами повлекло за собой немедленное падение Акраганта и Селиунта в результате яростных мятежей молодых всадников из Сиракуз. Во время отступления из Гелы они отделились от разбитого

войска и устремились в Сиракузы, где подвергли разгрому дом тирана. Они пренебрегли достаточными мерами предосторожности для обеспечения собственной безопасности, полагая, что Дионисий не осмелится их атаковать. Но наемники тирана, только преданность которых и спасала его прежде от гибели, оставались после битвы, где не понесли потерь, верными ему. Поэтому, рассчитывая на успех внезапного нападения, Дионисий бросился в погоню за всадниками с отрядом в 100 конников и 600 пехотинцев. Этот небольшой отряд ворвался в Сиракузы и перебил всадников до того, как им смогли оказать помощь горожане, даже если бы они и захотели это сделать.

Дионисий подчинил себе знать, демократы еще представляли потенциальную угрозу. Между тем он заключил унижительный мир с Карфагеном. Затем, отведя угрозу со стороны чужеземцев, Дионисий продолжил укреплять свое положение в борьбе с внутренними врагами. Он полностью овладел первоначальным центром Сиракуз – островом – и отгородил его от остального города стенами с башнями. Внутри острова была сооружена цитадель, включавшая в себя доки. Его сторонники и еще больше наемники получили на острове дома, сам он поселился в акрополе. Таким образом, он построил город внутри города, населенный его приверженцами.

Теперь у наемников Дионисия была база, которую следовало защищать, и прошло не так много времени, как она пригодилась. Первый военный поход за пределы города с целью нападения на сицилийский город Гербесс предоставил ополченцам-гражданам возможность обратить свое оружие против тирана, и они осадили его в цитадели с моря и суши. Но их самым опасным ударом было назначение большой денежной суммы за голову тирана и предложение наемникам-дезертирам гражданства Сиракуз. Некоторые из воинов Дионисия приняли предложение и встретили благожелательный прием сиракузян. Поэтому тирану пришлось обдумывать выбор между смертью и капитуляцией. Но он не поддавался отчаянию, но стал и дальше уповать на помощь наемников. Сделав вид, что договаривается об условиях сдачи, он тайком послал гонцов за наемниками из италийской области Кампания в карфагенские владения в Сицилии, предлагая им любое вознаграждение за поддержку. Сиракузяне, согласившись выпустить этих гонцов и пять кораблей, ослабили свое наблюдение за островом. Поэтому кампанские наемники численностью 1200 конников смогли позже туда прорваться. В то же время 300 наемников прибыли морем из какого-то неуказанного места. С этими подкреплениями Дионисий смог совершить вылазку и разгромить осаждавших его ополченцев. С этих пор он больше не опасался серьезных мятежей. Своим успехом он был обязан в первую очередь наемникам.

Поскольку Дионисий не доверял кампанцам, он отослал их назад во владения карфагенян, как только выдал им жалованье. (Они захватили сицилийский город Энтелла и закрепились в нем, умертвив все мужское население. Как мы увидим, для бродячих наемных войск, не имевших нанимателя, частой практикой было поселение в городах, очищенных от коренных жителей.) Но, предпочтя избавиться от них, Дионисий вовсе не отказался от поддержки наемников. Он не питал никакого доверия к покорности горожан. Поэтому, воспользовавшись их отсутствием в связи со сбором урожая, он конфисковал в их домах оружие. В то же время он увеличил число наемников. В течение следующих пяти лет Дионисий постепенно сформировал, возможно, крупнейшую армию в Средиземноморье. В его армию воины приходили отовсюду.

Во-первых, в самой Сицилии из-за неустойчивой обстановки в стране было нетрудно набрать греческих и сицилийских новобранцев.

Во-вторых, варварские племена Западного Средиземноморья – иберийцы, лигурийцы и кампанианцы – стремились служить Карфагену. Дионисий в дальнейшем принимал их на свою службу.

В-третьих, после падения Навпакта мессанцы, изгнанные оттуда и из Кефаллени, были

выдворены за пределы страны с оружием в руках. Некоторые из них отправились морем в Сицилию и поступили на службу Дионисию. (Другие отправились в Кирену под командованием некоего Комона.)

В-четвертых, Дионисий набирал своих греческих наемников не среди врагов Спарты, но фактически на территории ее империи. В это время Спарта доминировала в Греции, и Дионисий заручился союзом с ней. Отсюда ему разрешили набирать столько наемников, сколько он хотел. И нет сомнений в том, что из-за неустойчивой обстановки и нищеты, последовавшей за Пелопоннесской войной, многие желали служить у Дионисия за хорошую плату.

Наконец, в-пятых, независимо от наемников Дионисий мог призывать на военную службу граждан подвластных городов с целью формирования армий для летних походов. Он даже поощрял избирательный набор отрядов сиракузян с принятием надлежащих мер предосторожности. Полиен сообщает, что оружие выдавалось им, когда они покидали город, и отбиралось при их возвращении.

Относительно численности наемников Дионисия никаких цифр не приводится, но известно, что вся его армия насчитывала около 80 тысяч пехотинцев и более 3 тысяч конников. Возможно, наемники составляли от четверти до трети этой общей численности.

В дополнение к живой силе Дионисий обзаводился оружием и доспехами. С этой целью он собирал ремесленников точно так же, как воинов в подвластных городах, из Греции и Италии, из владений Карфагена, предлагая им хорошую плату. Такой сбор работников в тех же странах, откуда привлекались воины, велся не без умысла. Ибо Дионисий не хотел подводить всех своих воинов под единый шаблон. Напротив, он понимал ценность диверсифицированного, специализированного вооружения и безусловную важность военной подготовки. Поэтому каждый ремесленник должен был делать оружие по образцу, принятому в стране, откуда он происходил. И наемник, откуда бы он ни происходил, мог быть вооружен привычным для него оружием.

В дальнейшем Дионисию удалось создать обширный арсенал вооружений. Сохранились некоторые сведения о его содержимом: 140 тысяч щитов с кинжалами и шлемами соответственно. Более 14 тысяч панцирей различных типов и отличной выделки. (Они предназначались для конников, пехотных командиров и воинов личной гвардии Дионисия.) Подробности, приводимые Диодором, перемежаются с красочным повествованием так, что можно предположить очевидца в источнике этих сведений, то есть Филиста. Цифры дают некоторое представление о колоссальном масштабе военных усилий Дионисия. Его приготовления проводились в жизнь мощной движущей силой, поскольку тиран поощрял ремесленников личным вниманием и щедрым вознаграждением. Благодаря этому он, как утверждают, наладил производство двух примечательных новинок – катапульт, которые впервые применил именно Дионисий, и боевых кораблей с пятью рядами весел (пентер, в отличие от триер с тремя рядами весел). (Во флоте, как и в армии, он использовал наемников, около половины морских экипажей были ополченцами.) С присущей ему расчетливостью он сначала заботился о производстве вооружения, а затем набирал наемников, чтобы не платить им жалованья до того, как они будут использованы в войнах.

Для этих нанятых наемников Дионисий предусматривал три вида применения, точно соответствующие их использованию персидскими сатрапами. Во-первых, имелась традиционная личная гвардия тирана – телохранители. Должно быть, их число росло по мере того, как Дионисий превратил «остров» в город, а семейное владение в монарший двор. Позднее традиционные источники живо описывали тщательно разработанные меры по обеспечению безопасности тирана и подозрение, с которым он относился к личной гвардии и собственной

семье.

Во-вторых, существовала также гарнизонная служба помимо той, что выполнялась в непосредственной близости от тирана. Когда его держава расширилась, Дионисий в соответствии со старым сиракузским обычаем занимал наемниками главные места, которые аннексировал. Командирами, насколько они нам известны, видимо, были знатные сиракузцы, поддерживавшие тиранию.

В-третьих, главные обязанности наемников заключались, однако, не в гарнизонной службе в условиях мира, но в участии в агрессивных войнах. Дионисий был истинным прототипом воинствующей тирании, и именно с этой целью он правил автократическими методами и содержал постоянную армию.

В первые несколько лет правления он захватил многие города Сицилии. Его излюбленным методом при этом было внезапное нападение, часто при помощи изменников внутри этих городов. Наши источники не настаивают на том, что наемники были единственными войсками в таких делах, но их свидетельства вполне соответствуют этому предположению, и мы узнаем, что после захвата Катаны Дионисий изгнал из этого города его население и поселил в нем своих кампанцев. В нападении на Наксос (город на восточном побережье Сицилии севернее Катаны, на полпути к Мессане. – *Ред.*) число его воинов равнялось 7 тысячам (Полиен) (вполне возможно, это численность его наемников уже тогда, в начале его правления).

Еще более важными были войны Дионисия против Карфагена. Так как это было дело, касавшееся в определенной мере всех сицилийцев, он смог пойти на риск обеспечения оружием и использования гражданского ополчения. Так, Дионисий, узнав, что карфагеняне проникли в центр страны, без промедления собрал все силы, какие мог, из сиракузян и наемников и выступил навстречу врагу с армией численностью не менее 20 тысяч человек – оценка, проливающая свет на приблизительное число наемников, участвовавших во внезапном походе. Тем не менее в опасных предприятиях предпочтение отдавалось наемникам. Например, Архилай Фурийский с отборными воинами был отряжен на ночной штурм Моти. (Архилай явно был наемником.) Они преуспели в выполнении своего задания, а командир наемников, первым забравшийся на стену, получил вознаграждение 100 мин (то есть 10 тысяч драхм или 5 тысяч статеров. – *Ред.*). Аналогичным образом, когда военная удача ему изменяла, Дионисий был вынужден полагаться на наемников более, чем когда-либо. После падения Мессаны, и опять же после победы карфагенян на море, он обратился в Пелопоннес за дополнительной помощью, помимо той, что оказала ему Спарта как союзник.

В целом наемники оправдывали доверие Дионисия даже тогда, когда ему угрожала опасность восстания сиракузских демократов. От тысячи наемников, которых он считал как наиболее нелояльных, Дионисий избавился однажды тем же способом, каким Давид воспользовался в отношении Урии Хеттеянина (который, возможно, был наемником) (2 Цар., 11). Давид послал слуг привести жену Урии Хеттеянина (который был на войне) Вирсавию и «спал с нею» (2 Цар., 11: 4), после чего приказал послать Урию Хеттеянина, который отказался вернуться к обещанной жене, фактически на смерть. Позже Вирсавия родила Давиду Соломона (следующего израильско-иудейского царя. – *Ред.*). Он дал им почетное и опасное задание и следил за тем, чтобы они оставались в тяжелом положении. Вместо них он набрал новых воинов. Поскольку, когда по сговору с ним карфагенскому полководцу Гамилькону было позволено бежать, выступили иберские наемники на карфагенском обеспечении и запросили условия, на которых Дионисий согласится принять их на свою службу.

По окончании первой войны с Карфагеном перспективы службы Дионисию, видимо, стали менее выгодными. Среди его воинов проявлялось недовольство. Поэтому Дионисий посадил под арест главного стратега Аристотеля, когда его воины собрались вместе с оружием в руках и с

большим ожесточением потребовали платы. Дионисий заявил, что отправит Аристотеля назад в Спарту, чтобы его судили за измену соотечественники. Что касается наемников, то им выделили вместо жалованья надель в Леонтинах. То, что это вызвало радость воинов, показывает, что они выбрали воинскую профессию не по доброй воле. Кроме того, район города Леонтины пользовался репутацией благодатного сельскохозяйственного края. Дионисий принял на службу вместо них новых рекрутов. Действуя подобным образом, он, видимо, считал полезным заменять временами и состав своей личной гвардии. Позднее Дионисий заселил «наиболее преданными наемниками», которых можно было использовать взамен тех, что были менее пригодны для верной службы, Тавромению.

В последних войнах с Карфагеном или в городах Великой Греции (итальянские колонии) Дионисий также использовал наемников, хотя они не всегда фигурируют в исторических свидетельствах. Кроме того, в его последние годы был найден новый способ их применения: их одалживали заморским союзникам (например, Анкету I Эпирскому для восстановления власти (2 тысячи воинов и 500 доспехов) или помощь Спарте (см. ниже, главу 9 этой книги). Но география и масштабы его военных походов в целом имели тенденцию к уменьшению с течением времени пребывания Дионисия у власти. Легче всего объяснить причину этого недостатком денежных средств, который препятствовал более широкому использованию тираном наемников.

Наши спорадические источники часто потешаются над приемами, к которым прибегал Дионисий для сбора средств. Его основными методами стали чрезвычайные налоги и ограбление храмов. То, что его налогообложение было тяжелым до абсурда, может быть признано на основании свидетельства Аристотеля (Полибий), что гражданин ежегодно вносил вклад до 20 процентов своего дохода (военный налог на имущество). Диодор определенно связывает первый набег на чужеземный храм с нехваткой у Дионисия денег. Он сообщает, что после этого набега тиран смог нанять массу наемников. Дионисий в свое время начал вторую войну с Карфагеном, но она закончилась неудачей, и ему пришлось выплачивать контрибуцию в 1000 талантов. Вот почему мы обнаруживаем, что он снова разоряет храмы. (Например, не определенное по времени нападение на храм Персефоны в Локрах.) Но столь опасные методы были недостаточны для того, чтобы содержать большую регулярную армию. Для этого требовался постоянный источник ежегодного дохода. И возможно, из-за отсутствия его последние года правления Дионисия I окутаны мраком.

При всех превратностях судьбы Дионисий I оставался для современников ярким примером того, чего можно было достигнуть посредством использования профессиональных воинов. Его положение автократа позволяло ему вести себя на равных с ведущими державами Средиземноморья – Карфагеном, Афинами, Спартой. Это личное превосходство основывалось на военном применении наемных войск. Прежние тираны Сицилии преследовали те же цели аналогичными средствами, но их примеру не следовали в собственно Греции. Дионисий I стал образцом для череды военных автократов, вскоре появившихся в Средиземноморье.

Часть третья

**ЭПОХА НАЕМНЫХ ПОЛКОВОДЦЕВ И НОВЫХ
ТИРАНОВ**

Глава 8

ПОЛКОВОДЦЫ

В период времени перед Анталкидовым миром (387 до н. э.) воин-наемник уже отчасти утвердился на службе Афинам и Спарте, двум ведущим полисам Греции. В Сицилии Дионисий тоже начал показывать, чего может достичь предводитель профессиональной армии. Когда вновь разразилась война, это возросшее значение наемной армии следовало демонстрировать с большей энергией.

Перед обсуждением этого периода подробно неплохо было бы познакомиться с несколькими отдельными командирами этих войск. Все полисы продолжали ставить своих граждан под командование наемников. Но из-за отсутствия исторических свидетельств только стратеги Афин могут быть охарактеризованы как личности. Теперь можно рассмотреть нескольких афинских стратегов почти исключительно как воинов, а не политиков: различие, которое проводилось в V в. до н. э. не столь четко, когда ни риторика, ни стратегия пока еще не достигли в полной мере уровня самостоятельного искусства. Стратеги IV в. обычно попадали в беду, если чересчур усердно участвовали в политической жизни города. Вдобавок каждый наемный командир представлял собой яркую индивидуальность, как и те, которые выдвигались благодаря своим качествам сильной личности.

Вот Хабрий – сильный, отважный боец, который отличился в битвах, подвергаясь всевозможным опасностям. В то время как на суше ему часто сопутствовал успех, главных достижений он добился в морском бою у Наксоса, за что Афины удостоили его высоких наград: золотого венка, бронзовой статуи, освобождения от налогов. Он отдал предпочтение Египту, как месту своей заморской службы. В Афинах он жил расточительной жизнью, но без примеси той вульгарности, которой отличались наемные командиры в дальнейшем.

Ификрат стремился к такому же почету, но иным способом. По сути, это был стратег, который добивался успехов умом, а не только храбростью. Его дисциплинированность и целеустремленность стали темами многих историй. Он сочетал воинский талант с талантом, если не искусством, успешного оратора. Ификрат создает впечатление человека менее искреннего, чем Хабрий. На службе своей стране или на чужой земле он обычно умудрялся не забывать о собственных интересах. Типично в этом отношении его пребывание во Фракии.

Харет, который был гораздо моложе двух вышеупомянутых полководцев, не унаследовал от них ничего, кроме недостатков. Он обладал brutальной силой Хабрия в сочетании с высокомерием Ификрата. Недостаток изобретательности он возмещал лицемерием. Его сибаритство пользовалось дурной славой, правда, главным образом за пределами Греции, где к 355 г. до н. э. он удалился в Сигей. Таково, по крайней мере, неблагоприятное впечатление, которое стремятся создать о нем Исократ, Эсхин и Феопомп.

Разительный контраст упомянутым полководцам представляет Тимофей. О предках последних единственное, что мы знаем, – это имена их отцов. Сын же Конона унаследовал вместе с большим богатством традиционную военную службу Афинам, но не упустил возможности обеспечить себе временное пристанище за пределами Греции. Все его победы и переговоры предназначались для его родного города. Фактически, со своей репутацией удачливого военачальника в сочетании с физической немощью, он скорее напоминает Никия, оказавшегося среди стратегов V в., которым он, естественно, был чужд. Ранние действия Тимофея в новых условиях дают основания предполагать, что у него не было природной склонности к освоению секретов военного мастерства. Позднее он их все-таки освоил, но в конечном счете стал жертвой государственного судебного преследования и умер в изгнании,

вдали от страны, которой себя посвятил. Неудивительно, что пик карьеры Тимофея воспел его учитель Исократ, к вящему возмущению других.

Глава 9

ГРЕЧЕСКИЕ НАЕМНИКИ НА СЛУЖБЕ ПОЛИСАМ ДО БИТВЫ ПРИ МАНТИНЕЕ

1. На службе в Афинах

С окончанием Коринфской войны и роспуском наемников в Коринфе Афины перестали пользоваться постоянной армией профессиональных солдат. Упоминания об афинских пелтастах не встречаются до 379–378 гг. до н. э. Когда спартанский царь Клеомброт совершил вторжение в Беотию, было признано благоразумным защитить границы Аттики. Командиром афинских пелтастов был Хабрий, который вернулся со службы в Египте. И Ксенофонт называет подчиненные ему войска «пелтастами афинян», а не чужеземцами. Это означает, что все они были гражданами, а не чужеземными наемниками, такое предположение напрашивается в данных обстоятельствах. Ибо Афины в данное время сохраняли нейтралитет, а кризис в Фивах возник совершенно неожиданно. Хотя пара афинских стратегов была посвящена в тайну Пелопида и соучастников его заговора, очевидно, что афинские власти оставались в неведении. Да и в любом случае в условиях мира не было желания идти на риск и расходы на содержание наемной армии. Некоторые из соратников Хабрия были, возможно, теми наемниками, которые служили под его командованием в Египте, но, пока он не вернулся оттуда в нужное время, большинство из них по окончании службы рассеялись по разным местам. Поэтому лучше всего оценить заявление Ксенофонта вполне буквально и понять, что Хабрий командовал войском афинских пелтастов из добровольцев. Должно быть, недостатка в воинах-гоплитах не было, поскольку Афины, лишившись своей империи за исключением Скироса и Лемноса, имели, как и в 395 г., лишь минимальное количество боеспособных кораблей. В течение двух последующих летних сезонов войско Хабрия совершает поход в Беотию. Но Диодор называет его наемниками без ссылки на афинское гражданство. Вероятно, они рекрутировались из всех присоединившихся пелтастов, местных жителей и чужеземцев (афиняне послали в Беотию 5 тысяч пехотинцев).

Летом 378 г. до н. э. Хабрий добился с ними крупного успеха. Агесилай со своими спартанскими гоплитами собрался нанести прямой удар по пелтастам и фиванским союзникам, которые удерживали выгодные позиции на горном хребте. По команде Хабрия его воины опустили на одно колено и укрыли щитами другое колено. С пиками, выставленными вперед, они ждали нападения врага. Агесилай был настолько поражен дисциплиной и смелостью своих противников, что отказался от намерения атаковать. В результате была одержана большая моральная победа над считавшимися почти непобедимыми спартанскими гоплитами. Рассказ Диодора об этом эпизоде прекрасно иллюстрирует радикальную перемену, которая произошла в отношении пелтастов. В V в. до н. э., подобно другим легковооруженным воинам, они считались низшим, варварским и недисциплинированным видом войск. Они были призваны завязывать бой стычками, имевшими второстепенное значение, беспокоить противника на марше или прерывать его линии снабжения. Теперь же в рядах таких войск каждого полиса Греции можно было встретить полноправных граждан, а боевое искусство и дисциплина пелтастов достигли такого совершенства, что под командованием военачальников, знавших границы их эффективности, они могли противостоять лучшим эллинским гоплитам.

Заслугу этой реформы наши древние авторитеты приписывают Ификрату. Но, к сожалению, Ксенофонт (авторитетный комментатор по военным вопросам, труды которого

целиком сохранились) не смог сообщить об этой перемене. Поэтому мы обнаруживаем косвенные сведения о ней из вторых или третьих рук в передачах Диодора и Непота, а также в стратагемах Поллена и Фронтинна.

Начнем с дисциплины. Непот свидетельствует об Ификрате: «Под Коринфом он командовал войском с великой строгостью, так что никогда еще в Греции не было более умелой и более послушной приказам вождя армии, и приучил солдат к тому, что после сигнала полководца «к бою» они, независимо от командира, строились в таком порядке, как будто каждого ставил на место опытейший военачальник».

Позднее, говоря о походе Ификрата (374 до н. э.) в Египет, Непот добавляет: «Он обучил эту армию всем военным приемам, и как римские солдаты назывались «фабиевыми», так эти «ификратовы» воины пользовались у греков большим почетом». Портрет блюстителя строгой дисциплины, который безжалостно карал (Фронтин) и не позволял своим войскам бездельничать (Полиен), находит свое подтверждение в наших многочисленных источниках. Эти источники также приводят много свидетельств о большом значении, которое он придавал боевому духу воинов.

Благодаря новому типу отношений между полководцем и воинами, наемная армия предоставляла широкое поле для осуществления его полномочий. Армия греческих граждан не подлежала суду военного трибунала. Ее воинов судили гражданским судом. Самый надежный способ для полководцев карать за нарушение дисциплины состоял в том, чтобы дождаться конца похода и затем попытаться судить провинившихся гражданским судом. Эта громоздкая процедура лишала командиров возможности осуществлять непосредственную власть. Далее, поскольку он был начальником, выбранным его подчиненными (в их статусе граждан), он не смел терять популярность среди них из-за строгости. Спартанские цари составляли отчасти исключение, в отличие от других греческих полководцев у них не было упомянутых помех. Именно этому Спарта обязана главным образом своей высокой воинской дисциплиной. На этот раз Ификрат создал даже более высокую военную организацию и субординацию в своей армии.

Конечно, было бы наивным верить сверх меры в историческую правду конкретных эпизодов, которые передавались нам в виде стратагем Ификрата. Они представляют собой часть содержания традиционных историй, которые могли рассказываться под соответствующим влиянием какого-нибудь волевого полководца. Но то, что Ификрат, в частности, был избран как знаменитость, которой посвящены в целом такие истории, само по себе является признанием его выдающихся качеств. Это свидетельство того, что ему удалось произвести впечатление на сознание своих соотечественников. В данном контексте интересно заметить, что Эпаминонд (крупный военачальник гражданских армий того времени) является единственным серьезным конкурентом Ификрата как героя народных сказаний. Это совпадение может послужить иллюстрацией неизбежного влияния гражданских и профессиональных армий друг на друга. Кроме того, Эпаминонд был большим новатором в сфере военной стратегии, в то время как Ификрат был таковым, возможно, в области тактики. Но Ификрату, как и Эпаминонду, потомки были склонны приписывать больше личной ответственности за это новаторство, чем они заслуживали. Если мы обратимся, далее, к рассмотрению изменений в приемах ведения войны наемниками, то увидим, что у Ификрата тоже была своя связка Пелопид– Хабрий, которой принадлежит заслуга того, что часто рассматривается как новации Ификрата.

Ведь Ификрат представлялся не только как полководец, внедривший в воинов новый боевой дух, ему приписывают также заслугу введения изменений в вооружение пелтастов. Источниками наших знаний по этому вопросу являются Диодор и Непот об Ификрате. Диодор предоставляет более подробную и точную информацию, включая хронологию событий. В конце рассказа о службе Ификрата персидскому царю (374 до н. э.) он прибавляет: «...не будет

неуместным изложить то, что знаю о замечательном характере Ификрата... Он, после того как приобрел многолетний опыт в войнах с Персией, ввел множество улучшений в ведение войны и особенно посвятил себя вопросам вооружения. Так, например, греки пользовались большими щитами, с которыми было трудно управляться. Он отказался от них, ввел щиты небольшие, овальные, достигнув тем самым двух вещей: прикрытие тела достаточной защитой и, при помощи небольшого щита, получение достаточной свободы в движении. После того как достоинства нового щита были обсуждены, его приняли на вооружение, и пехотинцы, называемые раньше гоплитами из-за их тяжелых щитов, стали называться пелтастами из-за пелты – легкого щита, который они стали носить. Что касается копья и меча, здесь он внес изменения в обратном направлении, а именно он увеличил длину копья в два раза и сделал мечи почти в два раза длиннее. Фактическое использование этого оружия подтвердило первоначальные испытания, и, в связи с успехом этого эксперимента, оно завоевало славу гениальному изобретению полководца. Кроме этого, Ификрат сделал солдатские поножи легко снимаемыми и надеваемыми, и они используются по сей день и называются в его честь «ификратиды». Помимо этого, он внес множество полезных усовершенствований в военной области, но будет утомительно писать обо всех них».

Диодор, очевидно, считал, что Ификрат закончил перевооружение своих пелтастов лишь после войны 374 г. до н. э. и в результате опыта, приобретенного на этой войне. Достаточно любопытно также, что он рассматривает новое вооружение пелтаста как изменение, внесенное в войска гоплитов, и игнорирует существование прежде какого-либо вида пелтастов. Толкователи того времени были поражены абсурдностью такого мнения и заняли критическую позицию. Для них изменение было тривиальным и состоявшим главным образом в стандартизации существующего, но довольно бессистемного вооружения пелтаста. Но это мнение не заслоняет факты, изложенные Диодором и, по существу, повторенные Непотом. Нам неизвестно о каких-либо изменениях щита, и это, возможно, просто стандартизация ранней пелты. Но в состоянии ли мы предполагать, что ранний пелтаст всегда имел копье и меч вдвое длиннее, чем у гоплита? Такое вооружение было бы абсурдным для легковооруженного пехотинца, описываемого в более ранних повествованиях. Кроме того, в таких повествованиях пелтаст всегда бросает во врагов дротики. Он не смог бы бросать удлиненное копье, и современные исследователи, которые заставляют его нести с собой вдобавок пару копий, прибавляют нечто не встречающееся у Диодора и Непота и что представляется выше физических сил.

Если признать, что пелтаст Ификрата не был легковооруженным пехотинцем, становится легче понять, почему Диодор излагает проблему так, будто появляется новый вид гоплита. Ибо новый пелтаст был таковым, исходя из того, что предназначался не в подкрепление, но для улучшения и замены прежнего построения воинов в войне фаланг. Кроме того, сразу очевидно, что Диодор был прав, датируя изменение вооружения временем Коринфской войны (395–387 до н. э.). Пелтасты, разбившие мору спартанцев у Лехея, были всего лишь прежними легкими пехотинцами, которых умело ввели в бой, хотя успех, возможно, навел Ификрата на мысль использовать их более регулярно.

Но если Диодор прав в том, что не относит изменение к раннему периоду карьеры Ификрата, то можно ли согласиться с тем, что он датирует его слишком поздно? Здесь рассмотрение знаменитой стратагемы Хабрия предполагает необходимость некоторой модификации. Маневр, требующий опуститься на колени и ждать с копьями нападения врагов, соответствовал пелтасту с новым вооружением. Если так, то на первый взгляд возникает необходимость в предположении, что Ификрат уже внедрил свое нововведение или, иначе, должен быть лишен заслуги этого. Однако любая из этих альтернатив, возможно, слишком радикальна. Лучше всего предположить, что процесс изменения был постепенным. И хотя

эволюция, возможно, не завершилась до 374 г. до н. э., как минимум, тем не менее элементы этого вооружения (например, длинные копья), возможно, уже прошли испытания, и не только благодаря одному Ификрату, но еще раньше также благодаря Хабрию.

У Хабрия не было многих возможностей для проявления своего умения командовать пелтастами в боях на суше. Уже весной 377 г. до н. э. образовался 2-й Афинский морской союз, и вместе с ним возобновилась военно-морская активность под командованием Хабрия. Кроме того, в 376 г. до н. э. Спарта предприняла свою последнюю попытку вторжения в Беотию до битвы при Левктрах (371 до н. э.), и с прекращением ее наступательных операций на суше использование пелтастов в основном прекратилось. Лишь в 374 г. до н. э., когда Спарта пригрозила нападением на Керкиру с моря и суши, афиняне вновь послали войско. Пока готовили флот, направили по суше Стесикля с 600 пелтастами к союзнику Афин Анкету Эпирскому с просьбой, чтобы он переправил их в Керкиру. Ксенофонт не уточняет, были ли эти воины наемниками. Но они стали таковыми под командованием Ификрата, поскольку, когда он прибыл в Керкиру с флотом и принял командование (373–372 до н. э.), то сохранял «пелтастов и гоплитов, приданных кораблям (то есть морских пехотинцев) для использования их в пограничных войнах на континенте». Очевидно, акарнанцы платили ему за службу в борьбе против своих противников. Экипажи его кораблей захватывали на сельскохозяйственных работах. Весной он снова укомплектовал флот и собирал средства, вымогая их у Ионических островов, пока мирные переговоры не прекратили поход.

Весь этот образ действий был типичен для командира наемников, даже если Ификрат и был официально афинянином, возглавляющим военный поход. Средства, которые он применял, могут действительно иметь аналогию, отчасти в периодах величайшего напряжения в Пелопоннесской войне: их применение в это время указывает, что Афины снова находились в чрезвычайной ситуации. Неспособность ограниченного бюджета Афин финансировать длительную войну вынудила стратега повсюду искать средства на жалованье для воинов. Например, в 376 г. до н. э. Тимофею было выдано из казны всего лишь 13 талантов на его знаменитый морской поход к Керкире – менее чем месячное жалованье для матросов его 50 триер. В том году Тимофею сопутствовал успех, но, когда ему в 374 г. до н. э. была поставлена такая же задача, усилия Тимофея по сбору денег задержали его, и впоследствии он был лишен своего поста. Заменили и Ификрата, но он обратил неудачу в блестящий успех, благодаря властному и самостоятельному характеру, которым отличался предводитель наемников.

Ификрат показал, что способен воспитать в своих воинах неукротимое упорство и побудить их зарабатывать для себя жалованье. Но из-за капризов демократии афиняне не должны были или не могли пользоваться выдающимся стратегом постоянно. В 370–369 гг. до н. э. Ификрат не проявил своих способностей и, возможно, был нерешительным в первом походе против Фив. В результате его сместили, а наемников ежегодно передавали под командование различных военачальников с разными, но неприметными судьбами. В 369–368 гг. до н. э. Хабрий добился некоторых успехов. Тимофея в 367 г. до н. э. обвинили в нерадивости. В следующем году его сменил Харес, который отличился лишь раз во время боевых действий у Флиунта, которые имели мало общего с ходом войны. Когда его отозвали, боевые действия на Пелопоннесе прекратились, и мы ничего не узнаем об афинских пелтастах при Мантинее (362 до н. э.), хотя к этому времени они стали обычным приложением к любой армии гоплитов.

Несвязный характер этих походов ясно свидетельствует о трениях, существовавших между полисом и профессиональными стратегами. С течением времени появлялось больше граждан, знакомых с начатками стратегии и тактики, которые однажды использовались. Однако такие граждане не могли теперь объединяться по группам. С обретением самостоятельности лучшими стратегами часто становились те, интересы которых редко можно было подчинить интересам

города-полиса. Тем не менее, когда возникал конфликт интересов, город мог лишь сместить стратега, сколь бы он ни был успешным. И стратег, пущенный таким образом по течению, мог хорошо постоять за себя. Все те качества, которые обеспечивали ему успех на службе полису, оказывались еще более полезными для его собственного успеха.

2. На службе в Спарте

Маловероятно, чтобы наемники подвизались на службе Спарте во время Анталкидова мира, и, конечно, когда разразилась война с Олинфом, Спарте пришлось снова нанимать воинов. Лакедемоняне, как и прежде, опирались главным образом на гражданское ополчение разных сословий. Вероятно, в представлении спартанцев, их гоплиты уже достигли сложившегося статуса профессиональных воинов. История Агесилая (возможно, апокрифическая) представляет его как военачальника, который доказывает своим пелопоннесским союзникам, что их граждане, в отличие от спартанцев, в первую очередь ремесленники и лишь по случаю воины. Если этот образ мышления действительно к нему относится, то легко понять, почему с этих пор наемники на службе Спарте, видимо, были пелтастами, а не гоплитами.

Наемников Спарты также брали на службу по случаю и для особых целей: во-первых, на долговременную службу за пределами страны; во-вторых, для надления армии Пелопоннесского союза теми функциями, которые не могли бы столь же успешно выполняться гоплитами. (Спарта, видимо, так и не приняла пелтаста нового образца вместо тяжеловооруженного воина.) Даже при решении ограниченных задач, как мы увидим, Спарта постоянно терпела неудачи в военных операциях, в которых наемники играли важную роль: и было бы ошибочно усматривать в этих повторяющихся неудачах что-нибудь иное, кроме указания на ее радикальную некомпетентность в специальных методах их вербовки.

В 382 г. до н. э., когда началась война с Халкидским союзом, македонскому царю Аминте рекомендовали купить поддержку некоторых местных вождей и рекрутировать наемников. Подобно кирянам, их набирали на службу за пределами страны, но, в отличие от них, эти воины из Фракии были типичными пелтастами. Как и в Азии после 395 г. до н. э., командовать ими назначили спартанца Тлемонида. Командующий лакедемонянами Телевтий проявил полное непонимание способов надлежащего использования этого вида войск. Он лишь послал их преследовать кавалерию Олинфа, отступавшую через реку! Храбро взявшись за выполнение этой неразрешимой задачи, они попали в безвыходное положение и были полностью разгромлены. Это поражение имело своим следствием разгром остальной армии Телевтия. (У Олинфа тоже были пелтасты, но, видимо, из числа граждан, так как их считали частью регулярной армии.) После этой неудачи в последних операциях войны с Олинфом пелтасты не упоминаются.

Легковооруженные наемники вновь появляются для выполнения специальных задач во время войны в Беотии (379–378 до н. э., зимой 376 г. до н. э.). Они взаимодействовали с Пелопоннесской армией во время ее летнего вторжения. Зимой от них ожидали несения гарнизонной службы в таких пунктах, как Феспии или Платеи, и использования этих пунктов как баз для разорения Беотии. Это было возрождение стратегии Коринфской войны.

Ни в одной из этих целей наемникам не сопутствовал успех. Было бы, вероятно, нелепо делать положительный вывод из того, что единственные свидетельства об их летних боевых операциях касаются потерь. Но более определенное указание на их несоответствие гарнизонной службе еще впереди. Например, Фебид допустил разгром своих пелтастов беотийской кавалерией в поразительно схожей манере, что и Тлемонид. Поэтому Спарте пришлось отказаться от использования наемников в гарнизонной службе и заменить их морями во главе с

полемархами. Подобные неудачи в то самое время, когда Хабрий зарабатывал репутацию умелого предводителя пелтастов, лишь указывают на некомпетентность спартанских командующих в использовании воинов, отличающихся от гоплитов.

Один любопытный эпизод этой войны проливает свет на использование наемников в малых греческих государствах. Агесилай (весной 378 г. до н. э.) нуждался в легковооруженных войсках, чтобы выслать авангард для захвата Киферона (лесистый горный массив на границе Аттики и Мегариды). В это время в Клиторе (север Аркадии) находился отряд наемников, поскольку жители этого города вели войну с Орхоменом в Центральной Аркадии. Агесилай договорился, чтобы власти города одолжили ему наемников, и выслал им заранее месячное жалованье вместе с приказом штурмовать Киферон. Между тем он сдерживал орхоменцев, не позволяя им ввязаться в войну с Пелопоннесским союзом, в то время как совершался поход за пределы Пелопоннеса.

Все большая опора Спарты на наемников достаточно интересна, но их использование Клитором имеет гораздо большее значение. Здесь мы сталкиваемся с небольшим аркадским городом, участвующим в обычных пограничных конфликтах, которые постоянно возникали с доисторических времен и имели лишь местное значение. Тем не менее, вместо того чтобы вести боевые действия одними рекрутами-гражданами, полис берет на службу наемников для зимних боев. Отсюда следует, что наем профессионального солдата стоил недорого, если такие малые города-государства могли себе это позволить. И применение наемников было почти повсеместным, если оно проникло в такую отсталую область, как Северная Аркадия. Государство, служившее источником экспорта наемников, развивало теперь их торговлю на внутреннем рынке.

Но следует признать, что наемники, видимо, составляли более значительную часть пелопоннесской армии, чем допускают наши источники. Со времени Анталкидова мира был внедрен другой метод предоставления воинских контингентов каждым городом, входящим в Пелопоннесский союз. В 383 г. до н. э. для посылки союзной армии в Халкидику договорились, что в будущем каждый участник союза мог бы вносить деньги вместо воинов по расценке 3 обола (эгинских) за каждого гоплита (в день) или вчетверо большую сумму за каждого конника. Естественно, союзники стремились воспользоваться этими возможностями, когда совершались дальние или заморские походы. В 378 г. до н. э. эту практику распространили и на пелтастов.

Неизвестно, насколько широко применялась эта практика замещения во время походов в Беотию. Но в 374 г. до н. э., когда Мнасипп осуществлял поход на Керкиру, его сухопутная армия включала не менее 1500 наемников вместе с теми наемниками из Лаконики, что участвовали в походе (то есть перизками и неодамодами). Ксенофонт ясно дает понять, что союзные города предпочитали в этом случае посылать деньги. Существование такой практики предполагает готовый рынок наемников. Его опасности также проявились во время этого похода.

Вначале при высадке войска Мнасиппа оказались в раю для наемников. Ибо они принялись «опустошать прекрасно обработанную и облагороженную страну, разрушать образцово устроенные жилища и расположенные на полях винные погреба. Евосят, что его воины до того избаловались, что не хотели пить никаких вин, кроме старых отборных сортов с приятным букетом. На полях Мнасиппом было захвачено очень большое число рабов и скота». Позднее эта идиллия исчезла, поскольку «Мнасипп решил, что город уже почти в его руках; поэтому позволил себе часть наемников распустить, а оставшимся задолжал жалованье за целых два месяца, несмотря на то что у него, по слухам, не было недостатка в деньгах». Поэтому можно предположить, что Мнасипп стал жертвой известного спартанского порока – корыстолюбия. Вероятно, он понадеялся сколотить капитал, отказывая войскам в оплате. Этот соблазн не

обнаруживался у спартанских военачальников при прежнем порядке личной, а не наемной службы.

Поведение Мнасиппа имело крайне серьезные последствия. Ведь когда он приказывал своим командирам вести воинов в атаку, те предупредили его, что могут не добиться их подчинения, пока войска не получат содержания в должном объеме. Мнасипп лишь отреагировал на протесты насилием. В результате боевой дух его воинов упал так низко, что они обратились в бегство от керкирян, а сам Мнасипп пал на поле боя. Неудача спартанского похода является, следовательно, прямым результатом злоупотреблений при использовании наемников.

Провал Мнасиппа ознаменовал окончание заморских походов лакедемонян. Подобным же образом битва при Левктрах (371 до н. э.) завершила период экспансии Спарты к северу от Пелопоннеса. Наемники сыграли малозначительную роль в этой решающей битве, но в связи с этим Ксенофонт счел необходимым подвергнуть критике метод их вербовки. (Были наемники под командой Иерона вместе с фокидскими пелтастами, очевидно легковооруженными. Иерон был спартиатом и пал в битве.)

К зиме (370/369) Спарта собрала под командой Политропа новое войско наемников в Коринфе, которое предназначалось для постоянной защиты перешейка от Фив. Но их отозвали в Орхомен, чтобы выступить против других городов Аркадии, которые стали объединяться во враждебный Спарте союз. Конечно, Агесилай вряд ли полагал, что Эпаминонд совершит вторжение в глубь страны зимой и таким образом необдуманно оставит дверь в Пелопоннес открытой.

В то время как Политроп уводил своих воинов с севера, Агесилай продвигался со своей армией с юга. Они договорились, что встретятся в Эвтее. Но до того как эта встреча смогла состояться, Политроп со своими пелтастами потерпел жестокое поражение у Орхомена от войск нового аркадского союза. (То, что это были пелтасты, выясняется из хода битвы, описанной Ксенофонтом, и особенно из его упоминания их дротиков, но обнаруживается, что их называют орхоменскими пелтастами.) Их разгром был похож на многие другие поражения, которые уже понесли спартанские наемники. Они продвинулись слишком далеко в преследовании отступающих аркадцев и были контратакованы, когда оказались без поддержки гоплитов и кавалерии.

Показателем морального состояния разбитой наемной армии было то, что Агесилай после этого поражения оставил надежду встретиться с ними. Однако в этот раз наемники, вопреки его сомнениям, проскользнули ночью через враждебные районы Аркадии и достигли его лагеря. Кроме того, после демонстрации им силы в Аркадии они вернулись вместе с ним в Спарту и оставались там в момент величайшей опасности для Лаконики, когда Эпаминонд вступил в долину реки Эврот.

Похоже на то, что срок контракта с «орхоменскими наемниками» истек по окончании вторжения Эпаминонда, поскольку некоторое время после этого не упоминаются ни эти ни другие наемники. Например, когда в начале 369 г. до н. э. спартанскому полемарху на Коринфском перешейке потребовались подкрепления, Ксенофонт сообщает, что он мог бы набрать пелтастов в наличных союзных войсках, но на службе Спарте их не оказалось. Причина их отсутствия, возможно, кроется в нехватке денег у Спарты. Она лишилась не только былой гегемонии, но даже владений в Мессении. Поэтому неудивительно, что не могла позволить себе содержание армии наемников.

Дефицит компенсировали не только использованием наемников, служивших союзникам, но также прямым заимствованием наемных войск. Летом 369 г. до н. э. на Пелопоннес прибыла флотилия из двадцати триер (трирем) с кельтскими и иберийскими наемниками и 50

конниками, которых послал на помощь Спарте Дионисий. (Это первое упоминание кельтов в качестве наемников в Греции.) Диодор приводит число воинов 2 тысячи и сообщает, что им было выплачено жалование на пять месяцев вперед, то есть на время их отсутствия в Сицилии. Таким образом, Спарта получила их как безвозмездный дар. Эти воины чрезвычайно успешно действовали против беотийцев, пока к концу лета их не вернули на кораблях в Сиракузы.

На следующее лето Дионисий вновь прислал такой же отряд наемников под командой Киссида. (Он также возглавил поход Дионисия на Керкиру в 374 г. до н. э.) Наемники добились большого успеха. В конце лета они отправились обратно к побережью, чтобы вернуться в Сицилию, и попутно помогли Архидаму III в 368 г. до н. э. выиграть сражение с аркадцами и аргивянами. Но со смертью Дионисия I активное использование сицилийских наемников за пределами страны в основном прекратилось. (Кроме похода двадцати триер, который привел к захвату Селласии в 365 г. до н. э. Тимократ, возглавлявший поход, был наемным командиром.)

Спарта также приобретала наемников на кредит от сатрапа Фригии Ариобарзана. Зимой 369/368 г. до н. э. его греческий агент Филиск созвал совещание эллинских городов в Дельфах. Объявленной целью сбора был мир. Но подлинной его целью, видимо, был сбор греческих войск в помощь своему хозяину в связи с предстоящими восстаниями против царя царей. Когда Фивы отказались присоединиться к его плану, предусматривающему власть Спарты над Мессенией, Ариобарзан полностью перешел на сторону лакедемонян. Он собрал большую армию наемников в поддержку Спарты. 2 тысячи воинов из этой армии он оставил на Пелопоннесе, выплатив им жалование. Остальных забрал с собой в Азию. Можно признать с большой долей вероятности в этом войске тех самых наемников под командованием Навкля, из-за нерадивости которых перешеек вновь был открыт для вторжения Эпаминонда (весной 367 г.).

Эти заимствования еще больше подчеркнули зависимость Спарты от наемников и в то же время ее неспособность покупать их. В «Лакедемонской политике» Ксенофонта, написанной, вероятно, несколько раньше того периода времени, который здесь обсуждается, наемники признаются за недавнее нововведение в спартанской армии. Ко времени битвы при Мантинее (362 до н. э.) они стали постоянным элементом военной организации, которая требует особого толкования. (Возможно, войско получало жалование из средств, добытых азиатским походом Агесилая 364–363 гг. См. главу 11.) Кроме того, в спартанской кавалерии практиковалась квота на профессионалов, и она способствовала повышению уровня прежде весьма неэффективной конницы. Но у Спарты было мало ресурсов для вербовки наемников, и, по мере того как лояльность союзников ослабевала, она была вынуждена полагаться на себя и находить новые способы сбора денег, в которых нуждалась. Поэтому Агесилай в своем преклонном возрасте был вынужден заставлять кондотьеров добывать необходимые денежные средства для укрепления военной мощи Спарты (см. главу 11 этой книги), и, стремясь обеспечить страну профессиональными воинами, он заложил традицию набора наемников спартанскими царями.

3. На службе в Фивах и Аркадии

Уже показано использование Спартой и Афинами наемников вплоть до битвы при Мантинее. Остается рассмотреть, какую пользу извлекали из них Фивы и их протее Аркадия. Фивы бросили вызов военному превосходству Спарты. Спартанский гоплит был подготовлен почти до уровня профессионального совершенства, и Фивы, частично копируя армию своего противника, попытались сформировать войско равной с ним эффективности с минимальным использованием наемных воинов.

Во-первых, Беотийский союз набирал пелтастов тем же методом, что и Спарта. Мы видим, как пелтасты взаимодействуют с Хабрием в 377 г. до н. э., или сражаются под командованием

Пелопида при Киноскефалах (в 364 г. до н. э., где Пелопид был убит. – *Ред.*), или занимают боевую позицию на фланге в битве при Мантинее. Но они, видимо, никогда не были многочисленной силой и не играли важную роль в победах Фив. Их относительно малое значение, возможно, связано с тем, что Беотия располагала своим особым и традиционным видом легковооруженных войск – хамиппи.

Во-вторых, успехи Пелопида и Эпаминонда были добыты не наемниками, но особым подразделением коренных фиванцев – «священным отрядом». Видимо, его создали сразу же после того, как выбили спартанский гарнизон из Кадмеи (цитадель Фив). Ибо такой отряд был сформирован беотийцем Горгидом, который упоминается в источниках лишь в следующем году. Это был отряд из 300 отборных воинов, которых фиванцы обеспечили едой и казармами в Кадмее. Таким образом, они надежно предотвратили катастрофическое предательство 381 г.

Освященная веками военная организация каждого греческого полиса базировалась на общности племени и родстве. Это было в основе фаланги гоплитов и тактики ведения ею боя.

В прежние времена Беотия располагала элитными отрядами в 300 воинов, названия которых предполагают, что это был пережиток какой-то олигархии, связанной с коневодством. Но к IV в. до н. э. они устарели. Поэтому если Горгид и заимствовал что-либо, то от врага Фив – Спарты. Там он обнаружил гоплитов, которых кормили и содержали в казармах для защиты государства, а также храбрость в бою, в основе которой был стыд перед возможным позором поражения. Тем не менее, если целью «священного отряда» была битва с хорошо подготовленной пехотой Спарты, то он также выполнял для властей функции наемного подразделения – обеспечение прочного ядра в армии, состоящей в остальном из граждан-ополченцев.

То, что, вероятно, было первой военной кампанией Фив, дает пример параллельных функций и возможностей «священного отряда» и подразделения наемников. Ибо Полиен, характеризуя знаменитое перестроение Хабрия, упоминает создателя отряда Горгида, который отдает тот же приказ фиванцам, что и Хабрий, и взаимодействует с ним в битве. Прямо не утверждается, что фиванцы составляли «священный отряд», но упоминание Горгида и то, что он отвечал за традиционную практику заполнения воинами «священного отряда» двух шеренг фиванской фаланги, делает более чем вероятным, что они потребовались для выполнения столь необычного приказа.

Идея сплочения «священного отряда» для укрепления боевого духа воинов принадлежала Пелопиду. В их следующем подвиге, известном нам, эта практика была закреплена. Ведь под командованием Пелопида «священный отряд» при поддержке небольшого числа конников разгромил две спартанские моры при Тегире. В 371 г. до н. э. снова под командованием Пелопида «священный отряд» замыкал левый фланг фаланг фиванцев, который сокрушил спартанцев при Левктрах. А в 368 г. до н. э. при Коринфе они понесли некоторые потери при нападении на город. Подробности дальнейших подвигов «священного отряда» не приводятся, но Плутарх сообщает в общих словах, что отряд оставался непобедимым до своей героической гибели в битве при Херонее (338 до н. э.). Однако, как мы увидим, в 3-й Священной войне Фивы использовали много наемников в дополнение к армии из отборных воинов и ополчения.

Аркадский союз был создан Фивами, и его военная организация являлась вариантом фиванского профессионального войска. Это был отряд гоплитов, подчиненный руководству Аркадского союза, известный как эпариты. Он финансировался из союзного бюджета. Каждый город нес свою долю расходов. Эпариты квартировали, видимо, в Мегалополе и оттуда направлялись на битвы с врагами или против непокорных участников Союза. Никаких доказательств того, что эпариты воодушевлялись какими-нибудь высокими чувствами, но впоследствии они выработали соответствующий боевой дух.

Впервые мы узнаем об эпаритах под командованием аркадского стратега Ликомеда (зимой 370/369 г. до н. э.), как раз после образования федерации, когда они нанесли поражение Политропу и сорвали вторжение Агесилая в Аркадию. Ликомед, видимо, был создателем эпаритов и их первым предводителем. Он поощрял рост аркадского национализма и указывал, что, «кто бы ни нуждался в наемниках, он предпочитал аркадцев всем другим». Но урок, который он вынес из этого, заключался в том, что Аркадия могла бы, если бы пожелала, справиться с военной опасностью сама. Под его командованием аркадские профессиональные воины использовали свои возможности в интересах Союза, вместо того чтобы служить чужеземным хозяевам. Положение в центре Пелопоннеса позволяло им наносить удары в разных направлениях. «Куда бы они ни пожелали совершить поход, их не могли остановить ни ночь, ни зима, ни длинная дорога, ни горы: так что, по крайней мере, в то время они считали себя самой могущественной силой».

Профессиональная доблесть эпаритов повысила военный потенциал Аркадского союза: их корпоративный дух способствовал его падению. В 363–362 гг. до н. э. Мантинея выступила против использования Советом Союза денежных средств Олимпийского храма для оплаты эпаритов. Она самостоятельно вернулась к прежним, более мягким условиям организации Союза, существовавшим до оккупации Олимпии (находившейся в Элиде), и внесла свой финансовый вклад. Сначала Совет, вместо благодарности за столь великодушный поступок, вызвал руководство Мантинеи на Ассамблею. Когда правители Мантинеи отказались явиться, эпаритов послали доставить их без видимого успеха. Но неспособность Союза укрепить дисциплину имела своим последствием изменение намерений, и было решено больше не злоупотреблять средствами Священного фонда. В результате эпариты остались без жалованья. Поэтому «вскоре те из эпаритов, которые не могли служить без жалованья, ушли со службы; с другой стороны, те люди, которые могли просуществовать без жалованья, подбадривая друг друга, становились эпаритами, чтобы не зависеть от своих противников, а чтобы, наоборот, те от них зависели...» (Ксенофонт). Эта смена личного состава встревожила магистраты, которые усматривали в прорыве богачей к власти опасность примирения со Спартой. Они обратились за помощью к Фивам, а эпариты, ставшие олигархическим сообществом, обратились к Спарте. Союз раскололся на два образования, общие союзные войска больше не упоминаются.

Мы рассмотрели по очереди Афины, Спарту, Фивы и Аркадский союз, увидели, как каждое из этих государственных образований использовало наемников или обходилось без них в первой половине IV столетия до н. э. Была бы утомительной попытка следовать той же линии исследования в отношении других греческих государств, да и скудность наших источников не позволит этого. Тем не менее достаточно указаний на то, что даже самые маленькие города стали брать на службу наемников. Мы уже отмечали поразительно яркий пример Клитора. Больше свидетельств содержится в «Учебнике по ведению войны» Энея из Стимфала.

Из этой работы сохранился, к сожалению, лишь случайный фрагмент, касающийся методов ведения боевых действий в условиях осады города. Поэтому мы не можем получить доступ к общим рассуждениям Энея об использовании наемников. Однако поражают его многочисленные ссылки на них. Поскольку он пишет с позиции человека, дающего рекомендации властям небольшой городской демократической общины, то пользуется примерами использования наемников и приобщает это к общим указаниям по применению гражданами-ополченцами специальных правил, используемых профессионалами. Поэтому он предлагает выпуск ряда прокламаций в городе, находящемся под угрозой осады, включая то условие, что «граждане не должны нанимать наемников или сами наниматься наемниками без согласия властей». Далее он добавляет, что в лагерях наемников «следует потребовать тишины, затем объявить во всеуслышание:

1) Если кто-нибудь хочет уйти, не удовлетворившись условиями содержания, то он может уходить, но после этого дезертир будет продан, как раб.

2) За меньшие преступления наказание в соответствии с принятым законом – оковы. Если кто-либо попадет на действиях, наносящих какой-либо вред армии или обороноспособности лагеря, то пусть наказанием станет смерть».

Сочинение Энея проникнуто также ощущением незащищенности небольшого полиса. В любом случае Эней ожидает, что для властей не станут неожиданными неверность или измена среди горожан и их наемных воинов. Частично такому ощущению соответствует тема его труда, но Эней также отражает обстановку своего времени. Ни один город в Греции не был застрахован от политических волнений, а присутствие наемников и готовность продаться за плату облегчали любой вид мятежа. (Примеры, приведенные Энеем, – нападение на Халкиду из Эретрии изгнанниками, мятеж в Хиосе, олигархический мятеж в Аргосе, переворот в Ахайе, нападение Темена из Родоса на город Теос (в Малой Азии северо-западнее Эфеса), внутри которого оказался предатель, мятеж внутри города, чье название и местоположение не записаны. Во всех этих случаях Эней является нашим единственным источником по использованию наемников. В это время происходили попытки бунта в Фигалии, Коринфе, Мегарах, Сикионе и Флимунте.) Поэтому Эней тяготеет к описанию самых надежных средств содержания постоянной армии наемников. (Неизвестно, применяли ли их на практике.) Наемники должны расселяться по два или три по домам богатых горожан, которые обеспечат их жалованье и содержание, пока остальные воины содержатся за счет государства, а их отряды должны состоять из самых надежных граждан. Такое распределение, жалованье и управление предназначались, очевидно, для того, чтобы наемники были менее подвержены мятежным настроениям.

Стало быть, рассматривая этот исторический период, мы обращали внимание на использование полисами наемников для своей защиты. Но есть и другая сторона этой темы, которую следует обсудить. Наемники в небольшом городе-государстве слишком часто выступали подрывной силой. Колоссальный успех Дионисия стимулировал подобные попытки теми же средствами в остальном греческом мире.

...Все эти предводители наемников, захватывая эллинские города, стремятся установить в них свое правление.

Демосфен

Желание каждого благоразумного кондотьера того времени, должно быть, состояло в том, чтобы установить для себя покорную власть в качестве компенсации за уединенную жизнь на старости лет.

Оскар Броунинг.

Эпоха кондотьеров

В IV в. до н. э. различные центры греческой цивилизации стали настолько тесно связаны политическими, социальными и экономическими узами, что все отдаленные ее части неизбежно влияли друг на друга. Поэтому возвышение Дионисия в Сицилии не могло не произвести впечатления на противоположную сторону греческого мира. Примеру военной тирании, опиравшейся на наемников, следовали во многих областях Греции, но наиболее последовательно этот эксперимент повторили в Геракле Понтийской. Более того, можно быть уверенным, что имитация сицилийского переворота там осуществлялась сознательно и преднамеренно. Этот факт не нуждается в подтверждении свидетельством Диодора. Сам, так сказать, последователь сицилийского тирана, Клеарх предоставил этому лучшее доказательство, назвав родившегося у него сына Дионисием.

До установления тирании Клеарх подвизался на различных службах. Он родился около 405 г. до н. э., бывал в Афинах, где посещал лекции Платона и четыре года был учеником Исократы. По возвращении в Гераклею он оказался вовлечен в политическую борьбу и был изгнан из родного города. В изгнании он подвизался наемником у Митридата, правителя города Киоса, и отличился у него на службе. Поскольку он отличился в качестве предводителя наемников, его позвали из Гераклеи за помощью. Против тамошних олигархов вспыхнуло народное восстание с обычными требованиями передела земли и отмены долгов. Будучи не в состоянии справиться с демократическим движением, олигархи сначала в 364 г. до н. э. обратились к Эпаминонду во время его морского похода к Геллеспонту. Но их обращение осталось без ответа, не более успешным было и их обращение к Тимофею, который вел боевые действия в Халкидике. Поэтому они были вынуждены позвать на помощь Клеарха, того самого человека, которого однажды изгнали.

Рассказ в изложении Юстина о том, что затем последовало, несколько сумбурен, но Клеарх, очевидно, добился согласия Митридата на использование наемников в интересах олигархов. Согласие было получено посредством тайной договоренности о том, что Клеарх, овладев ситуацией, сдаст город Митридату. Но когда Клеарх упрочил свое положение в Гераклее, то обманул Митридата и даже ухитрился захватить его в плен и держать до получения громадной суммы в качестве выкупа. Денег, добытых таким образом, видимо, было достаточно, чтобы гарантировать преданность наемников Клеарху, а не его бывшему нанимателю Митридату.

По достижении успеха Клеарх следовал характерной для тирана линии поведения. Он

принял личину поборника демократии – которой раньше присягал – и заручился народной поддержкой в борьбе против олигархического Совета. Клеарх пригрозил, что если ему будет отказано в поддержке, то он вместе с наемниками покинет город. Укрепившись таким способом на официальном посту, он организовал резню олигархов и окончательно утвердился во власти как тиран. Эней добавляет осторожный комментарий, суть которого состоит в том, что такова судьба партии, которая приводит в город наемников больше, чем необходимо. Они убивают своих противников, но затем уничтожают самих нанимателей и их город в результате тирании предводителя наемников.

Относительно стиля правления Клеарха имеется мало сведений. Полиен приводит две стратагемы. Во-первых, он рассказывает, каким образом Клеарх нашел предлог для укрепления своего акрополя. Он науськивал своих наемников устраивать засады и грабить граждан. В ответ на жалобы жертв он утверждал, что средством спасения является постройка акрополя. Другая история выглядит еще более мрачной в своей жестокости. В разгар летнего сезона Клеарх возглавил поход против Астака. Он разделил свою армию, предоставив наемникам удобную для разбития лагеря землю на возвышенности, граждан же разместил в малярийном болоте. Затем он тянул с началом боевых действий до тех пор, пока высокая смертность среди ополченцев не создала предлог для отступления. В других случаях тиран содержал ополченцев безоружными.

Нет указаний относительно численности наемников и рода войск, к которому они принадлежали, за исключением намека в последней истории, что они были не просто телохранители. Очевидно, однако, что он держал при себе телохранителей, вооруженных копьями, поскольку и Мемнон, и Юстин рассказывают, каким образом убийц тирана уничтожают его телохранители. Никакой революции не последовало. Старший сын Клеарха наследовал власть при поддержке телохранителей. Вероятно, его наследники, грубые, как Сатир, или популярные, как Дионисий, продолжали содержать отряд наемников. Но сведения об этом больше не встречаются.

Клеарх всего один из числа таких тиранов, появлявшихся в греческих городах примерно в это время. Случилось так, что его правление отражено в записях более полно и он представил лучший образец тирана подобного рода. Эвфрон, ставший тираном Сикиона несколько лет раньше, пришел к власти подобным же образом. Он тоже выдавал себя за защитника демократии против олигархов. Первого успеха он достиг с помощью аргивян и аркадцев, но когда его выбрали стратегом наряду с четырьмя другими, он обеспечил себе авторитарную власть, назначив своего сына Адея командовать городскими наемниками. Он щедро тратил общественные деньги и сокровища храмов на обеспечение преданности своих сторонников и осуществление своих планов за пределами полиса. Ему удавалось собирать до 2 тысяч наемников для заморских походов (Ксенофонт). Даже когда его однажды выгнали, он сумел вновь захватить нижний город при помощи афинских наемников.

Эти военные автократы скромного масштаба представляли собой типичное явление того периода времени. Было бы утомительно приводить дальнейшие примеры. Более поучительными для нашей книги являются континентальные династии, которые пережили ряд монархов Фессалии, Фокиды и Македонии.

До сих пор все тираны, с которыми мы имели дело, были автократическими правителями, которые достигали внезапного преобладания в демократических государствах, испытывавших политические кризисы. Но Фессалия (страна, правители и наемники которой являются темой нашего последующего повествования) была недемократичной и отсталой по сравнению с Гераклеей и Сикионом. В этом государстве политическая борьба велась не между сторонниками демократии и олигархии, но между равными претендентами на верховную власть во всей стране – за традиционный пост вождя, который оставался незанятым в течение более сотни лет. Мы

уже коснулись роли, которую могли подрядиться играть в такой борьбе наемники. Благодаря золоту Кира Младшего Аристипп поддерживал его дело в таких конфликтах в конце V столетия до н. э. Сохранилась еще одна мимолетная ссылка Аристотеля, который отмечает, что в Афинах и на Пелопоннесе наблюдалось мало ворон примерно в то время, когда наемники Медия погибли в Фарсале! Предводителя, чьи войска были уничтожены в таких больших количествах, что привлекли внимание птиц-падальщиков Греции, следует определить как правителя Ларисы, ставшего главным противником Ликофрона, отчима Ясона (404 до н. э.).

Однако именно благодаря самому Ясону из города Феры Фессалия вдруг выходит на передний край греческой истории. К сожалению, он, как и Фидон из Аргоса, должен навеки оставаться загадочной фигурой, промелькнувшей один-два раза в античных источниках. Один из нескольких фактов, в которых можно быть уверенным, состоит в том, что Ясон добился верховенства благодаря использованию наемников. Он привлекает внимание именно тем, что был первым правителем континентальной Греции, который полностью использовал их потенциал. Невозможно определить, до какой степени он мог заимствовать идеи Дионисия или развить методы своих предшественников в Фессалии. В любом случае его величайшим вкладом в греческую историю остается образец, которому следовал Филипп II Македонский.

С пугающей внезапностью Ясон появляется в ходе повествования в «Греческой истории» Ксенофонта – уже крупным стратегом с армией, которую не мог выставить ни один город-полис. Диодор указывает, что даже около 379 г. до н. э. у Ясона было войско наемников, используемое способом, который позднее Филипп II предпочитал больше других. Ясон сговорился с неким Неагеном и одолжил ему воинов для того, чтобы тот утвердился тираном Гистиэи (на севере острова Эвбея). Уже к этой дате положение Ясона в Фессалии, видимо, было настолько прочным, что позволяло ему обратиться к распространению своего влияния за пределы страны. Возможно, он унаследовал наемное войско от Ликоферона; несомненно, что он реорганизовал это войско и увеличил. В 372 г. Ясон командовал 6 тысячами наемников – в это время слишком большая численность для одного полиса. Но, как Ясон разъяснял Полидаманту из Фарсала, численное превосходство было не самым главным их активом: «Правда, и мои противники располагают не меньшим числом воинов. Однако же ополчения граждан включают в свой состав как людей, уже превысивших наиболее подходящий для военной службы возраст, так и еще не совсем возмужавших юношей; и вдобавок во всех городах только незначительное количество людей занимается физическими упражнениями».

Это замечание является жестоким ударом по романтическим представлениям о том, что каждый греческий город был постоянным спортзалом, заполненным ревностными атлетами. Далее Ясон говорит: «Я же не принимаю к себе на службу людей, отстающих от меня в физическом развитии». Говоря на эту тему, необходимо вспомнить о личной власти над своими воинами Ификрата и указание на сочетание примера и дисциплины, что было характерно для Филиппа II Македонского. Эти аспекты иллюстрируются дальше по мере продолжения рассказа: «Ежедневно он со своими наемниками устраивает военные упражнения, причем как во время этих упражнений в гимнасии, так и во время сражений сам идет впереди войска в полном вооружении. При этом он удаляет со службы тех из наемников, которые оказываются недостаточно выносливыми, а тех, которые ему кажутся наиболее неутомимыми и наиболее твердыми в опасностях битв, он награждает, увеличивая жалованье в два, три и даже четыре раза, делая им различные подарки, ухаживая за ними во время болезни и устраивая им почетное погребение. Поэтому каждый из его наемников знает, что военная доблесть даст ему в жизни и почет и богатство» (Ксенофонт).

Это точно такой же метод состязания и присуждения соответствующих наград, которым всегда восхищался Ксенофонт. Интересно заметить, что двойное жалованье далее применяется и

в армии Александра Македонского.

С такой большой регулярной армией и солидной шкалой жалования логично ожидать, что главным затруднением Ясона в первые годы его правления было обеспечение такого жалования. Поэтому большое значение имеет тот факт, что из сохранных Полиеном весьма туманных и маловероятных сказаний шесть из них касаются способов получения нужных средств, а седьмое – сумм и расчета жалования. Возможно, это затруднение ограничивалось ранним периодом, поскольку позднее оно было в основном разрешено, когда Ясон, как вождь, мог обложить данью периеков Фессалии.

Численность и эффективность наемной армии были достаточными сами по себе, чтобы позволить Ясону стать вождем без применения вооруженной силы. Его самый сильный противник, Фарсал, уступил ему, обнаружив, что не может заручиться помощью своего союзника – Спарты.

В свою очередь, возвышение до статуса вождя давало Ясону возможность значительно увеличить численность своей армии. Он вновь внедрил в измененной форме военную организацию Фессалии, которая традиционно связывалась с Алеем Рыжим, родоначальником семьи Алевадов, поменяв полис на страну как государственное образование. Таким образом, он получил в свое распоряжение войско, располагавшее 8 тысячами конников (включая некоторое количество союзников), не менее 20 тысяч гоплитов и «достаточным количеством пелтастов, чтобы воевать со всем миром». Все это в дополнение к уже существовавшей наемной армии. Особенно интересно отметить, как он (подобно Филиппу II впоследствии) не полагался только на регулярную армию гоплитов, но приготовился сочетать с ней ополченцев из других родов войск (см.: *Арриан*. Тактика, где он говорит о новшествах Ясона, в частности использовании ромбовидного строя, сочетающего кавалерию и пехоту). Большое комбинированное войско Ясон предназначал, по его словам, для войны с царем Персии. Эту идею, возможно, подсказал ему Горгий, позднее ее подхватил Филипп II Македонский. Фактически же эта армия никогда не использовалась после того, как он стал вождем, а наемники – всего лишь в одном случае. В 371 г. до н. э. Ясон продемонстрировал поразительные возможности армии профессиональных воинов, когда Фивы запросили у него помощь для отпора нападению спартанского царя Клеомброта. Быстро собрав своих наемников и личную кавалерию, – ибо теперь Ясон использовал как конников, так и пеших солдат, – он совершил стремительный бросок по суше через враждебную территорию Фокиды с такой скоростью, что «во многих городах его увидели раньше, чем дошли вести о его выступлении в поход» (Ксенофонт). Диодор рассказывает, что Ясон взял с собой 1500 пехотинцев и 500 конников. Эти цифры выглядят вполне правдоподобными, показывая, как он формировал из большой армии отборное войско для быстрого марша. Битва при Левктрах была выиграна фиванцами до его прибытия, но теперь фиванцы предложили немедленную атаку на остатки войск Пелопоннеса, выстроив силы Ясона на флангах, а свои – в центре. Однако участие в какой-либо войне (особенно той, которая могла усилить Фивы) не входило в планы Ясона, он мог быть арбитром в Элладе без особого труда. Поэтому Ясон возглавил переговоры о мире и по их завершении вернулся в Фессалию. На обратном пути он разрушил укрепления Гераклеи и оставил таким образом открытыми ворота в Центральную Грецию. В это время Ясон достиг вершины своего могущества; причиной этого было то, что он был удостоен, согласно фессалийскому закону, звания тага (верховного вождя), имел у себя на службе большое количество наемников-пехотинцев и всадников, доведенных постоянным обучением до совершенства в военном деле, и, что еще важнее, что он уже снискал себе многочисленных союзников и, кроме того, еще многие хотели вступить с ним в союз. Главной же причиной его преобладающего влияния над всеми своими современниками было то, что он умел принудить всех считаться с собой (Ксенофонт).

Когда же Ясон собрался реализовать свои мечты посредством председательства на Пифийских играх, его внезапное убийство в 370 г. до н. э. свело на нет могущество Фессалии. Хотя у него и были преемники, они не смогли подняться выше уровня обычного тирана и претендовать на то, чтобы сравниться с Ясоном в качествах созидательных государственных деятелей Греции. Дальнейшая судьба династии упоминается лишь постольку, поскольку с ней связана другая династия – Филомела и его наследников.

В 380 г. до н. э. Фарнабаз завершил определенный период службы греческих наемников требованием возвращения Хабрия в Афины. В то же время он открыл новый период деятельности наемников на службе сатрапам. Послы Фарнабаза выдвинули двойное требование: к призыву отозвать Хабрия они присоединили требование одолжить персам Ификрата в качестве стратега. Конон однажды уже был командующим персидским флотом, но никогда прежде гражданин, проживавший в свободном греческом городе, не приглашался командовать армиями царя царей. Афины были рады заслужить благодарность персов столь легко, а Ификрат уже достаточно проявил себя, чтобы служить чужеземным державам. Он, должно быть, недавно вернулся, уволившись со службы во Фракии, когда начало Коринфской войны застало его в районе Геллеспонта. Теперь его послали в Сирию, но вторжение в Египет было отложено на неопределенный срок, поскольку Фарнабаз совершал приготовления с медлительностью, характерной для персидских военачальников.

Наконец, в 374 г. Фарнабаз с Ификратом обнаруживаются в Акесе (Акко) на юге Финикии. Имеется некоторое расхождение между оценками нашими источниками численности собранных наемников (от 12 до 20 тысяч), но они не оставляют сомнений в том, что это было самое большое войско такого рода, когда-либо набранное персидским царем. Из своих военных поражений, понесенных от Хабрия в 386–383 гг. до н. э., Артаксеркс II сделал вывод, что не добьется успеха, пока не будет располагать большим количеством греческих воинов. В рамках своих военных приготовлений он даже послал в Грецию своих послов в 375 г., с предложением провести мирные переговоры представителей воюющих государств. Они привели к скорому прекращению военных действий и таким образом способствовали более легкому набору на службу Артаксерксу греческих наемников, которые временно остались без работы.

Полиен описывает один поразительный инцидент, происшедший в лагере в Акесе (Акко). Ификрат раскрыл заговор против себя со стороны двух командиров лохов. Он приказал разоружить эти лохи, а их предводителей предал суду, который вынес им смертный приговор. Воинов этих лохов Ификрат выдворил из лагеря безоружными. Это было самое суровое наказание для наемника (если не считать казни и обращения в рабство), поскольку оно не позволяло ему как дезертировать к врагу, так и продолжать службу, пока он не сможет купить новое вооружение – весьма дорогое. Данная история снова показывает также, с какой строгостью Ификрат насаждал военную дисциплину, на которую был способен только предводитель наемников. Она еще раз свидетельствует также, насколько крепко воин конкретного лоха был связан с лохагом, командиром лоха.

Наконец поход в Египет начался, и начало его было успешным. Войска персов захватили плацдармы в устьях протоков дельты Нила – Пелусийского и Мендесского (нам неизвестно, чтобы им противостояли какие-либо другие войска, кроме собственно египетских). Но Фарнабаз застрял там до тех пор, пока уровень Нила не поднялся и не подули летние северо-западные пассатные ветры. Он отказался одобрить дерзкий план Ификрата, предусматривавший удар по самому Мемфису. Греческий военачальник даже просил передать ему его собственных наемников, отличившихся при взятии египетской крепости, и обещал захватить с ними город. Но Фарнабаз не согласился. Когда же он был вынужден отступить в Сирию, его расхождения с Ификратом стали настолько острыми, что грек стал опасаться за собственную жизнь и бежал ночью в небольшом судне, оставив свою армию. Фарнабаз счел ответственным за поведение Ификрата его родной город и послал в Афины посольство с протестом. Однако афиняне

отделались отговорками и подыскивали Ификрату важный пост на военной службе.

Но одна неудача с греческим полководцем не обескуражила персов. Ибо весной 372 г. обнаруживается, что Тимофей собирается отправиться морем в качестве военачальника персидского царя на ту самую войну против Египта. Возможно, Афины, разочарованные неудачей Фарнабаза, были рады отпустить Тимофея взамен более успешного Ификрата. Тимофей тоже надеялся избежать наказания на родине и добыть денег для оплаты больших долгов военной службой за пределами страны. Но поход так и не состоялся, потому что Артаксеркс II, удрученный неудачей Фарнабаза, заменил его своим подчиненным Датамом, который в конце концов бросил армию и восстал против царя из страха перед интригами своего предшественника. Царь оставил командовать в Акко Мандрокла из Магнесии, который, несомненно, был греческим командующим до прибытия Тимофея.

Бегство Датама имело гораздо большее значение, чем отсрочка похода в Египет. Оно стало предвестником мятежа влиятельных сатрапов, в котором обе стороны были усилены греческими наемниками. Мы получаем несколько отрывочных впечатлений об их службе. Во-первых, Датам в период времени, непосредственно предшествовавший его мятежу, успокоил наемников, требовавших денег, обещанием чеканить для них монету по достижении ими Амиса. Его усилия с целью отложить выплату им жалованья стали, таким образом, содержанием страгемы. (Полиен. Вероятно, это была так называемая Синопская кампания.) Во-вторых, позднее на Датама напал в Киликии сатрап Ионии Автофрадат, который имел большую армию варваров разных народностей и «3 тысячи греческих наемников, большинство из которых были легковооруженными» (дата совершенно неясна). Последняя подробность весьма любопытного свойства. Она свидетельствует о том, что высокая боеспособность греческих пелтастов признавалась даже среди легковооруженных войск Востока. В-третьих, сатрап Фригии Ариобарзан, который собирался поднять мятеж в поддержку Датама, послал в Грецию Филиска из Абидоса с миссией мира. Для него не имело особенно большого значения то, что общегреческая конференция в Дельфах не продвинулась в значительной степени в деле мира. Тем не менее он смог нанять так много наемников, что мог позволить себе оставить 2 тысячи отборных воинов для защиты Спарты.

Филиск знаковая фигура того времени. Когда Персидская империя снова распространила свою власть на побережье Малой Азии (согласно Анталкидову миру), стало очевидным, что греки в результате снова займут высокое положение на службе Персии, как и в VI столетии до н. э. Данный процесс стимулировало то, что греческие воины приобрели еще большее значение в персидской армии. Как и в VI в., претензии людей, подобных Филиску, сталкивались с ограничениями города-государства, и они считались тиранами. Точный статус Филиска определить невозможно, но Демосфен называет его величайшим наместником, то есть подчиненным Ариобарзана, и он разделит традиционную судьбу тирана – смерть от руки убийцы.

В-четвертых, в 366 г. до н. э. Афины, которые под влиянием Филиска также присоединились к Ариобарзану, послали Тимофея помочь ему, но с присущей Афинам в IV в. до н. э. половинчатостью они выдвинули условие, что полководец не должен нарушать Анталкидов мир. Благодаря удаче и изобретательности Тимофей смог соблюсти это ограничение и все же достичь блестящего успеха. Он узнал, что Самос находится в руках некоего Кипрофема – другого грека на службе персам, – которого оставили там вместе с гарнизоном под командованием заместителя сатрапа царя царей, некоего Тиграна. Это было грубым нарушением условий перемирия, поэтому Тимофей смог послужить своему городу, захватив остров и оказав помощь Ариобарзану (который теперь открыто восстал) посредством разгрома одного из его противников.

Тимофей располагал войском в 8 тысяч пелтастов (Полнен приводит цифру 7 тысяч), и осада Самоса затянулась. Впоследствии ему досаждали две проблемы – нехватка денег на жалованье и нехватка продовольствия. Об изобретательности, которую он проявил в их преодолении, можно получить представление из свидетельств Поллена и Псевдо-Аристотеля. Они показывают также, какой серьезный урок извлек Тимофей из своей неудачи 374–373 гг. до н. э.

Для обеспечения выплаты жалованья он отделил часть своей земли для собственного обеспечения и продал урожай оставшейся части самосцам, предоставив льготы жнецам. Сравнение двух свидетельств убедительно показывает, что эти самосцы были теми же самыми людьми, которых Тимофей подвергал осаде. Он позволил им выкупить его поля и собирать с них урожай в полной безопасности, потому что нуждался в деньгах и без них не мог содержать армию. Недостаток метода Тимофея заключался в том, что он таким образом снабжал врагов, которых подвергал осаде. Поэтому неудивительно, что он взял город в конечном счете не измором, но решительным штурмом.

Непосредственной причиной дефицита продовольствия стало прибытие массы наемников, требовавших продовольственного обеспечения. Очевидно, они были не наемниками, завербованными на службу, но авантюристами, прибывшими наудачу. Средством Тимофея борьбы с голодом стало применение особой формы контроля, которая ограничивала поставки продовольствия только наемникам. Он «запретил продажу еды или сосудов с вином или маслом, но зерна следовало продавать не больше медимния (ок. 52,5 л. – *Ред.*) и, по крайней мере, несколько метретов (ок. 40 л. – *Ред.*) жидкости: и ни у кого не должно быть зернодробилки, кроме как в лохах» (Полиен). «Таким образом, таксиархи и лохаги, покупая оптом, распределяли между воинами, а прибывающие привозили продовольствие с собой, но когда они уезжали, то, если у них оставалось что-нибудь, они продавали. Благодаря этому получилось так, что у воинов было много продовольствия» (*Аристотель. Экономика*). Посредством таких искусных мер Тимофей смог покончить с осадой Самоса, затратив около десяти месяцев, практически без издержек для афинской казны.

После этого успеха Тимофей отправился в Геллеспонт. Он освободил Сеет и Критоту, которые в то время принадлежали Ариобарзану, но были осаждены Севтом. В качестве вознаграждения за службу сатрап передал ему не деньги, но два этих города, которые полководец подарил Афинам. Этот эпизод показывает, что Тимофей, хотя и был вынужден обстоятельствами действовать как предводитель наемников, все же в душе был больше заинтересован в прославлении своего родного города, чем в возвеличивании себя самого.

Разительный контраст представляет вознаграждение, которого добивался другой союзник Ариобарзана. В 364 г. до н. э. к Ариобарзану был послан с так называемой «посольской миссией» спартанский царь Агесилай. Несомненно, однако, что его миссия не ограничивалась дипломатией. Сатрап передавал Спарте наемников, когда она в них нуждалась, он также признавал обоснованными ее претензии на Мессению, которые недавно отверг царь царей. Но потребность в воинах была для Спарты актуальнее обязательств перед Ариобарзаном. Поскольку союзники Спарты были не особенно ревностными, наемники стали ее единственной надеждой, однако их нельзя было нанять без денег. Вот почему Спарта была вынуждена послать царя в качестве предводителя наемников добывать деньги вместо того, чтобы он командовал образцовой армией ополченцев. К сожалению, почти вся информация о жизни Агесилая приходит к нам из туманно сформулированного панегирика Ксенофонта (Агесилай). Он не сообщает, командовал ли Агесилай частью армии Ариобарзана или помогал ему лишь советами. Все, что известно, заключается в том, что Агесилай способствовал выдворению Автофрадата из Ассоса, а Севта из Сеста без всякого упоминания помощи Тимофея. Ксенофонт предпочитает

делать акцент на вознаграждениях Агесилая. Поскольку спартанский царь каким-то необъяснимым образом получал денежные дары отовсюду – от Ариобарзана, которому приходилось помогать, от Мавсола, которого уговорил вернуться в Карию, и даже от Таха, который только что стал египетским фараоном (363 до н. э.) (Тах, сын и преемник Нектанеба I, был фараоном в 361–360 гг. до н. э. – *Ред.*). Обогатившись таким образом, Агесилай после двенадцати месяцев отсутствия вернулся в Спарту перед битвой при Мантинее (362 до н. э.).

Единодушие, с которым сатрапы и местные правители Ближнего Востока делали подарки Агесилаю, можно считать первым симптомом наступления новой фазы мятежа сатрапов. До сих пор было невозможно заметить стройной системы или координации в различных выступлениях против Артаксеркса II. Но в 362 г. до н. э. сложилась реальная коалиция с общим планом. Она бы добилась успеха в реализации своих целей, если бы ее участники сохраняли лояльность в отношении друг друга. План включал наем греческих воинов. В то время как фараон Тах при поддержке Агесилая сдерживал нападение Артаксеркса II на Египет (которое наконец произошло), сатрапы Малой Азии должны были осуществить генеральное наступление в сердце Персидской империи. С этой целью сатрапы вносили в общий фонд достаточно денег, чтобы принимать на службу 20 тысяч наемников в год, и выбрали сатрапа Ионии Оронта хранить общий фонд и возглавить их армию. Но Оронт, подкупленный Артаксерксом II, предал своих сообщников. В Сирии он передал царю царей деньги вместе с наемниками, которыми командовал. Это было первое предательство из целой серии. Датам, командовавший остальными 20 тысячами наемников, был предательски убит. Реомифр, посланный на помощь Таху с 500 талантами и 50 кораблями, отправился вместо этого в Левки в Малой Азии (недалеко от Фокеи и Смирны) и выступил агентом Артаксеркса II.

Даже Тах в Египте был в равной степени несчастлив. Он сделал чрезвычайные приготовления для отпора вторжению персидского царя царей. Его армия из египтян (80 тысяч воинов) была усилена 10 тысячами (по другим данным, 11 тысячами) отборных греческих наемников. Командование ими было доверено Агесилаю, который набрал многих из них в Пелопоннесе и привел с собой из Спарты тысячу неодамадов-гоплитов. У царя лакедемонян имелся штаб из тридцати спартанских советников, так же как и в предыдущем Азиатском походе. Но это сходство лишь указывает на лежащее в основе различие, поскольку теперь Агесилай выполнял работу наемника и ксенага, командира иностранных наемников, хотя он упорствовал в утверждении, что является всего лишь союзником и представителем Спарты.

Тах нанял также Хабрия, заклятого противника Агесилая, командовать египетским флотом. Хабрий прибыл как частное лицо, но не как афинский стратег, поскольку хотя Афины поддерживали дружественные отношения с Тахом, но все же не желали без нужды компрометировать себя перед царем царей, когда Хабрий мог поступить на службу и в неофициальном порядке. Его главные функции состояли в реорганизации и боевой подготовке египетского флота. Он также был советником фараона в управлении финансами. Фактически, его обязанности сильно походили на обязанности британского офицера, уполномоченного заниматься боевой подготовкой турецкого флота.

Планы Таха были обречены на провал. Во-первых, Агесилай с разочарованием обнаружил, что ему не позволено выполнять функции главнокомандующего, но от него требовали подчинения фараону и командования только наемниками. К тому же он не соглашался с наступательным планом боевых действий – с целью дать бой Артаксерксу II в Финикии. Отсюда готовность Агесилая принять предложения Нектанеба II, который решил захватить египетский трон (Тах, покинув Египет и успешно наступая в Финикии и Сирии, оставил в Египте правителем своего родственника. А тот провозгласил фараоном своего сына Нехтгорхеба (Нектанеба II). – *Ред.*). В результате возникла странная ситуация. Ибо профессиональный

кондотьер Хабрий (которому тоже адресовались подобные предложения) попытался уговорить спартанского царя Агесилая сохранять верность своему союзнику Таху. Плутарх дал блестящее описание возникшего спора.

После того как Тах был вынужден бежать к Артаксерксу II, Агесилай вернулся в Египет из-за появления другого претендента на египетский трон. (Вероятно, с падением власти Таха Хабрий был вынужден покинуть Египет. Мы не встречаем его на службе Нектанебу II, и он вернулся в Афины летом 359 г., когда его выбрали стратегом.) Этот претендент тоже пытался уговорить Агесилая бросить своего покровителя. Но на этот раз спартаец не поддался на уговоры, и под его искусным командованием греческие наемники разгромили египетские войска во главе с новым претендентом (Плутарх, Агесилай). Нектанеб II принялся уговаривать Агесилая остаться при нем для грядущей весенней кампании. Но спартаец пожелал вернуться домой и помочь Спарте деньгами, заработанными на службе в Египте. Его вознаграждение включало, помимо других даров, значительную сумму 230 талантов серебра. Но ему не суждено было добраться в Грецию живым, поскольку он умер на чужбине в бухте Менелая.

Со смертью Агесилая вторжения персов в Египет прекратились. Возможно, мятежи оставшихся сатрапов или смерть Артаксеркса II в 359 г. до н. э. отвлекли внимание Персии. В течение семи последующих лет не отмечается никаких вторжений в Египет. Но, хотя Египет покинули наиболее известные из греческих стратегов, нет оснований сомневаться, что в течение всего этого временного промежутка спокойствия Нектанеб II все еще пользовался услугами греческих наемников в целях защиты страны.

Часть четвертая

**ЭПОХА НАЕМНИКОВ-АВАНТЮРИСТОВ И
ФИЛИППА II МАКЕДОНСКОГО**

1. Вступление

До середины IV в. до н. э. использование наемников стало привычным. Но эта новая сила влияла скорее косвенно, чем прямо, на развитие военной стратегии и прогресс греческой цивилизации. Наемный профессиональный воин не выиграл ни одной решающей битвы и не внес ничего нового в теорию ведения войны. Тем не менее воздействие профессионализма было всепроникающим. Он повысил стандарт, которым оценивался обычный гоплит-ополченец, и побудил выработку новой концепции армии. Она больше не была конгломератом собравшихся по случаю отдельных граждан, но органичным сплавом различных и специализированных компонентов. Ификрат сравнивал армию с человеческим телом, и, что важнее всего, стратег признавался, по существу, головой.

Как уже было показано, наемное войско вызвало к жизни доминирующего и сильного предводителя. Метод сменяемости стратегов общим голосованием оказывался всякий раз несостоятельным, пока не был заменен назначением одного постоянного военачальника. Но пока большинство этих военачальников служили своим городам или временно находились вне их, они зависели от политики страны проживания. Когда же они сами были тиранами, то приспособливали такую политику к своим нуждам.

Однако в годы, последовавшие за 360 г. до н. э., выдвигается череда предводителей наемников, которые командуют своими войсками все более и более независимо. Они сражаются за пределами своих стран или даже против них и часто ставят своей целью стать властителями. В тот же период в самой Греции тираны стали успешными, как никогда, благодаря использованию профессиональных воинов. Подтверждением этого служат Филомел и его преемники в Фокиде. В конце концов все эти военные авантюристы мобилизуются на одну сторону Филиппом II Македонским, крупнейшим организатором профессиональной армии. Обратимся сначала к самым заметным авантюрам Диона, Хареса и Харидема, которые стали затем фокидскими тиранами, а также к Афинам и Филиппу II Македонскому в их решающей борьбе.

2. Дион

В 366 г. до н. э. Дионисий II унаследовал власть отца. Важно отметить, что смена власти осуществилась без всякого общественного противодействия. Велись интриги в самом дворце с целью исключить возможные претензии на власть других сыновей Дионисия I, но Народное собрание утвердило свершившийся факт. Следовательно, телохранители, каково бы ни было их влияние, фактически не могли связать Дионисия II прямыми обязательствами перед собой в обмен за возведение на трон. Он определял свою власть как «унаследованную от отца», и он продолжал вести себя так, словно облечен властью высшей санкцией.

В дальнейшем у Дионисия II было не больше желания использовать наемников за пределами страны, чем у себя дома. Вскоре он заключил мир с городами Лукании и карфагенянами – прежними врагами его отца на севере и западе – и посвятил всю свою энергию зарубежным делам: поощрению торговли и колонизации. «Он предался мирной жизни и забросил дело военной подготовки наемников». Этот контраст между большой численностью войск Дионисия II и их редким применением постоянно подчеркивается в античных

источниках. (Оценки ими численности его войск сильно преувеличены.)

Говорится о 400 боевых кораблях, 9–10 тысячах конников и 100 тысячах пехотинцев.

Все они, должно быть, восходят к некоему общему источнику, но нельзя принимать всерьез их оценку численности регулярной армии Дионисия. В лучшем случае им следует представить гипотетическую оценку общей численности войск, которыми, возможно, располагала держава Дионисия. Плутарх сообщает, однако, о 10 тысячах телохранителей, и это общепринятая оценка всех наемников Дионисия.

Миролюбие Дионисия II первых лет является причиной того, почему не обнаруживается ссылок на его воинов. Но в отношении периода 361–360 гг. до н. э. можно воспользоваться повествованием Платона. В своем седьмом письме (348 и далее, датируемым примерно 353 г. до н. э.) он приводит яркий краткий обзор событий. Вопреки практике отца, Дионисий II «попытался уменьшить жалование наемников-ветеранов, и воины, взбешенные этим, собрались толпой и сказали, что не допустят этого. (Дионисий II начал свое правление с освобождения граждан на три года от уплаты налогов: этот щедрый подарок и воздержание от грабежа храмов, должно быть, обескровили финансы тирана.) Дионисий II попытался заставить их уступить, когда закрыл ворота акрополя, но они запели своеобразную боевую песню варваров и бросились прямо на стены. Объятый ужасом, Дионисий II выплатил все и даже больше собравшимся там пелтастам». (Описание наемников-варваров похоже на рассказ, в котором многие из них были иберийцами и кампанцами. Количество наемников-негреков в Сицилии возросло. Любопытно то, что Платон называет их пелтастами. Это дает основание полагать, что к этому времени легковооруженные воины преобладали также и в Сицилии и стали типичными представителями профессиональных воинов, но данное предположение не везде подтверждается.) Тогда распространился слух, что бунт затеял командир наемников, вероятно сиракузец Гераклид, и тот, узнав об этом, бежал и скрылся. Дионисий II пожелал схватить его и, как выясняется позже, послал «Тейсия с пелтастами в погоню за ним». Но Гераклид благополучно сбежал во владения карфагенян. Позднее Платону самому пришлось по воле Дионисия II жить за стенами акрополя среди наемников. Пелтасты недолюбливали Платона, и некоторые из них угрожали убить его, если поймут. Причиной были опасения того, что Платон уговорит Дионисия II отказаться от тирании и жить без телохранителей. Это означало бы для них остаться безработными.

Как видим, отношения Дионисия II с наемниками не были безоблачными. Это соображение, должно быть, подвигло Диона и Гераклида вернуться в Сиракузы при помощи силы и свергнуть тирана. Выше мы видели, каковы были обстоятельства бегства Гераклида. Диона отправили в изгнание раньше (366–365 до н. э.) из опасений в связи с его возросшим влиянием. Говорили даже, что в это время он обсуждал с Гераклидом, все еще командовавшим охраной, возможность свержения Дионисия. Дион играл первую скрипку. Поэтому наемники собирались без объявления цели сбора, а Дион с небольшим отрядом кавалерии отбыл с пункта сбора в Закинфе прямо на Сицилию (357 до н. э.). Его соратниками по данному походу стали брат Мегакл и несколько последователей из Академии: Эвдем с Кипра, Тимонид из города Левки, фессалиец Милт, предсказатель, Каллипп и Филострат. Так как сам Платон был слишком зависим от Дионисия, чтобы оказывать прямую поддержку, Дион нашел преданного сторонника в лице Спевсиппа. Хотя в Греции проживала тысяча сиракузских изгнанников, только 25 или 30 из них приняли участие в этом походе. Невозможно определить, то ли они посчитали цель похода безрассудной, то ли предполагали неадекватность Диона как государственного деятеля, если не как завоевателя.

Дион возглавил отряд в тысячу человек. Воины набились в два больших торговых корабля и одно маленькое судно. Их сопровождали две триеры. Столь малая флотилия не осмелилась встретиться с целым флотом под командой Филиста, поджидавшим ее у берегов Италии. Менее

800 из воинов были профессионалами, «но все это были люди, испытанные во многих и трудных походах, отлично закаленные, не знавшие себе равных в отваге и воинском опыте и способные воспламенить и вовлечь в дело великое множество единомышленников, которых Дион рассчитывал найти в Сицилии» (Плутарх. Дион). Тем не менее даже эти ветераны, когда узнали о цели похода, в котором участвуют, изумились и назвали Диона сумасшедшим, выместив свой гнев на руководителе. Однако Диону при помощи Алкимена, «первейшего из ахейцев по славе и знатности» (который играл здесь роль Клеарха в Киликии), удалось уговорить их продолжать поход.

Сбившись с курса из-за шторма, они в конце концов пристали к сицилийскому берегу в самом дальнем пункте от Сиракуз, в карфагенских владениях. Там они высадились, захватив с собой комплекты вооружения для всех, кто к ним присоединится. (Плутарх говорит о 2 тысячах щитов, Диодор о 5 тысячах.) Рекруты охотно себя предлагали. Их повсюду встречали с приветствиями, и Диону понадобилось дополнительное вооружение, поскольку Дионисий II разоружил сиракузян. По странному совпадению тиран как раз тогда отсутствовал, участвуя в походе на территории Италии. Эпиполы (укрепленный холм, предместье Сиракуз, прикрывавший город) защищали кампанские наемники из города Леонтины и прочих мест Сицилии. Но Дион распространял слухи, что сначала собирается атаковать их города перед нападением на Сиракузы. Эта угроза произвела тот эффект, какой и ожидался от армии ополченцев. Они разбегались по домам, дезертировав из армии Тимократа.

Поэтому Дион смог войти в город, не встретив сопротивления. Его поход стал триумфальным шествием. Он шел вперед, имея брата Мегакла по одну сторону и Каллиппа – по другую. Затем сотня наемников последовала за освободителем в качестве его личной гвардии – зловещий знак. После них пришли остальные наемники, каждым контингентом командовали лохаги. На всех были надеты венки. Немедленно провозгласили свободу Сиракуз. Но следовало еще захватить акрополь.

Через неделю туда вернулся Дионисий II, поскольку господство на море сохранялось за ним. Сиракузцы отгородили стеной город от острова, и некоторое время между двумя сторонами поддерживались враждебные отношения, пока Дионисий II прибегал к дипломатии. После провала этой затеи Дионисий II организовал решительный штурм сиракузской стены своими наемниками. Они яростно бились, воодушевленные, по словам Диодора, щедрыми обещаниями тирана. Плутарх приводит более прозаичную причину, утверждая, что Дионисий II напоил их неразбавленным вином. Оба источника характеризуют наемников Дионисия II как варваров, нападающих с дикими криками. Но, несмотря на все их усилия, воины Диона при поддержке сиракузян отбили штурм. Результаты битвы сторон демонстрируют способы эмоционального воздействия их предводителей на наемников. Сиракузяне вручили иноземцам награду в сто мин, а Диону золотой венок за очевидную отвагу (Плутарх). С другой стороны, Дионисий II потерял 800 воинов, но он «предал их тела великолепным похоронам, увенчав их золотыми коронами и завернув в тонкий пурпур; он надеялся, что такие заботы воодушевят выживших на энергичную борьбу в защиту тирании, и тех, кто вел себя храбро, он удостоил богатыми дарами».

Затем Гераклиду удалось прорваться морем с 1500 новыми наемниками. Но это подкрепление не оказалось благом для сиракузян, поскольку Гераклид вскоре стал противником Диона. Их раздоры были отсрочены лишь из-за неудовлетворительного компромиса, посредством которого Гераклида выбрали навархом, командующим флотом, и, кроме того, обеспечили телохранителями. Постепенно сиракузяне тоже пришли к пониманию, что они установили не демократию, но лишь поменяли тиранию Дионисия II на верховную власть Диона. Их последовавшее недовольство усилили жалобы против наемников Диона.

Недовольство вызвала и победа флота Гераклида над эскадрой Филиста. В результате Дионисий II предложил новые условия мира. (Согласно Плутарху, он хотел сдать акрополь вместе с арсеналом оружия, наемниками и пятимесячным жалованьем для них.) Когда эти условия были отвергнуты, Дионисию II удалось бежать морем, оставив сына Аполлократа удерживать акрополь.

Самая последняя отсрочка полного окончания борьбы лишь помогла увеличить расхождение между Дионом и демократами. Выплата жалованья наемникам была просрочена. Поэтому Дион не был переизбран стратегом на летних выборах. Он и его воины отступили затем к городу Леонтины после стычек с сиракузянами.

Сиракузы лишились всех профессиональных воинов, поскольку наемники Диона (числом около 3 тысяч) включали тех, которых привел с собой Гераклид. Но в данный момент казалось, что город может обойтись без их щекотливой помощи. Воины Дионисия II в акрополе наконец почувствовали тяготы осады. Заканчивался хлеб, поэтому они, как и все наемники в чрезвычайных условиях, стали демократами. Была сформирована еkkлeсия, на которой общим голосованием приняли решение запросить условия сдачи сиракузянам. Но, пока их эмиссары обсуждали эти условия, подоспела помощь. Дионисию II удалось прислать корабли с хлебом, италийскими наемниками и тем, в чем они, особенно, нуждались, – опытным стратегом Нипсием Неаполитанским. Ведь, как мы узнаем, Аполлократ потерпел полный провал в попытках командовать или сдерживать гарнизон акрополя. Сиракузяне компенсировали свое разочарование из-за нового провала переговоров нападением на флот Нипсия. Оно имело частичный успех, который широко праздновался в Сиракузах. Той же ночью Нипсий ответил контратакой на суше. Она привела к ужасной резне, поскольку наемникам-варварам удалось пробиться в город, где они убивали или насиловали всех, кто встречался на пути. У сиракузян поэтому не оставалось выбора, кроме как послать в Леонтины за Дионом, где он находился с наемниками, удовлетвовавшись получением гражданства и жалованья (Плутарх).

Дион охотно уговорил своих приверженцев принять просьбу о помощи. Они вернулись в Сиракузы, где последовала яростная битва с наемниками Дионисия II. Согласно Диодору, войско Нипсия насчитывало 10 тысяч воинов. (Снова цифра, основанная на источнике. Она выглядит слишком большой, но Диодор, по крайней мере, последователен в изложении, поскольку 4 тысячи из них гибнут, по его оценке, в заключительном сражении, перед тем как остальные воины укрылись в цитадели.) Во всяком случае, наемники Диона преобладали числом, и им удалось отогнать противника на позицию, которую тот занимал до удаления Диона в Леонтины.

Дион стал снова стратегом-автократором, но не торопился отомстить своим противникам в Сиракузах. На этом этапе, однако, трудно получить ясное представление об исторических событиях, происходивших в Сиракузах, из-за неточностей повествования Диодора и невнятности других источников. Четкие линии разграничения между партиями затушевываются, и на поверхность выходит череда сменяющих друг друга солдафонов.

Сначала появляется спартанец Фаракс, помогающий сиракузянам в нападении на Акрагант. Затем Гераклид, который уже затеял переговоры с Дионисием II при посредничестве Фаракса и, возбудив мятежные настроения против Диона во флоте, стоявшем в Мессане, вышел в море, чтобы помешать Диону вернуться в Сиракузы после его временного отсутствия. Но его планы провалились, и позднее примирению между Дионом и Гераклидом поспособствовал другой спартанец, Гесил, «который сказал, что плывет из Лакедемона принять начальство над сицилийцами, как некогда Гилипп» (Плутарх). Значение войны с Дионисием II уменьшилось, но наконец его сын Аполлократ из-за нехватки продовольствия и мятежей среди наемников сдал Диону остров со всем арсеналом.

Пользоваться плодами окончательного успеха пришлось недолго. К этому времени дело Диона не встречало поддержки ни у одной партии. Для сицилийских демократов в нем было слишком много свойств тирана и слишком мало качеств вождя для его наемников. Он не уничтожил то, что создал Дионисий II, и жил как философ, приобретающий опыт в политике, но «не вращался среди наемных солдат и их начальников, которые находят отдых от трудов и опасностей в каждодневных пирах и наслаждениях». Одна угроза исходила от демократов. Но она легко и фатально была отведена убийством их предводителя Гераклида. Прибегнув к методу политического убийства, Дион создал прецедент для решения его собственной судьбы, поскольку его друг и соратник по первому походу Каллипп выдвинулся как предводитель недовольных воинов, которых Дион тщетно пытался задобрить поощрением конфискаций. Сначала Каллипп играл при Дионе роль агента-provokатора, который оберегает его от опасных мятежей. Затем он с отрядом наемников из Закинфа осуществил убийство своего военачальника.

Временно Каллипп добился популярности, но он также оставался автократом и вскоре утратил поддержку сиракузян. Через тринадцать месяцев, когда он совершал нападение на Катану, сиракузяне восстали. Короткая карьера Каллиппа быстро покатила под гору. Он напал на Мессану, но без успеха и с потерей большинства своих наемников. С остальными воинами он перебрался в Италию и захватил Регий, объявив, что освобождает город от Дионисия II. Но двое его подчиненных, Лептин и Полиперхон, недовольные его неумелым командованием и неудовлетворительным жалованьем, подняли мятеж, завершившийся убийством Каллиппа. (Возможно, Лептин позднее стал тираном, изгнанным Тимолеоном из Аполлонии.) Источники утверждают, что Каллипп пал от того же кинжала, которым был заколот Дион.

Между тем Сиракузы еще не обрели свободы. Устранение Каллиппа было достигнуто лишь ценой утверждения Гиппарина. Это был единокровный брат Дионисия II. Он присоединился к Диону после удаления последнего в Леонтины, откуда тот вернулся в Сиракузы при помощи наемников. Через два года он умер, и власть в Сиракузах унаследовал его брат Нисей, пока не был изгнан, в свою очередь, Дионисием II, вернувшимся через шесть лет отсутствия с наемным войском из города Локры.

3. Наемники под властью сатрапов, 360–348 гг. до н. э

Сатрапы Малой Азии в этот период предоставили греческим наемным войскам другое поле деятельности, где авантюристы могли воспользоваться своим положением стратегов. Артаксеркс III Ох (взошедший на престол в 358 (359. – *Ред.*) г. до н. э.), очевидно, сознавал угрозы, которые представляли для власти профессиональные воины. За восстанием влиятельных сатрапов последовал короткий период спокойствия. Артаксеркс III вскоре воспользовался этим, чтобы разоружить сатрапов, приказав им распустить наемные войска. Предлогом было то, что они обходились слишком дорого, но эта мера показала, что Артаксеркс III трезво оценивал источник силы правителей провинций. Такое разоружение, однако, могло сохранять эффективность лишь благодаря усилению центральной власти, которой теперь владел царь царей. Тем не менее, судя по единственному нашему источнику по этому вопросу, сатрапы Малой Азии временно подчинились этому порядку. Впоследствии около 10 тысяч греческих наемников были уволены со службы.

В это время афинский стратег Харет командовал наемной армией, которая была вовлечена в так называемую Союзническую войну (357–355 до н. э., которая привела к распаду 2-го Афинского морского союза). К нему примкнули наемники сатрапов. Но сатрап Геллеспонта Артабаз восстал против Артаксеркса II и обратился к Харету с просьбой переправить его войска

в Азию. Тогда наемники потребовали, чтобы Харет либо выплатил им жалованье, либо препроводил их на службу к сатрапу, который предложил им это. Поэтому Харету пришлось переправить свою армию в Малую Азию к Артабазу.

Так излагает события Схолиаст, и, хотя его повествование невозможно проверить на каждом этапе, видимо, оно соответствует тому, что нам известно об этом периоде. К сожалению, невозможно сказать, в какой именно период Союзнической войны новое наемное войско присоединилось к Харету, и поэтому невозможно определить, добились ли они каких-либо успехов в борьбе с союзниками или находились вдали от Артабаза лишь то время, которое требовалось для подготовки открытого мятежа. Но не вызывает сомнений, что Харет не был с самого начала уполномочен Афинами на войну против царя царей, а через несколько лет Демосфен говорил о наемных войсках, которые, «заглянув мимоходом туда, где ведется война нашим государством, предпочитают плыть к Артабазу и еще куда-нибудь в другое место, военачальнику же остается идти за ними – и естественно: нельзя же начальствовать, не платя жалованья». (Диодор подтверждает, что именно потребность в оплате заставила Харета служить Артабазу.)

В Азии Харет столкнулся с армией царя царей во главе с Титраустом. Она намного превосходила по численности его войска, особенно в кавалерии. Однако Харет одержал полную победу, которую он с присущей для него бравадой охарактеризовал в письме в Афины как «сестру Марафонской битвы». Вслед за этой победой Харет разграбил города Лампсак и Сигей, а рогатый скот, ставший его трофеем, он послал в Афины для распределения среди афинских фил (племен) на общем пиру (территория Аттики была разделена на 100 участков (демов). Каждые 10 демов составляли племя (филу). – *Ред.*). Сигей он оставил за собой; во всяком случае, позднее город стал его любимым местом уединения. (Феопомп, фраг. 103 (Оксирих); см. Арриан, *Анабасис*, 1, 12, 1.)

Афинские граждане радовались победе Харета и подаркам, которыми он одарил простой народ. Его сторонники даже написали ему письмо, побуждая его принять на службу больше наемников. Но такое мнение разделяли в Афинах не все. Исократ относился к этой тенденции в общественной жизни с неприязнью, и в пафлете о Мире, написанном в этом году (356–355), он резко критикует зависимость Афин от наемников.

Именно из-за критики Исократа отношение афинян к азиатским авантюрам Харета изменилось. Причиной был не стыд, но страх. Потому что Артаксеркс III выражал протест против нарушения Афинами условий Анталкидова мира. Поступали вести о том, что Персия готовит нашествие многочисленной армии. Эта угроза встревожила афинян, и Харету запретили сотрудничать с Артабазом.

Оказавшись в изоляции, сатрап был вынужден обратиться за помощью к другому греческому государству. Фивы глубоко увязли в Священной войне с Фокидой, но со смертью Филомела летом 355 г. до н. э., казалось, фокидская держава ослабла. Поэтому, когда Артабаз попросил помощи, к нему был отправлен по суше Паммен – через Македонию и Фракию в Малую Азию. С ним было 5 тысяч воинов, и из двух отрывков Поллена обнаруживается характер его армии. Она включала часть легковооруженных воинов, но это, видимо, были наемники. Артабаз, подозревая Паммена в предательстве, отстранил его от командования и назначил вместо него двоих своих братьев. Непостижимо, как это могло бы случиться, если бы воины были коренными фиванцами. Это было опасное мероприятие даже с учетом наемного характера армии. Возможно, как прямое следствие этого, мятеж Артабаза против царя царей провалился. Дезертировали его наемники или нет, но в течение нескольких лет Артабаз укрывался при дворе Филиппа II. Его компаньоном в изгнании был зять Мемнон. Другой зять, Ментор, укрылся у фараона Египта. Скудость наших источников достаточно убедительно

продемонстрировал тот факт, что эти два известных предводителя наемников не упоминаются как деятели, играющие какую-либо роль в мятеже Артабаза.

Видимо, одновременно с мятежом Артабаза вел войну с Артаксерксом II сатрап Ионии Оронт. (У Демосфена он упоминается как правитель, против которого царь царей использует греческих наемников.) Единственные описания этого мятежа содержатся в двух стратагемах Поллена. То, что Автофродат противостоял ему как командующий, доказывает, что эти стратагемы не касаются времени мятежей влиятельных сатрапов, когда Оронт и Автофродат оба участвовали в этих мятежах.

Оронт поднял мятеж, первоначально не располагая никакими наемниками. Это означает, что он восстал, как и Артабаз, после того, как был вынужден подчиниться приказу царя царей о разоружении. Следовательно, сначала его единственными войсками были союзники-варвары, но он немедленно послал за греческими наемниками. Тем временем его войска попали в засаду и были разгромлены. Поскольку он не смог бы выдержать другого столкновения с царской армией с остатками своих войск, Оронт распространил слухи о том, что греческие наемники уже прибыли. Затем он вывел своих варваров в греческих доспехах и с переводчиками, которые произносили команды на греческом языке. Это представление напугало Автофродата, так что тот не осмелился на вторую атаку.

Позднее в городе Кима (восточнее Фокеи) к Оронту присоединились 10 тысяч греческих гоплитов – обычное число и тип воинов. Полиену особо нельзя доверять, если не отождествить эти войска с распущенной армией Харета. Рассказ, который далее следует, призван показать, как дисциплинированные пехотинцы способны противостоять восточной коннице и разгромить ее, даже на равнине. Дисциплинированность, как мы уже видели, была одним из качеств, которые наемник IV столетия до н. э. внес в боевые действия греков.

Источники, рассказывающие о дальнейшем ходе мятежа Оронта, отсутствуют. Но его имя фигурирует во фрагментарном Аттическом указе вместе с именами Харета, Харидема и Фокиона. Маловероятно, что Оронт все еще состоял в состоянии мятежа против Артаксеркса III. Более вероятно, что был достигнут компромисс, в результате которого Оронт сохранил своих наемников. Если так, то эта надпись с туманными ссылками на военный поход касается соглашения, по которому Афины должны были позаимствовать больше войск, чтобы справиться с чрезвычайными ситуациями в ходе Олинфской войны. (В 349 г. до н. э. македонские войска Филиппа II двинулись на Олинф и осадили его. В Афинах после споров возобладала демократическая точка зрения Демосфена, что Олинфу надо помочь (против были промакедонские, олигархические круги во главе с Эсхилом, Исократом и др.). Но афиняне опоздали. В 348 г. до н. э. македоняне взяли Олинф и сровняли его с землей. – Ред.)

4. Харидем Орейский

Следующим предводителем наемников, чьи приключения заслуживают описания, является Харидем Орейский. В античных источниках он часто упоминается в связи с его отношениями с Афинами. Но Харидем не был афинянином по рождению, и в этом его первое и главное отличие от командиров афинских наемников, которые предшествовали ему. Предоставление гражданских прав и звания стратега иностранцам вовсе не было невозможным. Но ни один из них не был командиром наемников, они даже не достигали как стратеги столь доминирующего статуса на службе Афинам. Кроме того, карьера Харидема во Фракии заслуживает особого описания.

Он родился в городе Орей на севере острова Эвбея вскоре после того, как Лисандр выдворил оттуда афинских колонистов и возвратил исконных жителей. О его ранних годах

жизни известно только то, что можно реконструировать из весьма тенденциозного повествования Демосфена. Из него можно заключить, что Харидем впервые подвизался на военной службе, когда воевал в отряде любовников против Афин. Это случилось в 378–376 гг. до н. э., когда Орей, все еще находившийся под властью гармоста и относившийся лояльно к Спарте, подвергся нападению Хабрия, но безуспешному. Харидем также владел долей в каперстве из Орея против Афин и их союзников. Таким образом, многое, по крайней мере судя из завуалированных обвинений Демосфена, могло быть связано с событиями того времени. Когда в 376 г. Орей захватили фиванцы, Харидем, естественно, перешел служить на их сторону, но затем он исчезает из исторических хроник на десять лет.

Он снова появляется в 364 г. до н. э. под командой Ификрата, который напал на Амфиполь. Теперь Харидем был ксенагом отряда наемников. Должно быть, он был еще молод – не больше тридцати. Со своим отрядом Харидем служил Ификрату более трех лет, вероятно с начала кампании против Амфиполя в 367–366 гг. до н. э.

Но в 364 г. афиняне, раздраженные медлительностью Ификрата в достижении цели, сместили его с должности стратега и заменили Тимофеем, который только что вернулся после побед на острове Самос и в Сеете (см. выше, главу 9). Видимо, такая смена стратегов поколебала лояльность Харидема Афинам. Демосфен говорит: «...этот человек первым делом вернул заложников (которых Ификрат, получив от Гарпала, передал ему для охраны) жителям Амфиполя, – хотя вами было принято решение о доставке этих заложников в Афины. Такие действия Харидема послужили причиной того, что Амфиполь так и не был взят. Далее, когда Тимофей вновь нанял его и его войско, Харидем не пошел к нему служить, но отплыл к Котису, прихватив с собой ваши тридцативесельные корабли...»

Но Демосфену хотелось представить поведение Харидема в возможно худшем свете. Положение меняется, если мы заметим, что Ификрат в то же самое время, после своей отставки, ушел и предложил свои услуги Котису (Котис I – фракийский царь, убит в 359 г. до н. э. по проискам афинян. – *Ред.*). (Демосфен озабочен упоминанием этого факта лишь в другой связи, когда воспользовался случаем провести нелестное сравнение Ификрата с Харидемом.) Правда, видимо, состояла в том, что Ификрат с подчиненными воинами оставил службу Афинам в негодование. Поэтому было бы опрометчиво принимать утверждение Демосфена о том, что лишь один Харидем виновен в сдаче заложников или краже кораблей. Столь мощные удары в адрес успехов соперника, вероятнее всего, относятся к Ификрату.

Фракия стала для Ификрата естественным прибежищем, и по примеру своего командира Харидем тоже перебрался туда. Уже упоминалось, насколько успешно Ификрат служил Котису после заключения Анталкидова мира. Его второе пребывание здесь оказалось менее удачным. Выбрав Фракию местом своего проживания, он ухудшил свои отношения с Афинами, поскольку Котис враждовал с Афинами с 365 г. до н. э., когда Тимофей овладел Сестом. И Ификрат, видимо, понял, что Котис будет надеяться на его помощь в случае войны.

Определенно известно, что они воевали друг с другом вскоре после этого. (К 362 г. война уже продолжалась некоторое время, согласно Демосфену.) Вначале Ификрат выразил готовность предпочесть интересы тестя верности своей родине. В первый раз отмечается, что афинский командир наемников реально принял участие в морской битве с афинским стратегом. Он также командовал войском наемников, которые, вероятно, следовали за ним до нападения на Амфиполь. Но Ификрат изменил свое решение до того, как стало слишком поздно, и отказался поддержать Котиса в действительном вторжении на афинскую территорию.

Впоследствии Ификрат оказался в трудном положении, и с Котисом, и с враждебными Афинами. Он удалился в Антиссу, а позднее в Дрис (город во Фракии, основанный Ификратом как колония). А к лету 362 г. до н. э. он опустил так низко, что стал искать примирения со

своим кровным врагом Тимофеем, которое было скреплено браком между их детьми. Возможно, Ификрат добился прощения от Афин при помощи Тимофея. Но еще несколько лет он не появлялся на афинской службе.

Не остался на службе Котису и Харидем. Возможно, вследствие ухода Ификрата мы обнаруживаем, как он плывет на борту корабля из Кардии. Но с большей последовательностью, чем его бывший командир, Харидем переходил на службу от одного врага Афин к другому. Он отправился в Олинф или Амфиполь предложить свои услуги, когда его перехватили триеры Тимофея. К счастью для Харидема, афиняне в то время остро нуждались в наемниках. Поэтому его прежний послужной список был забыт, и Тимофей принял его на службу. В конце концов, Харидем не был афинянином, и то, что Афины не могли простить своему гражданину Ификрату, могло быть просто обойдено их вниманием в обычном кондотьере-иностранце.

Ни одна ссылка на военные предприятия Тимофея не выявляет факты о его использовании наемников. Мы узнаем, однако, что он был вынужден ввести символическую валюту из меди для оплаты воинов. Это стало возможным благодаря договоренности с маркитантами. Общепринято предположение, что Харидему предоставили афинское гражданство за военную службу, но этот дар получен им по другому поводу.

В конце 362 г. до н. э., когда Тимофей прекратил свою первую осаду Амфиполя, он уволил Харидема, который позднее продолжил осуществление своего искусного плана. Харидем ушел со своим войском в Азию и предложил услуги Мемнону и Ментору, единокровному брату Артабаза. Тот собирал силы для освобождения их родственника, захваченного Автофрадатом, мятежным сатрапом Лидии. Но Харидем, обнаружив отсутствие гарнизонов в городах Скепсис и Кебрен в Троаде, предпочел захватить их и утвердиться в качестве независимого автократора, что всегда было предметом желаний всех командиров наемников.

Имеется также пара любопытных рассказов о захвате Харидемом Илиона – в попытке расширить свои владения. Объединив два варианта текста, узнаем, что в Илионе был градоначальник и гарнизон, преданный Артабазу. Вот почему на территорию Харидема совершались разорительные походы. Эти ночные нашествия проводились под командованием раба градоначальника, которого Харидему удалось захватить и привлечь на свою сторону. Они договорились, что по освобождении раб вернется в Илион, но ночью должен выехать из города верхом на коне, как бы для очередного набега. Поэтому, когда он возвращался с некоторым количеством воинов Харидема, переодетых пленниками, следовало открыть главные городские ворота, чтобы пропустить конницу. Воспользовавшись этой возможностью, воины Харидема «убили стражника, действуя так, как обычно ведут себя наемники, и сумели захватить ворота». Так Харидем захватил город и сразу же устроил за городом засаду, чтобы упредить нападение с целью отбить его. Мера предосторожности оказалась нелишней, поскольку очень скоро афинский таксиарх наемников на службе Артабазу, Афинодор Имбросский, послал на Илион войско. Однако он оказался не менее предусмотрительным, чем Харидем. Его воины следовали окольными путями, а некоторые из них даже вошли в город под видом приверженцев Харидема. Однако других воинов Афинодора раскрыли из-за ошибки в пароле. Нападение было сорвано. То, что нападение едва не удалось, свидетельствует о значении фактора случайности в формировании войска наемников – они даже не могли различить своих соратников по внешнему виду! Весь эпизод показывает также, что наемные стратеги жили своим умом и были более изобретательными, чем стратеги ополчения предыдущего столетия.

Тем не менее Харидему не было суждено долго удерживать захваченные им земли в Дардании. Автофрадат освободил Артабаза, и тот продолжил попытки вернуть эти земли, организовав блокаду Харидема. Демосфен в своей уничижительной характеристике предводителя наемников громко заявляет об абсурдности выбора в качестве базы города в

глубине территории без достаточного снабжения продовольствием. В этой критике есть определенный смысл, но Харидем, очевидно, делал ставку на успех восстания сатрапа. Он не предполагал, что мятеж закончится крахом, и того, что Автофрадат заслужит прощение, освободив Артабаза. Во всяком случае, загнанный в угол, Харидем продемонстрировал незаурядные способности выпутаться из затруднительного положения.

Сначала он написал письмо Кефисодоту, афинскому стратегу (369–359 до н. э.), который находился тогда в районе Геллеспонта. В нем Харидем просит, ссылаясь на свои прошлые заслуги, деблокировать его и обещает за доставку в Херсонес фракийский отбить этот город для Афин у Котиса. Пока же просьба рассматривалась в Афинах, Харидем счел более эффективным заключить союз с Ифиадом Абидосским, пересечь с его помощью Геллеспонт и поступить на службу Котису, вместо того чтобы воевать с ним.

Это оказалось рискованным выбором, ибо вскоре после прибытия туда Котиса убили, и Харидем оказался в доминирующем положении во Фракии, когда юный Керсоблепт стал его подопечным. Кефисодот тешил теперь себя надеждами, что Харидем выполнит свои прежние обещания уступить за вознаграждение некоторые фракийские владения. Но Харидем проявил большую верность своему новому хозяину и удивил афинян внезапным нападением со своими пелтастами на их флот. Позднее, в Алопеконнесе (город на Херсонесе Фракийском), он вынудил уговорами афинского стратега согласиться на перемирие, столь неблагоприятное для Афин, что Кефисодот был уволен со службы и оштрафован.

Между тем в самой Фракии возникли проблемы. Мильтокит, представитель царского дома, восстал и повел против Керсоблепта войско наемников, включавшее убийц Котиса I, Пифона и Гераклида из Эноса. Пифон и его брат Гераклид убили Котиса I, отомстив за отца. Позднее они бежали в Афины, где стали учениками Платона и получили гражданство. Но уже перед 352 г. до н. э. Пифон покинул Афины, чтобы поступить на службу Филиппу II. Однако его предательски передал в руки Харидема командир наемников Смикифийон, после чего Мильтокита казнили.

Успех Харидема заставил двух оставшихся соискателей трона во Фракии, Берисада и Амадока, объединиться против Керсоблепта. Они заручились поддержкой военачальника Афинодора, который, видимо, оставил службу Артабазу по окончании восстания сатрапов. Ему удалось заставить Харидема подписать договор, более благоприятный для Афин и соискателей трона. По этому договору Фракия делилась на три части, а Сеет подлежал сдаче. Но как только Афинодор распустил свои войска из-за отсутствия поддержки со стороны родного города или новоявленных царей, Харидем отказался от соглашения. Не улучшилось положение Афин, когда в качестве стратега прибыл на борту лишь одного корабля в 359–358 гг. до н. э. Хабрий. Большую поддержку не позволил дефицит средств. Поэтому Хабрию пришлось заключить договор даже более неблагоприятный, чем прежний договор с Кефисодотом. Этот окончательный провал заставил Афины послать десять послов, призванных выговорить условия соглашения, заключенного Афинодором, или не принимать никаких условий вовсе.

Так дело затягивалось, пока осенью 357 г. до н. э. Харет, собравший войско наемников для похода с целью возврата Эвбеи, вторгся с этим войском во Фракию. Сразу же было заключено окончательное соглашение. На общей встрече было заключено соглашение между Афинами, Керсоблептом, Берисадом и Амадоком. Каждый подписант был представлен своим греческим таксиархом наемников – Харетом, Харидемом, Афинодором, Бианором и Симоном. Интересно заметить с учетом сказанного об обычаях брачных союзов во Фракии, что Харидем женился на сестре Керсоблепта, а Бианор и Симон были зятьями Амадока. Афины были настолько довольны решением этой трудной проблемы, что было представлено гражданство трем представителям на заключении соглашения, которые еще не были афинянами, – Харидему, Бианору и Симону.

Так была преодолена одна из основных трудностей Афин на северо-востоке. Харидем,

однако, оставался командиром и регентом при Керсоблепте. Демосфен изображает его сидящим в Кардии в ожидании возможности нанести удар Афинам. Вероятно, это большое преувеличение со стороны оратора, но, возможно, для его заявления есть основание. В доказательство Демосфен цитирует депешу Харета, в которой говорится, что Харидем вел переговоры в 354 г. с Филиппом II Македонским и Памменом из Фив, когда те прибыли в Маронею. Филипп II, должно быть, отверг его предложения, поскольку, когда наконец в 351 г. до н. э. Керсоблепт попал под власть Македонии, Харидем перестал ему служить и удалился в Афины.

Наиболее значительная династия тиранов на континентальной территории Греции – та, которую источники часто не считают таковой. Однако не может быть сомнений, что для современников Филомел и его преемники мало или вовсе не отличались от других автократоров, власть которых опиралась на наемников. Возвышение Филомела к власти характерно для тирана. Далее можно заметить, что его преемники выбивали свои имена на фокидских монетах, практика, к которой никогда не прибегал, в отличие от Клеарха, даже Дионисий I.

Шанс для Филомела появился вследствие вражды Фив и Фокиды. После битвы Левктра, когда фокидяне воевали с Беотией вместе со Спартой, Фивы воспользовались оружием религии, и амфикионов убедили наложить колоссальные штрафы на обоих противников. Конечно, они отказались платить, и спор тянулся до тех пор, пока фокидская земля не оказалась под угрозой конфискации и посвящения Аполлону для взыскания долга с процентами. На этом этапе и выступил Филомел. Некоторые источники считают, что он руководствовался в этой борьбе личными мотивами. Во всяком случае, он предложил фокидянам возобновить их древний иск к святилищу в Дельфах в противовес к несправедливым штрафам амфикионов. Подобно другим тиранам, он обещал успех, если его выберут стратегом-автократом с неограниченными полномочиями. Затем общим голосованием ему это звание присвоили.

Первым шагом Филомела была попытка заручиться поддержкой Спарты, которая также стала жертвой указов амфикионов. Лакедемоняне по-прежнему не считали благоразумным соглашаться на открытый союз против Фив, но спартанский царь Архидам приватно предложил продолжать сотрудничество и снабжать Филомела деньгами и наемниками. В качестве первого вклада в такое сотрудничество он дал Филомелу 15 талантов, а фокидянин смог добавить к этой сумме еще 15 талантов из личных средств. С этим капиталом он сформировал войско наемников и увеличил его отборным отрядом в тысячу пелтастов, набранных из его фокидских приверженцев. Ему было достаточно такого небольшого войска, чтобы захватить Дельфы (между мунихионом – апрелем и гекатомбионом – июлем – августом), где он отомстил врагам Фокиды, убив их и конфисковав их богатство. Положение Филомела упрочилось, и он располагал необходимыми средствами, чтобы оплачивать наемников без немедленного обращения к дельфийским сокровищам.

Локридяне, вторгшиеся на захваченную фокидянами территорию, были беспощадно разгромлены и отброшены. Зимой (356/355) они добивались помощи от беотийцев, которые вместе с фессалийцами, возглавлявшими Амфикионию, были вынуждены отбиваться от требований Фокиды. Филомел, со своей стороны, обратился к греческим городам с просьбой поддержать законные требования фокидян и обещал не трогать богатства храма. Так открыто разразилась Священная война, расколовшая Грецию на две части. Но настоящие сражения затронули только непосредственно заинтересованные города.

До весны Филомел поспешил усилить армию, набрав возможно больше наемников за плату в полтора раза большую, чем обычное жалованье. Эта щедрая плата, очевидно, была призвана привлечь любого безработного наемника, и, похоже, не многие беспокоились сопутствующими политическими и религиозными проблемами. Армия Филомела была, таким образом, увеличена «крайне порочными и сверх меры безбожными», как называет их Диодор, наемниками со всех частей Греции. С этими наемниками и набранными фокидянами, общей численностью 5 тысяч человек, Филомел вторгся весной 355 г. до н. э. в Локриду. В целом ему, кажется, сопутствовал

успех, но в наших двух повествованиях отражены неясно или вовсе отсутствуют подробности, а также следующий поход против Беотии. Ближе к концу года обе стороны были поддержаны союзниками. Фокидянам прислали 1500 воинов из Ахайи, беотийцев подкрепили 6 тысяч фессалийцев. Кроме того, если верить небрежно сформулированному рассказу Павсания, на стороне Фив, а также Фокиды сражались наемники. И это, как мы убедимся, вероятно также в силу других причин. Более того, ожесточенность войны усиливала этническая и религиозная вражда, которая выразилась в таких эксцессах, как отказ хоронить погибших и убийстве пленных фокидян. Несомненно, наемники Филомела прибегали к тем же эксцессам. Поход в этом году драматично завершился внезапным поражением и гибелью Филомела в Неоне. С его гибелью, казалось, борьба фокидянам была обречена на полный крах. С их стороны предпринимались зимой усилия в целях мирного урегулирования конфликта. Фиванцы поверили в то, что их цель достигнута, и даже послали следующей весной (354 до н. э.) наемную армию во главе с Памменом в Малую Азию (см. выше, главу 12, подраздел 3). Эта армия не может быть чем-то иным, кроме как войском, набранным для войны с Фокидой, которое теперь с выгодой подвизалось на службе мятежному сатрапу Артабазу. Однако эта война с фокидянами была только началом, поскольку Ономарху удалось обеспечить свое избрание на вакантное место Филомела. Он компенсировал потери в наемной армии и ввел практику оплаты своих воинов за счет сокровищ храма.

В его собственных глазах такая мера была, видимо, оправданной. Ведь если храм действительно принадлежал фокейцам, они могли, по обычаю греков, использовать подношения для своих потребностей, обещаясь возместить изъятые ценности после прекращения чрезвычайных обстоятельств. Но поступок Ономарха его противники осудили как святотатство, и такой оценкой окрашены все античные свидетельства. Для их авторов Третья Священная война является сюжетом для иллюстрации наказания безбожия и жадности. Такое пристрастие понятно, однако странно обнаруживать его отзвук среди современных историков. Некоторые из них всерьез изображают конфликт между Ономархом и Филиппом II как борьбу между наемниками, с одной стороны, и силами греческой цивилизации – с другой. Такой вывод можно сделать, лишь игнорируя продолжение использования Филиппом II наемников и искаженной интерпретацией намерений Ономарха. Он и его преемники являлись всего лишь фокейскими националистами, лично заинтересованными в успехе своего дела. У них не было никаких планов, имеющих целью установление своей гегемонии над всей Грецией. Однако именно такую цель преследовал их победитель Филипп II Македонский.

Ономарху удалось также посредством искусного использования сокровищ изолировать Беотию от ее фессалийских союзников. Он развил этот успех не менее поразительными достижениями в войне. Возможно, он в конечном счете смог бы добиться полного освобождения Фокиды от доминирования Фив, если бы не завяз прискорбным образом в Фессалии. Там тирану города Феры угрожало народное восстание, пользовавшееся поддержкой Филиппа II Македонского. Тиран обратился за помощью к Ономарху, возможно напомнив об оказанной ему услуге в плане удержания своей страны от вовлечения в войну Фокиды с Фивами. Во всяком случае, Фаилл, брат Ономарха, был послан на помощь во главе 6 тысяч воинов и потерпел тяжелое поражение от Филиппа II. Оно не могло остаться неотомщенным, поэтому на север отправился сам Ономарх со всеми своими силами и, одержав две победы, выдворил Филиппа II из Фессалии. Из свидетельства Поллена можно сделать вывод, что этими успехами Ономарх обязан умелому применению легковооруженных войск в горных условиях.

Фокида достигла теперь зенита могущества. Ведь Ономарх зимой (354/353 до н. э.) увенчал свои достижения захватом Коронеи. Это конкретное событие сыграло особо важную роль в истории греческих наемников благодаря любопытной морали, выведенной из него Аристотелем.

Город и акрополь Коронеи были отданы Ономарху сторонниками Фокиды внутри этого города, но остальные граждане, узнав о вторжении врага, не стали покорно сдаваться. Им пришла помощь из Метакхона – соседнего форпоста Беотии, где находились наемники под командованием беотарха Харона. Но, как только началось сражение, их предводителя убили и наемники бежали с поля боя, в то время как горожане с мрачной решимостью закрыли городские ворота за собой и врагами и бились до смерти на главной площади города. Аристотель делает вывод о разном проявлении отваги со стороны горожан и наемников и показывает, что, хотя профессиональные воины обладали порой преимуществом в способности отличить истинные военные угрозы от ложных, они первые бежали, когда опасность становилась слишком явной или превосходство противника в численности и вооружении было слишком очевидным. Ополченцы в такой обстановке остаются умирать, наемники же предпочтут остаться «жить, чтобы сражаться на другой день».

Но захват Коронеи был последним успехом Ономарха. Филипп II, «как баран, сделал шаг назад лишь для того, чтобы боднуть сильнее» (его собственные слова). Следующим летом (353 до н. э.) он снова вторгся в Фессалию и был перехвачен Ономархом на берегах залива Пагаситикос, где состоялась битва на Шафрановом поле. Противники имели равную численность пехоты, около 20 тысяч, но благодаря фессалийским союзникам Филип значительно превосходил противника в кавалерии (свыше 3 тысяч конников против 500). Поэтому в последовавшей битве ему удалось окружить войска Ономарха на морском берегу. Сообщается, что было убито 6 тысяч наемников и 3 тысячи взято в плен, что позволяет предположить первоначальную общую численность наемников 10 тысяч или половину всех войск. Сам Ономарх был убит. Филипп II вывесил его мертвое тело на обозрение, а пленников утопил за неуважение к Аполлону.

Снова показалось, что Священная война закончена. Фокидские наемники и их командующий были уничтожены. Но с необычным рвением вмешались Афины, тайный союзник Фокиды. Они послали ополчение удерживать Фермопилы. Это помешало Филиппу II развить свой успех покорением Фокиды, и логическое завершение было отложено на время после мира Филократа. Перед следующей весной (352) Фокидская держава снова реорганизовалась. Фаилла, брата Ономарха, выбрали продолжателем династии, и ему удалось восстановить наемную армию. Кроме того, Ликофрон и Пеитолай из Фер, изгнанные Филиппом II, добавили к его силам свои 2 тысячи наемников. Далее прислали свои контингенты номинальные союзники Фокиды – Спарта – тысячу и Ахайя – 2 тысячи (неясно, наемников или ополченцев). С такими силами Фокида была спасена от разорения.

Запутанный список последовательных сражений, который Диодор вместил в период нескольких лет, не дает реального представления о применении наемников. Но такие спорадические пограничные набеги – как называет их Диодор – были своего рода войной в интересах опытных профессиональных воинов. Длительное напряжение начало сказываться на живой силе Фив, которые все больше и больше прибегают к набору наемников. Пока у Фокиды сохранялись средства, ей легко было привлекать бойцов на свою сторону. В конце 352 г. до н. э. Фокида тоже ответила Спарте любезностью, послав 2 тысячи, видимо, всех наемников, чтобы помочь последней в войне с Мегалополем, в то время как Ликофрон прислал сюда 150 конников из своей личной гвардии. Сражения на Пелопоннесе оказались, однако, не вполне законченными.

Следующей весной (350 до н. э.) Беотия, обратившаяся за помощью против Фаиллы, получила нового союзника в лице царя царей. Он прислал «дар» в 300 талантов, но фактически это была плата за временное одолжение гоплитов во время его первого похода на Египет. Вероятно, Фивы могли выгодно тратить деньги для набора наемников в целях обороны. Что

касается Фокиды, то Фаилл заболел и «оставил сына Ономарха, Фалека, просто мальчишку, стратегом фокейцев». Фаилл назначил Мнасея, одного из своих друзей, воспитателем Фалека и тоже стратегом. К этому времени стратегией Фокиды стала наследственная тирания. В правление Фалека на долю фокейцев выпало еще больше неудач, и наконец в 347 г. до н. э. терпение граждан истощилось. Последовало народное восстание, и Фалека свергли. Верховную власть передали совету трех. Однако каким-то необъяснимым образом Фалеку удалось позже вернуть свой официальный статус стратега. Возможно, он не терял контроля над наемниками. Фокидской тирании, хотя и слабо обоснованной, суждено было пасть лишь под воздействием внешней силы. В том же году Беотия пригласила Филиппа II прийти на юг снова и завершить дело, которое он не закончил в 353 г. Фалек удерживал Фермопилы, поставив в Никее гарнизон наемников. Но он не хотел защищать Фермопильский проход и отказался от предложений Афин и Спарты делать это за него. Вероятно, он не верил в свою способность сохранить власть в Фокиде. Поэтому Филипп II позволил ему и 8 тысячам его наемников отойти на Пелопоннесский полуостров невредимыми. Но от них потребовали демонстративно сдать оружие и лошадей. Амфиктионы торжественно обложили камнями и сожгли часть оружия, многое продали.

Диодор приводит приблизительную оценку стоимости подношений Дельфам, которые были реализованы в деньгах. Согласно этой оценке, общая стоимость подношений серебром и золотом составляла 10 тысяч талантов, из них подношения золотом были сделаны на 4 тысячи талантов. 8 тысяч воинов – отнюдь не чрезмерная цифра для средней наемной армии, находящейся на содержании, и в свете сказанного выше высокое жалованье в полторы драхмы в день являлось разумной средней величиной. Эти цифры предполагают ежедневные расходы около 2 талантов, что за период в десять лет могло составить более чем 6 тысяч талантов. (8 тысяч воинов по полторы драхмы ежедневно на каждого дают 12 тысяч драхм, что эквивалентно 2 талантам.) Кроме того, фокидяне, видимо, были вынуждены оплачивать расходы на жалованье своим союзникам. Ибо Диодор говорит о соучастии в грабеже сокровищ спартанцев и афинян тем, что они «получали все выплаты соответственно числу посланных солдат». Когда резерв создается также для оплаты других военных расходов и, вероятно, отчисляется определенная сумма на взятки (хотя это получило широкое распространение позже), цифры Диодора вовсе не кажутся невероятными. Общий вывод заключается в том, что мощь Фокиды покоилась главным образом на том, что деньги в большом количестве обеспечивали приток наемных воинов и временные победы.

Эсхин восхитительным образом подытожил причины падения Фокиды. Сначала он сравнивает судьбу с особой целесообразностью, когда мы признаем ее богиней наемников и их командиров. Затем следует продолжение.

«...одна и та же причина усилила в Фокиде могущество тиранов и сокрушила его. Они достигли власти после того, как решились протянуть свои руки к священным деньгам и при помощи наемников изменили государственный строй. Они были низвергнуты из-за недостатка в деньгах после того, как растратили на оплату наемников бывшие у них средства. В-третьих, их погубил мятеж, обычный спутник страдающего от голода лагеря».

Наконец, Эсхин объясняет падение Фокиды, в частности, ошибкой Фалека, отказавшегося от помощи Афин или спартанского царя Архидама.

Из-за этой ошибки Фалек обрек себя на жизнь ксенага бродячего отряда наемников. Рассказ Диодора о его карьере (почти единственное свидетельство на эту тему) является одним из нескольких лучших повествований о том, что пришлось перенести такому воину. Это тенденциозный рассказ, призванный проиллюстрировать месть Аполлона за святотатство, но нет оснований сомневаться в правдивости изложения. Лучше всего передать его с несколькими

сопутствующими комментариями.

Диодор сообщает: «Фалек с наемниками после спасения от плена сначала жил на Пелопоннесе, поддерживая своих людей на последние остатки награбленного в святыне». Ему не везло с попытками наняться на службу в обстановке, когда велось мало войн. Диодор излагает историю так, будто Фалека сопровождали все его наемники. Это маловероятно: наемники не были склонны держаться своего предводителя в неблагоприятных условиях. Нам известно, что часть из них позднее отправилась за море с Тимолеонтом (*Плутарх*. Тимолеонт). А Павсаний добавляет, и весьма правдоподобно, что некоторые фокидяне связали свою судьбу с Фалеком. Позднее в Коринфе были арендованы корабли.

«Фалек приготовился к отплытию в Италию и Сицилию, думая, что в этих странах он либо захватит некоторые города, либо сможет получить содержание как наемник, в какой-нибудь текущей войне, как та, что случилась между луканцами и Тарентом. Своим спутникам он сказал, что делает это по зову народов Италии и Сицилии.

Когда он отплыл из гавани в открытое море, некоторые из воинов, которые были на большом корабле, на котором плыл и сам Фалек, совещались друг с другом, потому что они подозревали, что никто не посылал за ними, – потому что они не видели на борту ни одного должностного лица, посланного народами, которые якобы домогались помощи, а также потому, что плавание в перспективе было не коротким, но долгим и опасным. Таким образом, поскольку они не только не доверяли (Фалеку), о чем они и сказали, но и боялись зарубежного похода, то сговорились (прежде всего, командиры наемников). Наконец, обнажив мечи и угрожая Фалеку и кормчему, они заставили их взять обратный курс. И когда те, кто плыл в других судах, также сделали то же самое, они снова высадились на Пелопоннесе. Затем они собрались на мысу Малейя в Лаконии и нашли там посланников из Кносса, которые приплыли из Крита нанять их. Затем посланники беседовали с Фалеком и командирами и предложили довольно высокую плату, после чего все они отплыли с ними. Высадившись в порту Кносса на Крите, они сразу же взяли штурмом город, называемый Ликт».

Но мститель явился в виде Архидама, прежнего союзника Фокиды, который следовал со своей наемной армией на помощь Таренту. (Согласно Диодору, Архидам с наемниками тоже имел долю участия в разграблении сокровищ Дельфийского храма и по этой причине позднее заслужил гибель в Лукании.) Он нанес поражение наемникам Фалека и освободил Ликт. Затем Фалек последовал примеру «десяти тысяч» и попытался осадить Кидонию. Но город выдержал осаду, и он был убит. Разумеется, смерти Фалека следовало быть пропорциональной его преступлениям. Его то ли поразила молния, то ли умертвил один из приверженцев. Остатки наемников отправились из Кипра помочь вернуться элейским изгнанникам, но их разгромила коалиция Элиды и Аркадии, захватив в плен 4 тысячи наемников. «Аркадцы продали свою часть пленников в рабство, элидцы казнили их за осквернение святилища Аполлона».

Так пришел конец отряду Фалека. Фактически его поход на Крит, хотя и завершился неудачей, должно быть, был менее неудачным, чем пытается это представить пристрастный Диодор.

НАЕМНИКИ НА СЛУЖБЕ В АФИНАХ В ИХ БОРЬБЕ С ФИЛИППОМ II

Войны Фокиды и Фив заняли десять лет IV столетия до н. э. Но они не выдерживают сравнения с конфликтом между Афинами и Филиппом II Македонским. С интервалами эта борьба продолжалась с 358 по 338 г. до н. э. Постепенно она привлекала все больше сил Афин и потребовала всех их денежных ресурсов – и в живой силе тоже, когда это было необходимо. Однако война с Филиппом II довела до пика тенденцию, которая долгое время росла в Афинах. Ополченец-гоплит, подлежавший призыву, ожидал, что государство будет все больше и больше тратить деньги на его личное благо и все меньше и меньше будет требовать от него службы за пределами страны. С другой стороны, богатые граждане были вынуждены, желали они того или нет, выделять государству большие доли своего богатства.

В речах, которые дошли до нас, богатые афиняне любят ставить себе это в заслугу, но фактически они компенсировали деньгами уклонение от военной службы, которую несли бедняки. Большинство афинян предпочитало «самим бездельничать, сидеть сложа руки, жить в нужде и только осведомляться, одержали ли победу наемники такого-то полководца» (Демосфен). Именно эти настроения и их последствия проявлялись во время чрезвычайных ситуаций, когда становилось все труднее призвать афинян на военную службу. Государство уже выработало в это время привычку нанимать на службу профессиональных пелтастов, и с этого времени те или иные наемники замещали гоплитов, за исключением нескольких особых случаев. Наша задача состоит в том, чтобы проследить этот процесс, а затем выяснить, какую пользу для себя извлек Филипп II из применения наемников.

Уже в первый год своего регентства Филипп II косвенно вступил в конфликт с Афинами. Ведь этот город поддержал по собственным мотивам претендента на престол Аргея. В 358 г. до н. э. стратега Мантия послали в Македонию с отрядом в 3 тысячи гоплитов. Он высадился в Метоне, но не углублялся в страну. Вместо этого Мантий послал в Эти Аргея с «наемниками». Этих воинов, очевидно, следует отождествить с упомянутыми 3 тысячами гоплитов. Неудивительно, что афинские граждане не стремились служить за пределами страны в незначительных походах, таких как этот. Гораздо более примечателен тот факт, что все наемники были гоплитами. В IV столетии до н. э. до настоящего периода это первый, отраженный в записи пример, когда Афины наняли большое войско такого рода воинов.

Аргей обманулся в своих надеждах на благоприятный прием в Эти. Он не предпринимал никаких дальнейших атак, но повернул назад в Ментону. На этом пути Филипп II застал его врасплох и окружил отступавший отряд. По окончании боя он поставил условием сдачу Эти и соратников Аргея, о которых больше ничего не известно. Среди них, однако, было несколько афинян, которых Филипп II отпустил без выкупа. Он сделал это в качестве жеста примирения с Афинами.

Когда в 356–355 гг. до н. э. вражда между двумя странами возобновилась, Афины смогли наконец выложить на войну с Филиппом II всю свою энергию. Но оказалось, что энергия Афин уже иссякла. За походом на Эвбею всем войском во главе с Тимофеем, 357 г., последовала Союзническая война. Поэтому Харет, единственный имевшийся у Афин авторитетный предводитель наемников, которому поручили вести войну, в целом терпел больше неудач, чем добивался успехов. Довольно пристрастный критик Эсхин сообщает, что Харет потерял в Халкидике 75 городов, которые завоевал Тимофей, и что он вывел из доков 150 триер, которые

так и не вернулись. Более того, Харет вел себя настолько независимо в отношении властей, что в 346 г., когда Филипп II совершал поход в Херсонес Фракийский, было предложено «отправиться морем, как можно быстрее, и подыскать стратега для командования войском». Данный же афинский стратег превратился в бродячего кондотьера, действия которого полис не контролировал.

Необходимость дисциплинировать полководцев-профессионалов вдохновила Феодекта Фаселидского, ученика Исократ, опубликовать примерно в это время памфлет под названием «Закон», в котором он, видимо, предложил новый метод обращения с ними. «Вы делаете гражданами наемников, таких как Страбакс и Харидем, благодаря их примерному поведению, не сделать ли вам изгнанников из тех, которые нанесли непоправимый ущерб вашим наемникам?» Но Афины слишком нуждались в стратегах, чтобы применять это средство.

Эсхин тоже прибегает к язвительным замечаниям в отношении приверженцев Харета: «Беглецы Деяр, Депир и Полифонт собрались вместе со всех концов Греции». Он даже утверждал, что на них было потрачено 1500 талантов. Очевидно, это была общепринятая оценка ораторов того времени. Такой ее приводит Эсхин, а в 349 г. до н. э. и Демосфен. И было бы абсурдно настаивать на этих цифрах чересчур горячо, однако они показывают, насколько широко было распространено мнение, что Афины потратили свои ресурсы на наемников без сколько-нибудь адекватной отдачи. К 352 г. Демосфен мог говорить о казне, которая не обеспечивает денежное содержание на день. Этот дефицит – причина скромных успехов в борьбе против Филиппа II на данный момент и позднее.

Харету принадлежит заслуга лишь двух достижений – захват Сеста весной 353 г. и разгром Адея Петуха. Адей был командиром наемников Филиппа II, и его прозвище (видимо, происходящее от хвастливости) вдохновило Гераклида на то, чтобы отметить это событие.

Филиппов петушок раскукарекался,
Носился спозаранку и попал под нож —
Его тогда схватил Харет-афинянин:
Видать, тот был без гребня. И, зарезавши
Лишь одного, устроил угощение
Харет для многих, – дело благородное!

(Харета, очевидно, отозвали с Геллеспонта на помощь Ономарху. Времени ему хватило лишь на спасение нескольких фокидян, которые доплыли до его кораблей в заливе Пагаситикос. Возможно, за этот благородный поступок он получил из казны Дельф вознаграждение 60 талантов. На эти средства он, по свидетельству Феопомпа, угощал афинян.)

Завоевание Филиппом II Фессалии и его победа над фокидянами встревожила Афины и побудила их наконец послать ополчение из 5 тысяч гоплитов и 400 конников охранять Фермопильский проход. Быстрая и серьезная помощь спасла ситуацию: поход Филиппа II на юг был остановлен. Ораторы Аттики ближайšie 20 лет смотрели на это событие как на большое достижение своей страны. Остается показать, как низко пала боевая доблесть Афин, когда такое событие показалось им подвигом.

Когда опасность временно отступила, Афины вернулись к использованию наемников. Был разработан новый многообещающий план, посредством которого Харидем, все еще служивший Керсоблепту, возводился в ранг стратега и должен был при помощи фракийцев, а также собственных наемников завоевать для Афин Амфиполь. За этим последовало решение Народного собрания, которое официально обеспечивало гарантии Афин Харидему в случае его

убийства. Именно против этого предложения выступил Евтикл с речью, написанной для него Демосфеном, из которой мы почерпнули большую часть нашей информации о Харидеме. Точно не известно, было ли это решение осуждено как незаконное, но Харидем определенно не был избран стратегом до 351 г. до н. э. В конце лета предыдущего года Филипп начал вторжение во Фракию, и к декабрю в Афины пришла весть, что он осадил фракийский город Херайон Тайхос. Тотчас последовали предложения повторить успех 353 г. до н. э., послав другое ополчение воинов, возрастом вплоть до 45 лет, и флот из сорока триер. Средства на это предприятие следовало собрать посредством чрезвычайного налога 60 талантов. Но приготовления замедлились, и поступила весть, что Филипп II заболел и даже умер. Поэтому поход отложили на период после Нового года (июль 351 г.), когда Харидема выбрали стратегом. Наконец, в октябре он смог выйти в море с десятью кораблями, но без воинов на борту. На организацию эскадры и набор наемного войска ему было выделено лишь 5 талантов. (Этой суммы хватило бы лишь на содержание одной эскадры в течение шести недель.) Было слишком поздно, чтобы оправдалась какая-либо надежда на успех. Филипп II уже нанес такой мощный удар по Керсоблепту, что тот перестал быть союзником Афин.

Обеспечив таким образом тыл, Филипп II обратился к Халкидике, где его новой целью стал захват Олинфа. Осада этого города началась весной 349 г. до н. э. И первой филиппикой, выпущенной в то время, является программа Демосфена по снятию осады. План заслуживает некоторого анализа, поскольку это единственный сохранившийся план от Афин, который был разработан для контроля наемной армии. Хотя Демосфен начал с предложения снаряжения 50 триер и ополчения граждан, усиленного конницей, он понимал, что это предложение труднореализуемо. Поэтому, расценивая его как будущую цель, он предложил иметь постоянное войско для рейдов на македонскую территорию. Такое войско должно было состоять из 2 тысяч пехотинцев и 200 конников, на четверть из ополченцев, остальные – наемники. Для перевозки этих сил требовалось десять быстроходных триер. Демосфен делает упор на то, что это скромное, но реальное предложение, противопоставляя его нереальным проектам создания многочисленных наемных армий. Он надеялся таким путем сочетать преимущества наемных воинов и ополченцев. Ибо, базируясь на островах Лемнос, Фасос (Тасос) и Скиафос (Скиатос), они могли бы почти непрерывно осуществлять серии набегов на Македонию. В то же время ополчение граждан, неспособное служить на постоянной основе и приходившее, как и должно, из наиболее отдаленных мест Аттики, оказывалось обреченным на милость зимних штормов и летних северо-западных пассатных ветров. С другой стороны, ополченцы в наемном войске Демосфена оказывали бы, как он надеялся, влияние на всю армию, и само их присутствие сдерживало бы распущенность наемного стратега. Предусматривалось освобождение ополченцев от воинской службы по окончании установленного срока.

Наконец, Демосфен гордился тем, что его план обоснован с финансовой стороны. Поэтому он надеялся, что план не постигнет обычное проклятие афинских военачальников – дефицит денег, что заставляло их растрачивать силы наемников где угодно, чтобы выплачивать жалованье. Согласно плану, воинам выплачивалось пособие. (2 тысячам пехотинцев по 10 драхм в месяц каждому = 40 талантов в год; 200 конникам по 30 драхм в месяц = 12 талантов в год; 10 триер по 20 мин в месяц = 40 талантов в год.) Всего: 92 таланта в год. Они могли получать большее жалованье, если хотели, путем грабежа неприятельской территории, не в ущерб союзникам. Таков был план Демосфена, и он продвигал его аналогично эпизоду иноземцами в Коринфе. Но эти идеи так и не были претворены в жизнь.

В конце лета 349 г. до н. э. начался Афинский поход на помощь Олинфу. Его организовали как обычно. 2 тысячи наемников-пелтастов составляли полевые силы под командованием Харета. Несколько позднее (возможно, в начале следующего лета) Харидема, пребывавшего в

районе Ееллеспонта, послали в Халкидику со 150 конниками и 4 тысячами пелтастов. (После своего провала Харидем, возможно, был в опале. О его аморальности в Олинфе пишет Феопомп; о его склонности к пьянству Элиан. Далее в 338 г. до н. э. он появляется как стратег.) Видимо, он сместил Харета. Это наилучшая краткая характеристика афинского войска пелтастов, которым мы располагаем. Это показывает, что пелтасты были способны совершать походы без поддержки гоплитов. Но метод мобильных рейдов оказался неэффективным в отношении армии Филиппа II, и олинфяне послали последний отчаянный призыв о помощи к ополченцам, а не к наемникам и союзникам. Однако точно так же, как прежнее предложение совершить поход было упреждено походом на Эвбею, где Филипп провоцировал беспорядки, так теперь, когда Харета послали с 2 тысячами пелтастов и 300 конниками, его задержали встречные ветры до тех пор, пока Олин не был взят царем Македонии.

Согласно свидетельству Филохора, Афины поддержали Олинф силами не менее 6 тысяч наемников и только 2 тысяч ополченцев. Но с этого времени они совсем перестали использовать ополченцев на суше. Вследствие тщетности военных усилий в Афинах стала набирать силу партия мира. И хотя Филократов мир не принес общего удовлетворения, возврата к конфронтации желали еще меньше. Поэтому, фактически, с 348 по 340 г. до н. э., в мире с Филиппом II или нет, Афины не предпринимали явных акций против него. Но это успокоение с афинской стороны не предотвращало отдельных конфликтов между Филиппом II и афинскими гарнизонами наемников, особенно на Херсонесе Фракийском.

По крайней мере со времен Союзнической войны (357–355 до н. э.) Афины считали необходимым иметь гарнизоны в отдаленных частях своей сокращающейся империи. И разумеется, рядовому афинянину не надо было нести гарнизонную службу за пределами полиса в мирное время. Даже во время войны обычно для этой цели использовались наемники. Так, например, в 368 г. до н. э. содержался гарнизон наемников в Перинфе, которому Филиск выплачивал жалованье. (Филиску предоставили гражданство Аттики.) А в месяц фаргелион (24–25 мая) 356 г. до н. э., когда шла Союзническая война, возникли затруднения с выплатой жалованья гарнизону на острове Андрос. Опять же весной или летом 348 г. до н. э., в течение короткого времени после изгнания Плутарха, таким же образом удерживали Эретрию. Тимарха послали туда эксетастом, функционером, в обязанности которого входило выяснение мер, необходимых для содержания и использования наемников. Эксетастами были «офицеры, посланные провести предварительное установление количества наемников для того, чтобы высылать им жалованье, ибо стратеги порой давали неверные сведения и преувеличивали их численность». Точно так же необходимо отметить бесполезность таких мер, поскольку всех этих эксетастов комиссии Тимарха обвинили во взяточничестве.

В 347–346 гг. до н. э. Афины располагали аналогичными гарнизонами на побережье Фракии в Серрхеон Тайхос, Тиерон Орос и других местах. Филипп II уже вел переговоры с Афинами по поводу Филократова мира. Но поскольку Керсоблепт был исключен из соглашения о мире, Филипп II продолжал вести против него боевые действия. До конца марта 346 г. до н. э. из Фракии были выдворены все афинские гарнизоны наемников, которые находились под общим командованием Харета. Так, Филипп II, сделав Керсоблепта своим вассалом, добрался до Геллеспонта.

Это продвижение Филиппа II реально угрожало Херсонесу Фракийскому, одному из наиболее ценных владений Афин. Поэтому вскоре после подписания мира туда были посланы новые клерухи, а Диопиф назначен стратегом. Так как Диопиф был послан в то же время, что и эти новые клерухи, можно сделать вывод, что его первоочередной задачей было укрепить оборону города. Но клерухи оказались вовлеченными в спор с Кардией, которая все еще сохраняла свою обычную независимость от Афин. Это вело к войне, и Диопиф набрал за свой

счет наемное войско, с которым не только напал на Кардию, но также вторгся на зависимые от Македонии территории, когда Филипп II поддержал кардийцев. Насколько эта активность Диопифа была его личной инициативой, и насколько ее санкционировали Афины, определить невозможно. Демосфен говорит о нем как о стратеге, а Филохор конкретно указывает срок его пребывания в должности 343–342 гг. до н. э. (Из этого не следует, что он не был стратегом в предыдущие годы.) Для нас это указание весьма важно, поскольку, должно быть, в конце этого периода (весной и летом 342 г.) началось нападение Диопифа на Кардию. Далее, согласно «письму Филиппа» (Демосфен), имелись указы, санкционирующие военные акции определенного вида. Но экклесия (Народное собрание Афин), очевидно, так и не позволила Диопифу воевать с Филиппом II, и это были отдельные поступки с его стороны, которые Демосфену действительно пришлось защищать в его речи «О делах в Херсонесе».

Конечно, Диопиф совершал предосудительные поступки стратега, войскам которого не выплачивали жалованья. Он занимался поборами с кораблями, проходящих пролив Геллеспонт, пиратствовал, если заранее не получал взятки. Но эти шалости стали теперь, в той или иной форме, обычным побочным доходом стратегов. Серьезным проступком стали грабежи городов во фракийских владениях Филиппа II и требование выкупа за задержанного македонского посла. Но как раз это, что нельзя было защитить с позиции права, особенно привлекало Демосфена в Диопифе. Наконец Афины, без затрат и усилий, заимели за пределами их территории профессиональную армию, которая энергично разоряла владения Филиппа II. Наемники Диопифа своевольничали, как хотели; по крайней мере, они были занозой для Филиппа II.

Демосфену удалось при помощи своих аргументов убедить афинян не открещиваться от Диопифа, однако нет никаких свидетельств, что ему оказали срочную помощь. Однако похоже, что Диопиф вскоре после этого ушел из жизни сам. Во всяком случае, до конца 341–340 гг. до н. э. для защиты Херсонеса назначили Харета. Он оставался в районе Геллеспонта до 339 г. до н. э. Харет, возможно, взял под свою команду наемников Диопифа, но они больше не упоминаются нашими авторами, поскольку в ходе нарастания вовлечения Афин в войну с Филиппом II первостепенное значение приобретал их флот, а не сухопутные силы. В любом случае Харет теперь был столь малопопулярен за пределами Афин, что его пришлось заменить Фокионом до того, как власти Византия приняли на своей территории афинские войска.

Одно известное нам войско афинских наемников располагалось на острове Фасос (Тасос). Очевидно, Демосфен возобновил свое старое предложение из «Первой филиппики», состоявшее в том, чтобы наемная армия на триерах разоряла побережье Македонии. У него было странное убеждение в том, что такого рода стратегия отвлечет Филиппа II от похода на юг. Фасос (Тасос) прежде предлагался как зимняя база. Теперь предложение реализовывалось, и Демосфен отправился морем как триерарх (командир триреры) помочь в организации дела.

Получилось так, что непосредственная причина, побудившая Филиппа II продолжать экспансию в Греции, выросла также из неэффективности рекрутов-ополченцев. Ибо когда амфиктионы по жалобе Эсхина продолжили обвинять жителей города Амфисса (Амфиса) в Локриде в богохульстве, то они сначала попытались наказать обвиняемых при помощи войска амфиктионов, то есть добровольцев из городов (участников Союза амфиктионов). Но, как сетовал Демосфен, «некоторые не пришли, но другие пришли, не принеся никакой пользы». Этот неудачный поход возглавил Коссиф из Фарсала в Фессалии, который, возможно, играл на руку Филиппу II.

Вследствие провала рекрутов-ополченцев амфиктионы встали перед выбором. Они могли попытаться собрать с городов военный налог и на эти средства набрать наемников: или, вместо этого, должны были обратиться за помощью к единственному человеку, располагавшему

наемной армией, – Филиппу II Македонскому. Неудивительно, что они воспользовались второй альтернативой. Ибо не было надежды на то, что члены Союза проявят готовность предложить деньги, если раньше не были готовы предложить воинов. Таким образом, именно военная немощь городов-полисов вызвала повторное вторжение Филиппа II в Грецию и обеспечила его превосходство над эллинами.

Города, сопротивлявшиеся Филиппу II, конечно, целиком полагались на ополченцев, но в реальном сражении, решившем проблему, им не служили подкреплением наемные воины. Демосфен, доминировавший в советах Афин и их союзников, разработал большой план. Согласно этому плану, каждый полис вносил соответствующую сумму денег в дополнение к своим ополченцам. Общую сумму следовало потратить на набор и содержание наемной армии и флота. Сумма эта достигала более 500 талантов. (Так, Ахайя и Мегары предоставили 60 талантов, Эвбея – 40, из которых Орей и Эретрия дали 10.) Подсчитано, что на эту сумму можно было содержать 10 тысяч пехотинцев и тысячу конников, а также 100 быстроходных триер. Упоминание триер позволяет предположить, что Демосфен все еще держал в уме прежний план рейдов на македонское побережье.

Демосфен собрал, кроме того, своим красноречием многочисленное ополчение, этим же красноречием привлек на свою сторону различные полисы. Но эти два типа армий – ополченческой и наемной – не сочетались в одинаковых пропорциях. Эсхин, естественно, обвиняет Демосфена в изобретении схемы для личной выгоды. По его мнению, Демосфен набрал свои 10 тысяч наемников для амфисцев и похитил средства из военного бюджета, предусмотрев оплату большего числа воинов, чем реально служивших. Подобные упреки нельзя воспринимать всерьез. Причина такого деления армии заключалась в стратегическом положении. Поскольку Филипп II наступал из Элатей, он мог использовать свою центральную позицию для наступления каждого из двух эшелонов войск. Он мог наступать через горный проход к западу от Парнаса, прямо на Амфиссу, его объявленную цель. Или, вместо этого, мог нанести удар по союзникам через Беотию. Союзники выбрали метод обороны своих стран ополченцами и наемниками под командованием афинского и фиванского стратегов – Харета и Проксена – и защиту Амфиссы. Метод, сам по себе, был разумным, но невозможно определить, улучшило ли армию смешение одного вида войск с другим.

Серьезной ошибкой стало то, что Проксен, сбитый с толку ложной депешей Филиппа II, позволил противнику после десяти месяцев ожидания занять проход к Амфиссе. Филиппу II, таким образом, было позволено нанести тяжелое поражение наемникам и нарушить линию обороны союзников. После этого он вторгся в Беотию через Херонею. В последовавшей битве участие наемников не упоминается, за исключением фиванского «священного отряда» во главе с Феагеном, который достойно сражался и погиб. Возможно, незначительное число наемников возобновило борьбу после прежнего поражения. Но, как бы то ни было, битва при Херонее (338 до н. э.) практически подытожила войну. В этой битве войско ополченцев образца V столетия до н. э. уступило профессиональному войску эллинских монархий.

Уже были описаны армии фокейцев и афинян в их войнах с Македонией. Остается показать их победителя. Филипп II достиг на территории Греции того идеала автократии, опирающейся на военное превосходство, пример которого впервые представил на Сицилии Дионисий II. Но он нашел даже более близкий пример по соседству в лице Ясона из Фер. То, что Ясон пытался сделать для Фессалии, Филипп II успешно осуществил для Македонии. В исследовании его достижений целям этой книги отвечает обобщение свидетельств, касающихся реорганизации его ополченческого войска и использования им наемников.

Как и все другие успешные автократы, Филипп II приобретал военное превосходство в течение продолжительного периода времени, в течение которого выковывал оружие для обеспечения своей победы. А чтобы такое оружие отвечало своему предназначению, необходимо было создать сплав из ополченцев и наемников. К сожалению, невозможно получить точное представление о том, каким образом действовал Филипп II. Наши античные источники не дают нам связного рассказа о состоянии, в котором он застал македонскую армию, или о конкретном методе, которым он ее совершенствовал. Поэтому можно лишь объединить разрозненные замечания по этой теме современных Филиппу II или позднейших авторов.

Филиппу II повезло больше, чем Ясону, так как во время его восшествия на престол македонская армия уже существовала. Она не устарела, подобно власти тага – племенного вождя. Поэтому, хотя Филипп II столкнулся со многими претендентами на престол, как только его претензии на трон получили надежную гарантию, в его распоряжении оказалась ополченческая армия, готовая для реорганизации.

Хотя в армии Филиппа II особый интерес для нас представляют главным образом сами наемники, вызывают любопытство также вооружение и организация ополченцев, которые носят признаки влияния на себе принципов, усвоенных от новых профессиональных воинов.

1. Македонская фаланга, если заслуга ее создания принадлежит Филиппу II, представляла отчасти упорядоченную копию устаревшей плотной массы гоплитов. (При создании македонской фаланги и вообще реорганизации своей армии Филипп II во многом опирался на фиванский опыт – он долго жил в Фивах в качестве политического заложника. Но македонская фаланга приобрела более свободный строй и большую мобильность благодаря ее более высокой дисциплинированности. В этом отношении, мы полагаем, наемный пелтаст Ификрата также представляет объект для подражания.) Фалангу преобразовали таким образом, чтобы обеспечить большую подвижность и быстроту атаки в соответствии с современными требованиями ведения войны. Улучшения боеспособности гоплиты достигли благодаря повышению уровня дисциплины, замене тяжелого щита легким и значительному удлинению копья. Эти изменения, по существу, те же, что ввел Ификрат. К сожалению, раз мы не располагаем подробными свидетельствами тактики пелтастов Ификрата, сравнение нельзя провести далее вопроса о вооружении.

2. Гипасписты, которые впервые появились в боевых рядах македонцев, были средней пехотой, похожей на греческих пелтастов. Но они не имели дротиков, так как подготовка атаки возлагалась на легкие войска. Их повсюду сочетали с гоплитами-ополченцами: то есть они прикрывали фланги тяжеловооруженных воинов и были связующим звеном между атакующим крылом кавалерии и фалангой тяжелой пехоты, а также развивали успех кавалерии. В данном случае Филипп II создал из своих рекрутов-ополченцев тактическое подразделение,

напоминающее отряд наемников.

Наемники служили в Македонии и до Филиппа II.

Демосфен отметил преимущества, которыми располагал его великий оппонент.

Во-первых, он распоряжался своими подчиненными сам полновластно, а это в делах войны – самое важное из всего. Затем, его люди никогда не выпускали из рук оружия. Далее, денежные средства у него были в избытке, и делал он то, что сам находил нужным, причем не объявлял об этом наперед и не обсуждал открыто на совещаниях, не привлекался к суду, не судился по обвинению в противозаконии, никому не должен был давать отчета – словом, был сам над всем господином, вождем и хозяином.

Этот пассаж касается трех принципов силы Филиппа: дисциплина, стабильность и мощь армии. Все они держались на авторитете наследственной в Македонии царской власти.

1) В качестве царя Филипп II привил македонскому воину дисциплину, которой не мог отличаться греческий ополченец. Мы уже знаем, как создавал первую обученную наемную армию Ификрат; во многом то же сообщают источники и о Филиппе II. Диодор пишет: «Улучшив организацию своих сил и снабдив людей подходящим оружием для войны, он ввел постоянные учения людей под оружием и соревнования в физических упражнениях. Он был вежлив в общении с людьми и стремился завоевать массы подарками и обещаниями в полной преданности, и стремился отвратить разумными ходами множество надвигающихся опасностей». В своих действиях он напоминал Ясона (см. выше, главу 10). Как свидетельствует Фронтин (стратагемы), он также подавлял все поползновения к комфорту: «Филипп, организуя первое войско, всем запретил пользоваться повозками, всадникам разрешил иметь не больше, чем по одному обознику, а пехотинцам – по одному на десять человек для переноски жерновов и канатов. Уходящим служить в летний лагерь он приказывал нести на спине тридцатидневный запас муки». Под упомянутым летним лагерем, видимо, подразумеваются летние учения, рассчитанные на месяц. О том же пишет Полиен: «Филипп приучал македонян перед сопряженными с опасностью военными предприятиями часто в полном вооружении проходить 300 стадиев (греческий стадий равен 178 м, олимпийский 192,27 м, следовательно, 300 стадиев – 53,4 км или 57,68 км. – *Ред.*), неся на себе одновременно шлемы, щиты, поножи, сарисы, а также сверх того провиант и всю утварь, которой они пользовались в своем повседневном обиходе». Это упражнение, очевидно, представляло собой марш-бросок в полном снаряжении. Как сообщает Элиан в своих пояснительных историях, Филипп II ввел столь же суровую дисциплину среди своих придворных. И подобные истории также свидетельствуют о том, что он жестко наказывал своих военачальников, и даже одного командира наемников, Полиен пишет: «Филипп однажды сместил Докима из Тарента, занимавшего командный пост в армии, потому что тот использовал теплые ванны». В течение жизни, однако, Филипп II смягчил суровость дисциплины, относясь более требовательно к себе. Ведь, хотя македонский царь приобрел скандальную известность своими капризами, было хорошо известно, что в критический момент он мог полностью владеть своими страстями.

2) Филипп II выделял необходимое количество денег, которые требовались как для его лукавой дипломатии, так и для реализации откровенных военных целей. История IV столетия до н. э. показывает, как ресурсов Беотии и Афин оказалось недостаточно, чтобы выдержать напряжение ряда войн. Но ни один источник того времени никогда не свидетельствовал о том, что нужда Филиппа II в деньгах препятствовала реализации его планов. Вероятно, у него не было большой нужды тратить деньги на македонских солдат, которые считали своим долгом следовать за своим царем на поле боя. Им требовалось серьезное обеспечение лишь во время длительных походов и войн вдали от родины. На такие затраты македонские цари могли востребовать определенную форму феодальных повинностей. Но Филипп II породил крупный

источник доходов, основав город Филиппы. Из рудников в этом вновь приобретенном районе он смог добывать золото, которое сделало золотые статеры Филиппа II (массой 8,55 г; позже чеканились такие же статеры Александра и Деметрия II Полиоркета. – *Ред.*) в IV в. до н. э. столь же знаменитыми, сколь были золотые дарики (массой 8,4 г) в V столетии до н. э. Утверждается, что золотые рудники приносили Филиппу II не менее 1000 талантов в год, или больше, чем имела Афинская империя в более продолжительный период времени. Чеканка денег и доходы предназначались, помимо военных целей, для многих других, и неудивительно, что Диодор сообщает в связи с основанием города Филиппы о наборе больших контингентов наемников. Кроме того, Филипп II позднее обложил десятиной фракийцев, которые стали для них тем же, что фессалийские периэки для Ясона, – источником сбора налогов и набора пелтастов. Филипп II присвоил пошлины на импорт и экспорт портов и рынков Фессалии. Демосфен надеялся (в 349 г. до н. э.), что фессалийцы откажутся передавать эти доходы Филиппу II и таким образом подорвут его способность содержать наемников. Но этого не случилось. Вместо этого с каждым успехом, например с захватом Олинфа, Филипп II приобретал все больше средств и мог поощрять усердие своих воинов растущим вознаграждением.

3. Македонская армия превосходила армии Афин и других греческих полисов в дисциплине и финансовом обеспечении. Но ее самое важное преимущество состояло фактически в том, что она была, на практике, регулярной армией. Как говорит Демосфен, «Филипп II, держа всегда около себя готовое войско и зная наперед, что намерен сделать, внезапно появляется перед теми, против кого задумал. Что же касается нас, то мы сначала должны еще узнать о каком-нибудь событии, и только тогда начинаем беспокоиться и делать приготовления». То, что это различие не зависело просто от необыкновенной энергии Филиппа II или большего патриотизма его македонцев, обнаруживается в сравнении с другим высказыванием Демосфена. В нем (и далее) оратор сравнивает устаревшие методы ведения войны V столетия до н. э. и раньше с той стратегией, которую применяет Филипп II: «Вы слышите, что Филипп проходит, куда ему угодно, не с помощью войска гоплитов, но окружив себя легковооруженными, конницей, стрелками, наемниками – вообще войсками такого рода. И я не говорю уже о том, что ему совершенно безразлично, зима ли стоит в это время или лето, и он не делает изъятия ни для какой поры года и ни в какую пору не приостанавливает своих действий». Фактически, Филипп II, подобно Ясону или фокидским тиранам, полностью реорганизовал свою армию, а используя наемников, всегда имел под рукой вооруженную силу для немедленного боя.

Ядро наемной армии Филиппа II составил ряд выдающихся греков, которых царь собрал вокруг себя в своей столице Пелле и включил в существующий нобилитет Македонии, гетайров (гетеров) – «товарищей». К сожалению, единственные описания того времени данного круга деятелей исходят от авторов, склонных к насмешкам, ругани и клевете. Три самые длинные дословные выдержки от Феопомпа содержат описание, в которое он вложил максимум яда, на который был способен: «Его гетайры были сбродом, собравшимся из многих мест. Некоторые из Македонии, другие из Фессалии, третьи из остальной Греции, отобранные отнюдь не за достоинства, но это были греки или не греки, по сути похотливые, мерзкие и властные, которые собрались в Македонии и были признаны «товарищами Филиппа». И если по случаю туда попадал человек иного жизненного склада, в Македонии он быстро становился похожим на них. Потому что частью из-за войн и походов, частью из-за собственной экстравагантности они становились заносчивыми и вместо приличного существования вели жизнь смутьянов и разбойников».

Не стоит переводить последующее описание Феопомпа, но можно взять из него единственное заявление: «Думаю, в то время гетайров было не больше 800, и все же они извлекали из своих земель столько дохода, сколько 10 тысяч самых богатых греков». Эта цитата

из сорок девятой книги «Филиппика», очевидно, относилась к какому-то периоду в конце правления Филиппа II, вероятно к 340–339 гг. до н. э. Тогда эти восемьсот включали отобранных Филиппом II представителей македонской знати, его личных друзей и командиров наемников. Что же касается описания, то его нельзя признать всерьез достоверным. Самое лучшее, что можно сказать в оправдание и объяснение такого описания, – это то, что оно является реакцией аристократа, рожденного в городе-полисе, когда он сталкивается лицом к лицу с жизнью эллинского монархического двора.

Демосфен, как можно ожидать, также выступал с обличениями «товарищей» Филиппа II, но тональность его замечаний показывает, что они оцениваются в целом как «примерные и умелые воины». «А наемники и пешие дружинники, состоящие при нем, хоть и слынут за образцовых и закаленных в военных делах, но, как я слышал от одного из людей, побывавших в самой этой стране, человека, отнюдь не способного ко лжи, они нисколько не лучше других... Дело в том, что, если среди них оказывается кто-нибудь более или менее опытный в военном деле или с боевыми заслугами, таких людей, как передавал мне этот человек, он по своему честолюбию всех старается отстранять, так как хочет, чтобы все казалось его собственным созданием, и т. д.». Демосфен продолжает свою критику, бросая те же обвинения в склонности к дебошам и «бандитской жизни». Но все это выглядит в 349 г. до н. э. неестественным. Демосфен все еще убеждал афинян: то, во что он хотел верить, и является истиной.

Эти два отрывка не более реальны, чем карикатура поэта-юмориста Мнесимаха (даты жизни неизвестны), в его «Филиппе». Он вкладывает в уста гетайра-«товарища» замечательный образец самовосхваления в манере «Хвастливого воина» Плавта:

Не представляешь ведь,
Какие предстоят тебе противники:
Мы острые ножи глотаем запросто,
Огнем их запиваем смольным факельным,
В закуску нам приносят стрелы критские,
Горох наш – остря от копий ломаных,
А в головах у нас – щиты и панцири,
В ногах – пращи и луки, а за выпивкой
Мы лбы себе венчаем катапультами.

Бесполезно ждать от этих трех источников сколько-нибудь реального описания «товарищей» Филиппа II, но они, по крайней мере, сходятся в показе того, сколько внимания привлекали они со стороны своих современников.

Из конкретных «товарищей» известны лишь два иностранца, которым присвоили такой титул, – Демарет из Коринфа, слывший также известным военачальником под командой Тимолеона, а также Каллий из Халкиды. Последний лишь временно зачислился в ряды «товарищей» Филиппа II из-за афинского вторжения в 349–348 гг. до н. э. Осознав, в чем состоят действительные цели Филиппа II, он в конечном счете примирился с Афинами при содействии Демосфена. Каллий отличился главным образом попыткой сохранить «Эвбею для эвбейцев». Несколько больше «товарищей» позволяет узнать предположение, основанное на нашем более полном представлении о штабе Александра Великого. (Эригий (см. далее, главу 19) и Лаомедон Милетские были приближены ко двору в Пелле к 337 г. до н. э. и владели землей в Амфиполе. Возможно, их отец Ларих, современник Филиппа II, был одним из его первых «товарищей». Неарх, сын Андротима, рожденный в Лато на Кипре, представляет точно такой же

пример. Из 61 человека, внесенных в список «товарищей» Александра, выделяют 13 в качестве предполагаемых греков, то есть немакедонцев.)

Но было бы ошибкой смешивать этих почетных гостей, осевших в Македонии, с обычными наемниками на службе Филиппу II. Фактически, нет ни одного свидетельства, полагающего, что иноземный «товарищ» призывался хотя бы для командования наемными войсками. Более вероятно, что в правление Филиппа II, как и его сына Александра, больше было принято поручать командование наемниками только коренным македонцам. Такими стратегами наемников были Адей Петух (см. выше, главу 14) и даже сам великий Парменион. Мало что известно о простых наемниках Филиппа II. Лишь в одном случае какое-то их число включили в армию, и это было в 344–343 гг. до н. э., когда некоего Гиппоника (больше нигде не упоминается) послали с 1000 «чужеземцами» утвердить во власти тирана в Портме (на острове Эвбея). Из этого мало чего можно почерпнуть, хотя большая численность войска, посланного в этот поход весьма малого значения, согласуется с утверждением, что Филипп II в последний период своего правления имел в своем распоряжении много наемников.

Использование наемников (как и многое другое) в правление Филиппа II делится с 346 г. до н. э., когда он впервые овладел Южной Грецией, на два периода. В первый период его наемники упоминаются лишь трижды: один раз в сражении против Харета, второй – во время захвата Фаркедона в 353–352 гг. до н. э. Любопытно заметить, что, когда Филипп II вел своих ополченцев, наемников передали под командование отдельного предводителя. Третий пример дает 348 г. до н. э., когда Филипп II занялся тем, что позднее стало его любимой практикой, – одолжение союзнику войск, с помощью которых тот устанавливал в городе, откуда происходил, промакедонскую тиранию. Весь этот период наемники, видимо, играли значительную роль в его победах македонского царя, таких как в битве на Шафрановом поле. Они также оказывали большую помощь в качестве образца воинских умений во время военной подготовки ополченцев.

Хотя примерно после 346 г. до н. э. Филипп II, возможно, нуждался в наемниках меньше для решающих битв, они все еще оказывали ему большие услуги в выполнении двух особых функций, для которых даже лучшие ополченцы были менее приспособлены.

Во-первых, Филипп II, устанавливая контроль над отдаленными территориями, был вынужден оставлять постоянные гарнизоны в стратегических пунктах. Наемники особенно подходили для службы в чужеземных городах, поэтому мы встречаем чаще их, а не македонцев в Фокиде, где тамошним гражданам приходилось их содержать. Точно так же Филипп II использовал наемников для обороны Херсонеса Фракийского от набегов афинян. И, что было крайне важным, он, по словам Демосфена, «завладел Фермопилами и проходами, ведущими к грекам, и занимает эти места своими отрядами и наемниками». При этом оратор особо намекает на Nikeю.

Во-вторых, на вторую функцию наемников мы уже указывали. Она состоит в содействии союзникам стать тиранами или, иначе, завоевать политическое господство в городах, откуда они происходили.

Демосфен в 344 г. до н. э. утверждал: «Он (Филипп II). – *Ред.*) не только думает помочь мессенцам и аргосцам в борьбе против лакедемонян; он просто посылает туда наемников, препровождает деньги и сам ожидается там с большим войском». Это его предположение так и не оправдалось, но достаточно было военного и финансового влияния Филиппа II, чтобы привести к власти в обоих полисах промакедонские партии и предотвратить таким образом присоединение этих полисов к союзу против него, за который ратовал Демосфен. В течение следующих двенадцати месяцев Филипп II предпринял две дальнейшие аналогичные акции.

В Мегарах, как говорит Демосфен, некий Перилл поддерживал связь с Филиппом II и

фактически предстал перед судом за свое поведение, но Птеодор, известный гражданин, добился его оправдания. Немедленным следствием этого стало то, что Перилл при попустительстве своего покровителя снова отправился к Филиппу II и вернулся с наемным войском. Но его предприятие, видимо, не увенчалось успехом ввиду прямого вмешательства Афин, поскольку в 339–338 гг. Мегары стали одним из активных противников Филиппа II.

Примерно в то же время (Демосфен) состоялось несколько походов наемников на остров Эвбея с целью установления власти тиранов в Портме, Орее, Халкиде и Эретрии. Это были такие же походы, как и в 349–348 гг. до н. э., но в более крупном масштабе. Имели место три похода под командованием соответственно Гиппоника, Эврилоха и, наконец, Пармениона. В каждом случае одерживала победу промакедонская партия, и на время такое предприятие оборачивалось большим успехом. Но Афины воспротивились ему с необычайной энергией, и в 342–341 гг. на Эвбею была отправлена их армия, которая свела на нет работу Филиппа II.

Это фактически последняя достоверная ссылка на наемников Филиппа II. Между тогдашним и первым нападением на Малую Азию наемники почти не упоминаются. Но до того как мы обсудим завоевание Персии Македонией, не мешает рассмотреть, какие услуги оказывали греческие наемники Артаксерксу III Оху.

Большое достижение Артаксеркса III Оха состояло не в подавлении мятежных сатрапов, но в повторном завоевании Египта. Эта война имеет особое значение в истории греческих наемников, поскольку показывает использование оплачиваемых воинов в период правления персидских царей династии Ахеменидов в беспрецедентном масштабе. Это – кульминация военных успехов наемников перед падением Персидской империи.

Уже перед тем, как Демосфен произнес речь о свободе родосцев (ок. 351 до н. э.), Артаксеркс III предпринял на Египет безуспешное нападение (в 350 г. до н. э. – *Ред.*). Диодор пропустил это событие. Но он замечает в связи со вторым вторжением, что тогда еще не состояли на службе фараону Египта Диофант из Афин и Ламий из Спарты, двое выдающихся военачальников наемников, которых Нектанеб II нанял позднее. Легко догадаться, что эти два военачальника были в данном случае противниками Артаксеркса III, поскольку это единственная война, в которой в иных случаях не упоминаются имена греков, нанятых египтянами. Неизвестно, помогали ли греки Артаксерксу НЕ Демосфен говорил в 354 г. до н. э. о службе греков против Египта как о подходящем занятии. Но когда Артаксеркс III распустил все наемные войска сатрапов, он мог нанять наемников лишь посредством нового обращения с просьбой одолжить их к одному из греческих городов. Его замирение с Фивами дает повод для такого предположения.

Неудачи в войне против Египта подорвали лояльность к Персии подвластных территорий. В Финикии, в частности в Триполи и Сидоне, происходили мятежи. Мятежники приготовили триеры и наняли наемников, к тому же их союзник фараон Египта, Нектанеб II, прислал 4 тысячи греческих наемников под командованием Ментора из Родоса. Этой армии удалось разгромить местных сатрапов. Одновременно вспыхнул мятеж на Кипре, где тираны, видимо, полагались на местные войска. Командование экспедицией персов против Кипра было поручено Гидрею, сатрапу Карики. Он набрал 8 тысяч наемников, назначив Фокиона (единственный случай, когда известный афинский стратег поступает на службу чужеземцам. Он вернулся в Афины за назначением стратегом и участвовал в походе на Эвбею в 349–348 гг.) и Эвагора, изгнанного внука известного царя, в качестве военачальников. Вторжение на Кипр оказалось легким предприятием. Остров представлял собой столь соблазнительное место для грабежа (поскольку не подвергался разграблению в течение 30 лет), что многие наемники, служившие в Сирии и Киликии, побросали свои посты и добровольно отправились воевать на Кипр. Таким образом, численность войска Эвагора и Фокиона удвоилась, остров покорили в течение года.

Между тем Артаксеркс III вознамерился лично возглавить поход против Финикии. Весть об угрозе нападения персов напугала царя Сидона, Тена, который решил проводить двуличную политику. Не известив своих подданных об изменении планов, он связался тайком с Артаксерксом III и согласился сдать свой город, а также помочь делу завоевания Египта. Перспектива легкого захвата Финикии побудила Артаксеркса III сделать покорение Египта основной целью военной кампании. Поэтому он разослал посольства в греческие города, призывая их, как союзников по Анталкидову миру, оказать содействие в его войне против Египта. Афины и Спарта дипломатично уклонились от того, что фактически было просьбой прислать контингенты наемников. Однако Фивы прислали тысячу гоплитов во главе с Лакратом, а аргивяне, идя навстречу четко выраженному желанию Артаксеркса III, отправили 3 тысячи воинов с Никостратом в качестве стратега. К этим 4 тысячам добавились еще 6 тысяч греков с побережья Малой Азии.

Перед их прибытием Артаксеркс III уже занял Сидон. Персидских воинов впустили в город по сговору с Ментором и его наемниками из Египта. Но Тен не извлек никакой выгоды из своего предательства. Артаксеркс III решил наказать Сидон в назидание другим и больше не нуждался в бывшем царе. Тена казнили, сидонцы предупредили плен самосожжением. Ментор с 4 тысячами наемников из Египта поступил на службу персам для войны против бывших хозяев.

Когда из Греции прибыли войска, Артаксеркс III вначале отделил их от своих воинов, а затем поставил их в авангарде своей армии. Но возможно, из-за неудачи своего первого штурма Пелусия Артаксеркс III реорганизовал армию так, чтобы сочетать греческих и персидских воинов. Было образовано три эшелона с контингентами войск смешанного состава, с персидскими и греческими командирами. Беотийцами командовали Лакрат и Росак, которого сопровождал большой отряд кавалерии и контингент пехоты варваров. Агривянами командовал Никострат с персом Аристазаном, которому подчинялись 5 тысяч отборных пехотинцев и 80 триер. В третьем эшелоне находились Ментор со своими наемниками и Багой с греческими наемниками из Малой Азии, многочисленными варварами и несколькими кораблями. Сам царь находился вместе с войсками резерва.

У их противника Нектанеба II было 20 тысяч наемников-греков и местные войска из ливийцев и египтян (60 тысяч египтян и 20 тысяч ливийских наемников). Цифры Диодора, оценивающие эту армию, носят слишком общий характер; он не приводит подробностей, которые сообщает о персах. Диодор подытоживает ситуацию, утверждая, что египтяне значительно уступали в численности. Поэтому трудно поверить, что у них было на 6 тысяч наемников больше, чем у Артаксеркса II, что вытекает из приводимых им цифр. В этот раз Нектанеб лично командовал своей армией, а не полагался на греческих стратегов. Он держал при себе 5 тысяч воинов, а наемников распределил по крепостям вдоль восточных границ Египта. 5 тысяч воинов под командованием Филофрона были дислоцированы в Пелусии, а выше, в безымянной крепости на берегу одной из поток дельты Нила, было размещено 7 тысяч воинов во главе с Клейнием из Коса. Его атаковал Никострат, и после яростной схватки греков с обеих сторон египетские войска были разгромлены, потеряв своего военачальника и более 5 тысяч человек. Сражение, которое, должно быть, превратилось в кровавую бойню соотечественников, представляет греческих наемников в невыгодном свете, но оно имело цель, как можно полагать, сломить сопротивление противника посредством нанесения ему ошеломляющего удара. Во всяком случае, эффект и был таковым. Нектанеб II отступил от границы и укрылся в Мемфисе.

Между тем Лакрат с беотийцами продолжал осаждать сам Пелусий. Греческие наемники в городе упорно оборонялись, пока не узнали, что их хозяин Нектанеб II бросил их. При этом известии они пришли к соглашению с Лакратом, который великодушно согласился, чтобы они вернулись в Грецию, захватив с собой все, что они могли унести из города. Готовность Лакрата позволить соотечественникам извлечь пользу, даже ценой потери многих трофеев, контрастирует с беспощадными методами Никострата. Более того, когда соглашение нарушили воины Багоя (персидский полководец, которого Артаксеркс III отправил на захват Пелусия), Лакрат совершил нападение на персов и затем не без успеха оправдал свое поведение перед царем царей.

Ментор, командовавший третьим эшелоном, использовал коварный метод пропаганды, чтобы достичь своей цели – захвата Бубаста. Он распространил слух, что Артаксеркс III собрался обойтись великодушно с теми, которые сдадутся, но обречь на участь Сидона тех, которые сопротивляются. Это вызвало разлад во вражеском гарнизоне, где египетские и греческие воины порознь стремились сдать свои позиции персам и получить за предательство вознаграждение, вместо того чтобы понести наказание за бесполезную преданность. В Бубасте

греческие наемники обнаружили, что египтяне замышляют сдаться, поэтому атаковали их и принудили к повиновению. Тогда египтяне запросили помощи у персов, в то время как греки вступили в переговоры с Ментором и своими соотечественниками на службе персам. Ментор вошел с ними в сговор, согласно которому наемники позволят египтянам впустить персидского военачальника Багоя, затем нападут на него и сделают пленником. Заговор имел успех, а Ментор, вопреки своей обговоренной роли, смог заслужить благодарность Багоя, освободив его. В результате они заключили сделку, имевшую далекоидущие последствия. Таков клубок интриг в описании Диодора, и, хотя он выглядит неправдоподобным и похож на объяснение задним умом причины альянса между Ментором и Багоем, тем не менее все его описание кампании настолько обстоятельно, что лучше поверить ему.

Примеру сдавшегося Бубаста последовал ряд других египетских городов, и Нектанеб II отступил в сторону Нубии без дальнейшего сопротивления. Благодаря усилиям Ментора служивших египетскому царю греческих наемников оставили в живых. Об этом известно из надписи, сделанной примерно через 20 лет в 327–326 гг. до н. э. в Афинах. В ней воздается указом честь внуку Ментора Мемнону и говорится, что Ментор спас жизнь греков в Египте.

Наемников, служивших Артаксерксу III, отослали в родные места, наградив по заслугам. Но самая большая награда выпала Ментору. Артаксеркс III одарил его 100 талантами серебра и лучшей долей трофеев. Он назначил его главнокомандующим всеми вооруженными силами в провинциях Малой Азии, вменив ему в обязанность вести боевые действия против повстанцев. Итак, через менее чем 60 лет после того, как Кир Младший повел войско греческих наемников в Месопотамию, один из таких же наемников, бывший таксиарх, занял пост, который занимал сам Кир. Это высшая должность, которой когда-либо добивался грек на службе варварам.

Благодаря влиянию Ментора его свояк Артабаз и брат Мемнон были возвращены из ссылки в Македонии. Родственникам были предоставлены высокие воинские посты на службе персам. Между тем Ментор сохранил союз с Багоем, который стал командиром личной гвардии царя царей и самым могущественным придворным. Греческие наемники были собраны Ментором для отправки в Сузы на службу в резиденцию персидского царя. (Самого высокого поста, командующего флотом, добивался прежде Конон.) Ментор успешно правил Малой Азией и умер в довольстве и почете незадолго до высадки Александра Македонского на азиатское побережье. Но до того как пойдет речь об использовании Персией наемников в решающей борьбе, необходимо рассмотреть их применение на острове Сицилия. Там примеру прежних искателей приключений последовал уникальный деятель Тимолеонт.

Конфликты последнего десятилетия ввергли Сицилию в скверное состояние. Платон отзывается об острове как о территории, которой угрожала перспектива погрузиться в варварство. Между тем из-за наплыва наемников из Италии господствующим языком острова становился оскский (оски – одно из древних южноиталийских племен. К середине 1-го тысячелетия до н. э. занимали большую часть Кампании. Несмотря на завоевание самнитами (V в. до н. э.), а затем Римом (IV в. до н. э.), оскский язык был широко распространен в Южной Италии вплоть до I в. н. э. – *Ред.*). Как писал Плутарх («Тимоллеонт»), большая часть городов находилась в руках собравшихся отовсюду варваров и не получающих жалованья солдат, которые нисколько не возражали против частой смены властей. В результате одной из таких многочисленных смен на Сицилию пришло спасение.

Правление Дионисия II в Сиракузах еще раз вызвало активность представителей оппозиции. Они пригласили себе на помощь Гикета, тирана города Леонтины, сиракузца по происхождению и выжившего участника похода Диона. Гикет принял приглашение и приготовился сместить Дионисия II. Но одновременно с просьбой к одному тирану сместить другого демократы Сиракуз приняли более благоразумную и привычную для них тактику обращения за помощью к метрополии. К счастью для дела свободы Сицилии, Коринф в это время почувствовал готовность с необычайной энергией откликнуться на обращение дочернего города. Ибо в Коринфе решили направить на остров в 344 г. до н. э. небольшой экспедиционный отряд наемников во главе с местными командирами. Стратегом выбрали Тимоллеонта, который давно был известен как непримиримый противник тирании, но не имел опыта участия в заморских походах наемников. Его воины представляли в основном остатки фокидских войск. Их обвиняли в осквернении Дельфийского храма. Но Тимоллеонт добился санкции Аполлона на свою миссию и начал поход с целью освобождения от тирании острова Двух Богинь, к которому он отправил одну из своих триер. Его войско при отплытии из Коринфа состояло из 700 наемников на борту семи кораблей, три из них были быстроходные парусные суда. По пути он взял три дополнительных судна с Левкады и Керкиры, доведя общую численность своих воинов до тысячи человек.

Между тем обстановка в Сицилии менялась. Гикет не желал получения эффективной помощи из Коринфа. Прежняя история показала, что такая помощь имела тенденцию помочь демократам, в то время как он был заинтересован лишь в изгнании Дионисия II, что открывало путь для его собственной тирании. Поэтому Гикет по примеру Дионисия I добился взаимопонимания с Карфагеном и даже превзошел своего предшественника, призвав в Сицилию карфагенскую армию. В то же время он послал своих представителей в Коринф с просьбой к его властям не утруждать себя и не тратиться на вмешательство в дела Сиракуз. Но эта просьба лишь побудила коринфян к активизации действий. Следовательно, Тимоллеонт прибыл на Сицилию, где война предстояла как дело решенное. Первая попытка Гикета овладеть Сиракузами провалилась. Но когда он уходил в Леонтины, из арьергардной стычки с воинами Дионисия II выросло серьезное сражение, которое завершилось полной победой Гикета. 3 тысячи наемников Дионисия II были убиты, сам тиран с остатками войск был отброшен в цитадель.

Вначале положение Тимоллеонта на Сицилии было весьма ненадежным. Ему удалось лишь проникнуть в цитадель, обманув карфагенский флот. На острове его приветствовали в городе Тавромений, но другие города относились с подозрением к человеку, который казался просто

очередным наемником-авантюристом. Тавромений мог предложить лишь минимальное обеспечение для его воинов. Поэтому Тимолеонт с энтузиазмом ухватился за обращение помочь со стороны одной из двух партий в Адрануме. В то же время другая партия призвала Гикета. Затем соперничающие стратеги, ведь Гикет стал теперь самым опасным противником, стали оба наступать на один и тот же город. Сначала Гикет прибыл с 5 тысячами воинов и занял город, но Тимолеонт неожиданно напал на противника, прежде чем тот освоился. Несмотря на неравенство в силах, ибо у Тимолеонта было всего лишь 1200 воинов (еще 200 воинов прибыли из Тавромения), Тимолеонт разгромил противника и овладел Адранумом.

Победа произвела огромный моральный эффект. Прежде Тимолеонт воспринимался негативно, теперь многие города выступали с предложениями о союзе. Главным из них была Катана, где правил тиран Мамерк. Ибо, хотя Тимолеонт прибыл на Сицилию ради дела свободы, он еще не был достаточно силен, чтобы пренебрегать предложениями союза с какой-либо стороны. Это стало еще яснее, когда к нему обратился с предложением не кто иной, как его первоначальный враг – Дионисий II. Тиран Сиракуз понимал, что рано или поздно должен уйти, и предпочел сдаться скорее Тимолеонту, чем Гикету. Видимо, они договорились, что Дионисий II оставит остров (цитадель Сиракуз), прихватив личное имущество и свиту. Тимолеонту удалось переправить на остров отряд в 400 воинов во главе с двумя коринфянами, Евклидом и Телемахом, чтобы взять под контроль гарнизон. Нет четких записей о том, каким образом они ухитрились проникнуть сквозь кольцо блокады Гикета, но кое-что позволяет предположить, что они пробрались по суше малыми группами. Остров значительно укрепил силы Тимолеонта. В его арсенале хранилось 70 тысяч единиц оружия, накопленного еще Дионисием I. В конюшнях стояло много лошадей, и, что самое важное, на острове находился гарнизон из 2 тысяч наемников, которые перешли теперь на службу новому казначею.

Все это развитие событий от высадки Тимолеонта до сдачи Дионисием II острова заняло 50 дней. Скорый успех воодушевил сторонников Тимолеонта в Коринфе, и они прислали ему еще 2 тысячи пехотинцев и 200 конников. Кроме того, популярность Тимолеонта в Сицилии резко возросла, когда он избежал покушения на свою жизнь, что воспринималось как чудо. Усилению Тимолеонта Гикет мог противопоставить лишь более активную поддержку Карфагена. По его просьбе подошел карфагенский стратег Магон и встал лагерем у Сиракуз.

Угроза гарнизону острова вынудила Тимолеонта испытать судьбу в решающем сражении. Но его выручил случай – в момент, когда он продвигался к Сиракузам со смешанным войском, насчитывавшим 4 тысячи человек. Ибо карфагенский полководец испугался возможности братания между наемниками Гикета и гарнизона, преданного Тимолеонту. После отступления на Маго Тимолеонту стало легче снять блокаду Сиракуз, осуществляющуюся Гикетом.

Нас мало интересуют как изменение им конституции Сиракуз, так и его усилия вновь заселить Сицилию греками с континента. Большой интерес вызывает то, как он выполнял свой долг по освобождению Сицилии и как он использовал для этого наемников. Хотя Сиракузы обеспечили теперь его базой и возможным источником налогов с граждан, Тимолеонт все еще оставался главным образом командиром наемников. Поскольку сицилийские города не скоро освободились от оцепенения, ни один местный лидер не предлагал себя на место коринфянина. Кроме того, Тимолеонт испытывал трудности с оплатой наемников. Сиракузы и Коринф не были в состоянии возместить дефицит средств, а поход, имевший целью освобождение Сицилии, не мог содержаться за счет ограбления греческих городов. Единственным выходом был набег на территорию, занятую карфагенянами, который Тимолеонт осуществил под командованием своих военачальников Динарха и Демарета. Доходов от набега хватило даже для выплаты аванса наемникам. (Почти определенно следует отождествить с Динархом, который служил Филиппу II и его преемникам, то же сходство в карьере Демарета. Оба упомянуты

Демосфеном как деятели, сдавшие Коринф Филиппу II. После Ламийской войны Антипатр сделал Динарха наместником Пелопоннеса. Казнен в 318 г. до н. э. по приказу Полиперхонта.)

Демарет, как и Динарх, был сторонником Филиппа II и гетайром-«товарищем». Он подарил Александру Великому Буцефала и помирил Филиппа II с сыном в 337–336 гг. до н. э. Он сопровождал Александра в Азиатском походе; был рядом с Александром в битве при Гранике и в тронном зале в Сузах. Умер в старческом возрасте в Индии, откуда Александр отослал его останки в Коринф.

Нападение на карфагенскую территорию могло иметь лишь одно последствие – новое грозное вторжение Карфагена. Перед лицом новой угрозы Тимолеонт предпринял необычный маневр. Он уговорил или принудил Гикета послать свой отряд наемников ему на помощь в войне против Карфагена. Усилившись, Тимолеонт выступил навстречу карфагенянам с войском численностью не больше 12 тысяч человек. Вероятно, более половины его составляли наемники.

(Реальные цифры могли быть примерно такими:

Сиракузские наемники – 4000

Сиракузские граждане – 3000 (из которых 1000 – конники)

Союзники – 2000

Наемники Гикета – 3000

Всего – 12 000)

Но когда он еще не вышел за Акрагант, в армии вспыхнул серьезный мятеж. Его вызвала недоплата жалованья наемникам в сочетании со слабыми надеждами на победу перед лицом превосходящих сил Карфагена. Мятеж возглавил воин со зловещим именем Трасиос (Отважный), который, согласно Диодору, был одним из фокидян, совершивших святотатство. Этот смутьян утверждал, будто Тимолеонт ставит на кон жизнь наемников, которым в течение длительного времени, из-за отсутствия средств, он даже не может платить. Лояльность большей части наемников удалось сохранить увещеваниями и подарками, но тысяча воинов отказалась смириться. Тимолеонт проявил достаточно благоразумия, чтобы не принуждать их и не передать в руки врага. Вместо этого он отослал мятежных наемников назад в Сиракузы с предписанием своим сторонникам выплатить им задолженность по жалованью.

С такой убавленной численностью войска Тимолеонт вступил в сражение с карфагенянами у реки Кримис. Невозможно принять как безусловно правдивые оценки наших источников о численности армии противника, но вполне очевидно, что она значительно превышала численность войска греков. Тимолеонт построил свои войска – элитный контингент наемников в центре под собственным командованием, а ополчение на флангах усилил наемниками (Плутарх. Тимолеонт). В резерве находился конный отряд под командой Демарета, однако входили в его состав наемники или нет – неизвестно. Полная победа была достигнута благодаря дисциплинированности и мобильности греческого войска. И эти качества, очевидно, относились в первую очередь к его профессиональному ядру. Недостатком победы было нежелание Тимолеонта развить успех; это опять же зависело от наемников, которые слишком озаботились сохранением больших трофеев, что подчеркивается главным образом в первоначальных повествованиях.

Эта битва убедительно продемонстрировала не только сицилийцам, но и карфагенянам военное превосходство греческих наемников. Плутарх и Диодор отмечают, что Карфаген теперь решил отказаться от тактики использования ополченцев, которой придерживался в битве у реки Кримис с катастрофическими результатами. Он решил вместо этого использовать греческих наемников в дополнение к тем, которых вербовал в Испании и использовал в войнах. Плутарх добавляет, что карфагеняне так и не воспользовались греческими наемниками. Хотя это

обобщение выглядит на первый взгляд слишком смелым, другие наши источники склонны скорее подтвердить, чем опровергнуть его. В соответствии с новой тактикой карфагенская армия уже следующей весной включила контингент греков. Быстрота, с которой осуществился этот план, свидетельствует о наличии большого числа свободных греческих наемников. Где производился их набор, не сообщается.

После своей победы Тимолеонт вернулся с ополчением в Сиракузы, в то время как наемники остались добирать плоды своего успеха посредством разорения карфагенской территории острова. Его первой заботой было избавиться от тысячи наемников-дезертиров. В качестве победителя Тимолеонт мог обращаться с ними без особой вежливости, фактически он ограничился их изгнанием из Сицилии. Они отправились морем в Италию, где разграбили территорию бруттиев, которые поднялись и подвергли их в отместку резне. Диодор усматривает в этом Божье возмездие за их участие в осквернении Дельфийского храма.

Устранив главную угрозу со стороны Карфагена и изгнав нелояльных последователей, Тимолеонт смог обратиться к своей первоочередной цели – уничтожению сицилийских тиранов. К сожалению, мы располагаем весьма скудными материалами для последовательного продолжения истории. Диодор лишь приводит перечень разгромленных тиранов, а повествование Плутарха дробится на ряд довольно разрозненных инцидентов. Сначала мы узнаем, что Гикет и Мамерк затеяли интриги с Карфагеном. (Почему Гикет внезапно разорвал недавний союз с Тимолеонтом, не объясняется; возможно, не выполнялись условия соглашения.) На следующий год два тирана, опираясь на греческие и карфагенские войска во главе с Гисконом, нанесли жестокое поражение 400 наемникам Тимолеонта, посланные на территорию Мессаны. Кроме того, в карфагенской зоне острова войско во главе с Эвфимом из города Левки было уничтожено в западне близ города Гиеры. Плутарх утверждает, что эти наемники грабили Дельфийский храм, и толкует их уничтожение в духе Диодора: как возмездие со стороны богов. Эти поражения не повредили репутации Тимолеонта как избранника счастливой судьбы, поскольку он не командовал наемниками лично. Когда же Мамерк принес в дар богам захваченные щиты, он привел в ярость противников, написав на них: «Жалким прикрывшись щитом, щитов мы добыли немало, злато на них и янтарь, пурпур, слоновая кость». Эта строфа, несомненно, относилась к великолепным трофеям после разгрома карфагенянами «священного отряда», который наемники Тимолеонта бросили в бой. После нескольких взаимных набегов сторон Тимолеонт испробовал другой метод. Так как далее мы узнаем, что когда Тимолеонт продвинулся к Леонтинам, то воины, то есть наемники Гикета, передали ему связанного тирана, его сына и гиппарха Эвфима. О награде за это предательство ничего не известно, но, поскольку эти наемники ранее сражались под командой Тимолеонта в битве у реки Кримис, вероятно, у него было немало лазутчиков в их рядах. Аналогичным образом Мамерк после одного сражения был изолирован посредством соглашения с Карфагеном и принужден к сдаче.

Так, постепенно, вся восточная часть острова была очищена от карфагенян и тиранов. Но наемники в связи с этим процессом не упоминаются. Однако многие ссылки на колониистскую деятельность Тимолеонта заставляют предположить, что с отпадением нужды в наемниках он позволил тем из них, которые пожелали, расселиться в малонаселенных городах Сицилии. Во всяком случае, благодаря настойчивым и неразборчивым в средствах усилиям он принес на остров мир. Ибо около 20 лет история Сицилии не заполнена событиями, что указывает, видимо, на период восстановления, не потревоженный наемниками или тиранами, принимающими их себе на службу. Самовластие и военный профессионализм потеряли господствующее положение до прихода Агафокла, типичного кондотьера, повторившего путь прихода к власти Дионисия.

Часть пятая
ЭПОХА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Все их неисчислимые полчища оказываются непригодными для войны. И вот, точно у них недостаток людей, нанимают они наемников и думают найти спасение при помощи чужеземцев.

Платон. Законы

(О персах)

Ко времени восшествия на престол Александра греческие наемники стали утверждаться на службе соперничающих автократий Европы и Азии. Далее необходимо исследовать, какую роль они сыграли в войне между этими двумя силами. Сначала рассмотрим их деятельность на стороне, потерпевшей поражение.

В последние годы своего правления Артаксеркс III Ох не испытывал особой нужды в наборе наемников. Персидской империи удавалось сохранять внутреннее единство лучше, чем в предшествующие 80 лет, и лишь в 340 г. новая угроза из-за рубежа потребовала новых военных усилий. Мощь Филиппа II Македонского неуклонно возрастала, и уже шестью годами раньше Исократ, выражая, как обычно, актуальные идеи своего времени, приветствовал его как предводителя похода против Персии. Поэтому, когда наконец в 340 г. Филипп II осадил Перинф и таким образом установил полный контроль над Геллеспонтом, Артаксеркс III не мог позволить, чтобы его войска оставались в бездействии, пока не падет последний буферный полис между Персией и Македонией. Сатрапам Малой Азии было приказано помочь Перинфу всей своей мощью. Поэтому они объединились в посылке «в Перинф отряда наемников, достаточных средств и достаточных запасов продовольствия, снарядов и других материалов, необходимых для проведения военных действий». Армией сатрапов командовал Аполлотор, афинянин на службе у Арсита, сатрапа Фригии Геллеспонтской. (Аполлотор был похоронен в афинском Керамике. Следовательно, он умер не в изгнании.) Между тем другим выдающимся полководцем был Аристомед из Фер, смертельный враг Македонии, которому позднее суждено было сыграть выдающуюся роль на службе Персии. Наемники успешно высадились в Перинфе и настолько усилили оборону города, что Филиппу II не удалось его взять. Его вынудили отступить и переключить все свое внимание на Скифию, а затем и на Центральную Грецию, перед тем как снова обратиться к Востоку.

Однако после передачи под его управление Эллады Филипп II мог теперь думать о нанесении прямого удара по господству Персии в Малой Азии. Между тем Артаксеркса III сменил Дарий III, который готовился к нападению Филиппа II. Но, хотя Филипп мог претендовать в этой войне на роль предводителя всей Греции, его наиболее опасными противниками были греки на службе Персии. Некоторые из них были изгнанниками или даже врагами Македонии, но большая их часть, особенно простые воины, видимо, были вынуждены оставить городскую жизнь и приобрести военную профессию. На таких воинов постановления Коринфского конгресса почти не распространялись.

В 336 г. (весной) Парменион и Аттал были посланы с войском численностью 10 тысяч человек и, вероятно, высадились на Азиатское побережье Геллеспонта. Вероятно, они сделали своей базой Кизик, потому что, пока они совершали рейд в Тевфранию, Мемнон,

командовавший персидскими войсками, попытался с 5 тысячами наемников захватить город внезапным нападением. Он перешел через горный хребет Ида, но не добился успеха, поэтому повернул назад с 4 тысячами человек (Полиен). И все же, благодаря своему стратегическому таланту, Мемнону удалось сдерживать македонские силы, значительно превосходившие его войско по численности. Но сложное положение облегчилось, когда молодой царь Александр предал Аттала смертной казни и вызвал Пармениона, видимо с большей частью его войск.

Возможно, вместо Аттала прислали Каласа, во всяком случае, он появляется позднее с армией наемников и македонцев, пытающейся продвинуться в Троаду. Но Мемнон (летом 335 г.?) устроил ему засаду и заставил отступить к Ретею (мыс и город в Троаде на берегу Геллеспонта). Ни один источник не сообщает об отзыве Класа, возможно, потому, что он с небольшим войском оставался и удерживал плацдарм на Азиатском побережье Геллеспонта вплоть до высадки Александра. Такое предположение объясняет, почему войска персов не смогли воспрепятствовать этой высадке.

Далее объединенные персидские войска располагаются лагерем в Зелее (юго-западнее Кизика), где сатрапы, видимо входившие в командование, держали военный совет. Мемнон советовал уклониться от сражения и сдерживать противника разорением местности, поскольку македонцы превосходили персов в численности пехотинцев (Арриан). Диодор, вероятно, предваряет события, утверждая, что Мемнон предложил план широкого вторжения в Македонию и переноса туда войны; но Курций добавляет справедливое замечание, что больше пользы принесло бы удержание Киликийского прохода. Однако все персы выступили против плана. Возможные последствия такой стратегии дают обильную пищу для догадок. Но еще более интересна причина, которая заставила Мемнона предложить его план, – тот факт, что Александр располагал численным превосходством в пехоте. Арриан оценивает персидские войска перед битвой при Гранике численностью лишь 20 тысяч местных конников и чуть меньше 20 тысяч пехотинцев-наемников. Никакой собственно персидской пехоты не упоминается, и отсутствие упоминания столь подчеркнуто, что невозможно усомниться в убежденности Арриана в наличии причины отставания персов в численности. Александр, вероятно, выставил против них 32 тысячи пехотинцев и 4800 конников. Но такая оценка сил вызвала ненужные затруднения у некоторых историков.

Что касается самой битвы при Гранике, то обстановка, приводимая Аррианом, не вполне убедительна. Персидскую кавалерию выстроили вдоль крутого берега реки для отражения атаки македонцев. Наемники-пехотинцы выстроились отдельным контингентом позади кавалерии и были практически лишены возможности участвовать в сражении. Такое странное построение нельзя оправдать никакими стратегическими соображениями. Поэтому, видимо, нужно принять объяснение, что персов захватили врасплох и они не могли построиться в боевой порядок до того, как войска Александра форсировали реку. Затем, согласно Арриану, Александру удалось прорвать конный строй персов сначала своей кавалерией, а затем фалангой. После этого он обратил внимание на наемников. «Этот контингент оставался стоять там, где его поставили сначала, больше от изумления неожиданным результатом боя, чем от решимости сражаться». Затем Александр атаковал их по фронту и флангов своей кавалерией и беспощадно истребил их. Македонцы убили всех, за исключением 2 тысяч пленных и «тех, кого не заметили среди убитых» (Арриан). Плутарх соглашается лишь с тем, что Александр не сразу совершил нападение. Наемники «сгрудились у пригорка и выпрашивали условия сдачи», которые были отвергнуты. Как указывал Дельбрюк, трудно вообразить, чтобы Александр уничтожил контингент «отчаявшихся воинов» численностью около 20 тысяч человек и при этом отделался гибелью всего 85 конников и 30 македонских пехотинцев. Он предлагает версию, что на самом деле численность греческих наемников была гораздо меньше.

Решение может быть найдено лишь в компромиссе. Цифра потерь Александра преуменьшена по официальным соображениям. Трудно поверить также, что гибели ожидали все греки. Возможно, многие из них отступили до того, как Александру удалось окружить их. (Странно обнаружить запись о том, что греками командовал перс по имени Омар, в то время как Мемнон возглавлял кавалерию.)

Ясно, что Александр хотел преподать всем урок в отношении этих наемников. Он знал достаточно хорошо, в чем основная сила противника. Наделенный мандатом Коринфского конгресса, он мог счесть любого грека, враждебного ему, предателем Эллады и действовал в соответствии с этим принципом. Он предал земле убитых наемников, пленных же (2 тысячи человек) отправил в цепях в Македонию рабами. И хотя Афины обратились к нему с просьбой освободить афинских граждан, он отказывался сделать эту уступку даже перед битвой при Арбелах (Гавгамелах) в 331 г. до н. э.

После первых крупных успехов Александру пришлось в течение года иметь дело лишь с греческими наемниками, гарнизоны которых располагались в важных для Персии местах. На них, видимо, повлияло поражение персов при Гранике. Гарнизон Эфеса захватил две триеры и бежал, вероятно, в Галикарнас. Гегесистрат, комендант Милета, послал Александру письмо с предложением сдачи города, но, узнав о приближении персидского флота, изменил свое намерение и решил сохранить город для Дария III. Однако при подходе Александра наемники и граждане отправили к нему посла, возможно без согласия коменданта, с компромиссным предложением сохранить за городом нейтралитет. Александр отверг предложение и начал штурм, в то время как его флот сдерживал персидские корабли. Поэтому наемники и граждане побросали свои позиции в Милете, и некоторые из них попытались переплыть на небольшой остров, расположенный вблизи города. Те, которым удалось достичь острова, были блокированы флотом Александра, и, поскольку они продемонстрировали решимость сопротивляться, наемникам (числом 300 человек) было предоставлено прощение при условии, что они будут биться против персов.

После Граника боевой дух совершенно покинул Дария III. Должно быть, он оценил то, что персидские военачальники помешали осуществить единственно разумный план Мемнона. Поэтому царь назначил Мемнона на пост, который занимал прежде его брат в качестве главнокомандующего сухопутными силами и флота Малой Азии. Под командованием Мемнона греческие наемники и персидские войска сконцентрировались для обороны базы флота в Галикарнасе и контроля морских коммуникаций. Ибо в войне на море Александр не мог соперничать с противником. Мемнон рассчитывал выдержать осаду в надежде задержать продвижение Александра до тех пор, пока Дарий III не закончит сосредоточение армии. Противоборство осажденных и осаждающих войск отличалось большой жестокостью. Оно достигло кульминации, когда Эфиальт, афинский изгнанник, совершил ночную вылазку с 2 тысячами наемников. Но эти усилия оказались напрасными, и Мемнон был вынужден в конце концов покинуть Галикарнас.

Он оставил лишь отборный отряд персов и наемников защищать акрополь. Александр не стал задерживать своего наступления до окончания осады, но выделил для нее специальные войска, которые добились своей цели следующей весной, когда гарнизон в 1700 воинов был уничтожен или взят в плен.

В Малой Азии Александру осталось покончить лишь с несколькими гарнизонами. Гипарна сдалась сразу. Гарнизон города Келены в тысячу карийцев и сто греков сдался, после того как было достигнуто соглашение. Силлий со смешанным гарнизоном из наемников и местных войск оказал успешное сопротивление.

Между тем Мемнон привел в действие план, который Диодор, видимо ошибочно,

заставляет его предлагать до битвы при Гранике. Опираясь на морское превосходство, он продолжил причинять неприятности Александру в Эгейском море. Мемнон нанял новых наемников на деньги, присланные из Суз, и начал захватывать острова, ставя на них свои гарнизоны. Но в самом начале эта новая успешная тактика была внезапно прервана его смертью. Уход из жизни Мемнона был самой большой потерей для Персии. Командование временно взял на себя его племянник Фарнабаз, который вынудил сдать Митилену на острове Лесбос и поставил в ней гарнизон во главе с Ликомедом из Родоса. Но Дарий III решил прекратить осуществление этого стратегического плана. Высокий пост Мемнона отдали Фарнабазу, а Тимонда, сына Ментора, послали принять командование над всеми наличными греческими наемниками и воссоединить их с царской армией.

Дарий III не всегда был последователен в оценке греческих наемников и командиров. Он просто избавился от их наиболее известного, если не величайшего, стратега. Ибо Харидем, гонимый из Афин враждебностью Александра, прибыл в Сузы, где пользовался расположением царя. По получении вести о смерти Мемнона был созван военный совет, на котором Харидем предложил, чтобы царь царей не участвовал лично в битве, но выслал на поле боя войско. Его численность была преувеличена довольно ненадежным источником до 100 тысяч человек, из которых треть были греческие наемники. Командование следовало возложить на опытного стратега. Некоторые представители персидской знати сразу заподозрили Харидема в том, что он просто добивается верховного командования и, возможно, замышляет предательство. В связи с этим грек вышел из себя и позволил себе такие резкие высказывания по адресу военной несостоятельности персов, что Дарий III велел немедленно казнить его. Утверждается, что позже царь пожалел о своем поспешном приказе, по крайней мере, он продолжал высоко ценить греческих воинов в ходе продолжения военной кампании.

Согласно нашим источникам, у Дария перед битвой при Иссе (333 до н. э.) было 30 тысяч наемников: эта цифра, очевидно, исходит от Каллисфена. Узкая долина реки Пинар у Исса могла вместить лишь часть многочисленного персидского войска. Более того, отсутствовала возможность транспортировки войск. Весной 333 года к востоку от Тавра не могло быть много греческих наемников, а наши источники хотят уверить, что все они были доставлены морем от Фарнабаза. Теперь не кажется невероятным, что Мемнон мог собрать чуть меньше 20 тысяч наемников для сражения при Гранике. Не кажется также невозможным, что Фарнабаз мог обеспечить столько же войск для сражений в Эгейском море. Но транспортировка даже половины этого числа морем в Сирию должна была стать весьма трудным предприятием. Белох путем сравнения фрагментов из Арриана искусно доказывает, что наемники покрывали по фронту только половину фаланги Александра, то есть 16 400 человек, и, следовательно, не могли превышать численность 10 тысяч человек. Если допустить, что примерно 2 тысячи наемников могли быть уже на востоке, то цифра 8 тысяч воинов, доставленных морем, не будет выглядеть неправдоподобной. (См. далее, главу 20.)

При Иссе (как и при Гранике) персы заняли оборонительную позицию, которую по фронту прикрывала река Пинар. На этот раз, однако, наемникам дали возможность решительных действий, поскольку они занимали место в центре против лучшей пехоты Александра. Они почти преуспели в обретении и использовании возможности, в которой нуждались. Потому что, когда фаланга Александра форсировала реку, образовался разрыв между правым флангом во главе с самим Александром и остальным войском. Наемники бросились в этот разрыв и яростно бились за победу, невозможную где-либо в других местах. Но в конце концов им во фланг ударила та часть фаланги, которая противостояла персидским войскам и разгромила их. Греки и персидская кавалерия, покидавшие поле битвы последними, медленно отступали от реки (Арриан; цифра потерь наемников, к сожалению, пропала). Даже терпя поражение, они

демонстрировали свою боевую эффективность. Большею частью они держались вместе и, успешно отбивая атаки кавалерии Александра, самостоятельно пробились к морскому побережью. Об их последующих злоключениях речь пойдет дальше.

Лишь небольшой отряд наемников предпочел последовать за Дарием III: возможно, это были в большинстве люди, которые пробыли достаточно долго на Востоке. Они и отступившие персы численностью около 4 тысяч человек вновь собрались в Тапсаке (видимо, Кархемише. – *Ред.*). Весной 331 г. отряд из 2 тысяч наемников все еще стоял в том же месте под командой Мазея, ожидая продвижения Александра. Но им не пришлось дожидаться прихода македонцев, ибо Мазей при их приближении сразу же бежал.

В битве при Гавгамелах (Арбелах) в 331 г. до н. э. греческих наемников снова выстроили напротив македонской фаланги. На этот раз на флангах стояла гвардия царя царей. Но наемники значительно уступали противнику в численности. Диодор держится традиционной версии, что после битвы при Иссе Дарий III приказал увеличить длину мечей и копий на вооружении персидских пехотинцев под впечатлением успехов македонской пехоты. Дельбрюк толкует это как запоздалую попытку создать персидскую фалангу из-за нехватки греческих наемников. Столь неожиданная импровизация, если она действительно вводилась, была обречена на провал. На самом деле античные повествования о битве не содержат никаких ссылок на роль, сыгранную греческими наемниками или персидской фалангой.

Даже окончательный разгром Дария III в этой битве не лишил его лояльности греческих наемников. Они во главе со своими предводителями Патроном из Фокиды и Главком из Этолии сопровождали царя в бегстве в Бактрию. Когда наконец Бесс сговорился с другими персидскими вельможами лишить Дария III царской власти и вести его как пленника, наемники не приняли участия в этом заговоре. Но поскольку их было слишком мало, чтобы помешать такому унижению, они оторвались от остальной процессии и ушли в горы. Александр послал в погоню за ними часть войск. Когда они запросили условия сдачи, Александр отказал на основании их «озлобленности в войне против Греции». Но, к счастью, это была всего лишь его обычная поза. Когда они сдались, он отпустил только тех воинов, которые поступили на службу персам до Коринфского конгресса. Это показатель постоянной службы в качестве наемников, на которой подвизалось заметное число греческих воинов у Дария III или его сатрапов по крайней мере в течение семи лет. Остальным воинам пришлось поступить на службу новому хозяину за обычную плату. С этих пор их командиром стал Андроник, «который включил их в македонское войско, и, как оказалось, хорошо сделал, что сохранил им жизнь».

Мы выяснили, что в сопротивлении Персии Александру ведущую роль играли греческие кондотьеры. Когда же мы обратимся к исследованию греко-македонской армии после Коринфского конгресса, то с удивлением заметим, сколь небольшую и малозначащую ее часть первоначально составляли наемники. В подробном описании армии, «которая переправилась с Александром в Азию», упоминается только 5 тысяч наемников из 32 тысяч пехотинцев, и они вовсе отсутствуют в кавалерии.

Главную причину нехватки наемных воинов в армии Александра, возможно, следует искать в отсутствии достаточных средств, что мешало ему в двух первых военных кампаниях. Должно быть, Филипп II потратил слишком много денег на свои последние войны, ибо мы располагаем убедительными свидетельствами того, что он оставил их сыну немного. (Историки расходятся в деталях. Аристокл говорил, что у Александра осталось не более 70 талантов. Арриан заставляет Александра заявить в Описе, что он унаследовал лишь «несколько золотых и серебряных кубков, а не 60 талантов в казне, и в дополнение к долгу Филиппа II в 500 талантов он сам задолжал еще 800 талантов» и т. д.) Для возмещения финансового дефицита Александр располагал ежегодным доходом от налогообложения Македонии (см. выше, главу 15) и, возможно, взносами участников Коринфского конгресса. Но, хотя ежегодный взнос был обговорен решениями конгресса, это вовсе не значит, что от союзников не требовались дополнительные деньги, как и воины, на общегреческий поход против Персии. Стоимость содержания армии была тяжелым бременем для Александра, и он чувствовал необходимость сократить ее до минимума, не подрывая военного превосходства. Поэтому, как пишет Арриан, он был вынужден распустить свой флот из-за недостатка денег, хотя источники дают другие объяснения этого странного шага. Его приобретения в Малой Азии могли облегчить лишь непосредственные траты. С негреческого населения он собирал дань в объеме той, что оно выплачивало Персии. В основном делали взносы греческие города, хотя номинально они были освобождены от налогов. (По поводу дани варваров – вероятно, центральная власть получала теперь ее от македонских сатрапов более надежно.) Недостаток финансовых средств перестал ощущаться лишь после Исса.

Тем не менее официальная оценка числа наемников мало связана с общей численностью профессиональных воинов в войске. Ибо, когда Александр обеспечил выплату им жалованья, не было реальной причины для того, чтобы контингенты союзников не комплектовались большим числом воинов, нанятых для замены ополченцев. Вероятно, Александр не проверял процент ополченцев среди 7 тысяч воинов союзников, и позднее оказалось, что многие из них пожелали следовать за ним по завершении их контрактов как представителей полисов участников Коринфского конгресса. Эта готовность, возможно, не была просто результатом блестящих успехов Александра, хотя эти успехи сами по себе превращали некоторых прагматичных граждан в искателей приключений.

Однако, поскольку наши античные авторы по военным кампаниям Александра изначально исходят из официальных источников, мы можем обсуждать здесь только тех воинов, которые официально признаны наемниками и были наняты самим македонским царем. Из них, согласно Диодору, Александр взял с собой в Азию 5 тысяч человек. Неизвестно, оставил ли он какое-то число их в Македонии, но, видимо, не оставлял. Однако даже если возможно доказательство того, что под командованием Александра было более 5 тысяч наемников, лучшим решением было бы не усматривать ошибку в повествовании Диодора. Следовало бы предположить, что он

не включил в это число воинов во главе с Каласом, которые, возможно, уже находились в Азии. Эта регулярная армия в Азии могла бы состоять из наемников и могла бы предоставить дополнительно пару тысяч воинов до цифры 7 тысяч.

Арриан, описывая боевое построение перед битвой при Гавгамелах (Арбелах), пишет, что так называемые «чужестранцы-ветераны» составляли отдельное боевое подразделение. Фактически, ему не противопоставляются другие наемники-пехотинцы, но уже давно признается, что этот фрагмент подразумевает существование по крайней мере двух подразделений наемной пехоты, во-первых, постоянно приданной македонской армии со времени Филиппа I и, во-вторых, представленной другими пехотинцами, которые нанимались во время отдельных военных кампаний. Такие новички-рекруты не могли называться ветеранами, и легко понять, почему Александр счел более целесообразным не смешивать их со своими воинами регулярной армии.

Как свидетельствуют источники, в первых двух-трех кампаниях Александра наемники играли в боевых действиях весьма незначительную роль. При Гранике они не упоминаются вовсе, но, поскольку обойдены молчанием и союзники, этому упущению не стоит придавать большого значения. В битве при Иссе они действовали под командованием Менандра в качестве модифицированного вида резерва – «выстроились позади боевой линии». (Вероятно, Менандр командовал наемниками с самого начала похода. Вскоре после Иссы его сделали сатрапом Лидии, и командование взял на себя Клеарх. В 323 г. до н. э. он привел Александру в Вавилон подкрепление и во время передела сатрапий вернулся в Лидию.) Но нет доказательств того, что им было приказано держаться позади. Их целью, видимо, было закрывать возможные бреши и оказывать военную поддержку. Перед началом битвы Александр выдвинул часть из них вперед для удлинения фронта вправо, чтобы угрожать флангу персов обходом. Но их дальнейшая роль в битве не упоминается; даже эти два замечания исходят только от Арриана.

При Гавгамелах (Арбелах) «чужеземцы-ветераны» были выстроены на правом фланге дугообразным строем под командованием Клеандра специально для того, чтобы дать отпор любой попытке персов окружить греков. (Его прислали из Карики для набора новых наемников (334–333 до н. э.). В 332 г. до н. э. он вернулся с 4 тысячами воинов, когда он, должно быть, заменил Клеарха. Он продолжал командовать этим контингентом, по крайней мере, после убийства Пармениона, в организации которого он играл ведущую роль. В 324 г. до н. э. он был предан казни Александром по обвинению в разбое.) Также присутствовали два кавалерийских отряда наемников. Один отряд во главе с Менидом поместили на фланге справа с приказом атаковать по диагонали во фланг противника, если он предпримет маневр по окружению. (Он командовал этой кавалерией до 330 г. до н. э., когда его оставили в Мидии.) Другой отряд во главе с Андромахом удерживал соответствующую позицию на фланге слева.

Отряд Менида выполнил по приказу этот маневр, но его воины и чужеземцы-ветераны, прибывшие к ним на помощь, обнаружили противодействие скифской кавалерии, с которой было трудно совладать. Поэтому их действия были не слишком успешными.

В качестве объяснения незначительного использования Александром в решающих битвах наемников некоторые выдвигают предположение, что он не верил в их лояльность. Частично, может быть, это верно, но подлинное объяснение состоит скорее в том, что Александр предназначал фалангу и гетайров-«товарищей» для решающих битв и, подобно своему отцу, отводил наемникам особые функции. (Курций – единственный автор, который упоминает о попытках Дария III в это время подкупать противостоящие ему войска. Он также сообщает о греке, дезертировавшем из стана Дария III к Александру.) Эти функции можно свести к их использованию; во-первых, в отдельных походах и, во-вторых, для гарнизонной службы – здесь наемники играли важную роль.

До битвы при Арбелах (Гавгамелах) первейшим долгом наемников было участие в отдельных операциях по зачистке местности, по которой не проходила армия Александра. Например, Пармениона послали из Эфеса с 2500 «чужеземцев» и некоторым числом македонцев, очевидно, в Магнесию и Траллы. (Он возвратился в армию у Галикарнаса.) Аналогичным образом 3 тысячи наемников под командованием некоего Птолея были оставлены для блокады акрополя Галикарнаса, в то время как основная масса войск двинулась дальше. Но эти наемники были предназначены также служить, по крайней мере частично, в качестве регулярного войска сатрапа Фригии, провинции их командира Птолея. Опять же в 333 г. до н. э. Пармениона послали с войсками союзников и наемников обеспечить проход через Сирийские Ворота перед подходом главных сил.

В 332–331 гг. наемников оставили нести гарнизонную службу в Египте под командованием этолийца Лисида. Здесь мы встречаемся с первым примером метода, который позднее применял Александр. Он поставил в наиболее важных городах (Пелусии и Мемфисе) гарнизоны пешей македонской гвардии: серьезные задания не доверялись чужеземцам, но их придавали в качестве подкреплений для общей обороны.

Таковы были функции греческих наемников в армии Александра вплоть до битвы при Гавгамелах (Арбелах). Обозрение прибавлений и изъятий в числе наемников в этот период предполагает, что в целом оно не увеличилось в сравнении с числом ополченцев на военной службе. Процент наемников в сравнении с ополченцами остался либо без изменений, либо чуть уменьшился. После Гавгамел (Арбел), однако, положение складывалось наоборот. Армия Александра стала состоять в значительной степени из наемников. Такое положение вещей было вызвано частично одним определенным решением. Летом 330 г. до н. э. происходила демобилизация союзных контингентов полисов-участников Коринфского конгресса. Таким образом, армия лишилась большого числа номинальных граждан-ополченцев и «немало из них» остались служить в качестве наемников. Но помимо этого изолированного шага Александр был вынужден нанимать все больше и больше воинов по мере увеличения числа провинций, требующих гарнизонной службы. Кроме того, не было другого источника, из которого можно было почерпнуть подкрепления бойцов в достаточном количестве и с нужной подготовкой.

Главными сферами применения Александром наемников все еще оставались: во-первых, отдельные операции, во-вторых, гарнизонная служба в сатрапиях, в-третьих, было добавлено к этим двум предназначениям еще одно, а именно создание колоний на отдаленных территориях его новой империи, которых греческое влияние прежде не достигало.

Зимой 331/330 г. Александр разделил армию надвое для военной кампании против уксиев (на востоке Сузианы. – *Ред.*), оставив Пармениону фессалийских конников, союзников, наемников и других тяжеловооруженных воинов, сохранив для себя пешую гвардию, гетайров-«товарищей», конный авангард и агрианов. Пармениону в данном случае оставалось только двигаться форсированным маршем по главной дороге, в то время как царь пробивался в горы.

Опять же летом 330 г. перед началом последней погони за Дарием III Александр оставил в Экбатанах (столица Мидии) Пармениона с очень похожим составом войска, включавшего всех наемников, за исключением вновь нанятой кавалерии из демобилизованных союзников, переданных под командование Эригия. Именно существование этой большой отдельной армии на линиях коммуникаций тревожило Александра в том же году. Он был вынужден предать смерти Филота, сына Пармениона, по обвинению в измене. Если бы Парменион решил восстать, Александр оказался бы в серьезной опасности. Ибо Парменион был популярен среди македонцев, более того, среди наемников, которыми часто командовал. Единственное средство обезопасить себя состояло в немедленном умерщвлении его, и соответствующие приказы были

посланы двум македонским командирам наемников и предводителю фракийцев. Так была устранена возможность для Александра пасть жертвой собственных наемных войск. Вся немакедонская кавалерия была призвана служить в Бактрии. Греческая же пехота, которой командовал Парменион, весной 329 г. до н. э. воссоединилась с остальной армией в Арахосии.

Позднее Александр использовал наемников как главную составную часть войск в двух отдельных походах. Против сатрапа Сатибарзана, который поднял восстание в Арейе (в бассейне р. Арий, совр. р. Теджен. – *Ред.*), он послал Артабаза и двух греческих военачальников, Эригия и Андроника, с 6 тысячами пехотинцев и 600 конниками: вероятно, в целом наемниками, поскольку оба стратега были предводителями наемников. Поход завершился полным успехом. Но второй поход против Спитамена принес серьезную неудачу. Осуществлявший его отряд включал 60 гетеров, 800 наемных конников и 1500 воинов наемной пехоты (Арриан), по другим данным – 3 тысячи человек пехоты и 800 конницы. Гетеров, наемников-конников и пехотинцев возглавляли соответственно Менедем, Каран и Андромах, в то время как лидиец, некий Фарнух, командовал всем отрядом. Современники выдали две различные версии этой неудачи, но они сходятся в представлении этого поражения как сокрушительного. (Македонский отряд в бою на р. Политамет (Зеравшан) был почти полностью уничтожен скифами и согдийцами Спитамена. Спаситься бегством удалось лишь 40 конникам и 300 пехотинцам. Шедшие на помощь крупные силы македонян опоздали, хотя прошли за 3 дня 280 км. Александр, похоронив убитых, не рискнул углубляться на территорию скифов и вернулся в Бактры (близ совр. г. Балх в Афганистане), где провел зиму и где к нему подошли крупные резервы. Только в 327 г до н. э., с огромным трудом подавив восстание в Согдиане (ее центр – Мараканда, совр. Самарканд) и Бактрии, Александр двинулся на Индию. – *Ред.*)

Ни при каких обстоятельствах не встречаются свидетельства того, что за это следует винить наемников. Ответственность за неудачу лежит либо на отдельных командирах, либо, более вероятно, на ошибочных методах передачи командования военной экспедицией местным уроженцам. Но Александр, видимо, надеялся, что такое войско ему на самом деле в дальнейшем не потребуется.

Во время вторжения в Индию наемная кавалерия была придана отдельному небольшому отряду под командованием Гефестиона, которое послали прямо к Инду. В битве при Гидаспе в 326 г. до н. э. с войсками царя Пора Александр добился победы. Как и его предшественники, он обошелся в основном без наемников. Мы только узнаем, как они (конные и пешие) наряду с командирами отрядов Мелеагром, Атталом и Горгием собираются переправиться через реку в месте между военным лагерем и бродом, через который переправился Александр. Наконец, в 325 г. Александр оставил в Орах Леонната с небольшим войском, включающим подразделения наемной кавалерии и пехоты, для наведения порядка в данном месте. Выполнив это задание после ряда ожесточенных схваток, войско вернулось в Вавилон, где его предводителя увенчали венком за это и другие достижения.

Обеспечивая гарнизонами свои сатрапии, Александр следовал, насколько известно, образцу, принятому им для Египта. Для охраны сатрапа и его столицы оставлялся небольшой отряд македонцев. Значительно большее войско из наемников предназначалось для ведения боевых действий. Чтобы держать в подчинении мятежные города Согдианы, Александр, видимо, использовал, как правило, македонские гарнизоны, но известен факт оставления в Зариаспе (Бактрах) 80 наемных конников для охраны города и защиты некоторого числа раненых македонцев.

Способ, которым Александр насаждал колонии наемников в дальних сатрапиях, важнее и любопытнее, чем его метод организации гарнизонной службы. Этот шаг был отчасти вынужденным, поскольку в ходе его кампаний воины по разным причинам оставляли службу.

По свидетельствам источников, они даже проявляли желание там селиться, хотя последующие события не подтверждали этих свидетельств. Возможно, Александр надеялся, что колонисты окажут поддержку его гарнизонам в случае мятежей местного населения. Если так, то он обманывался в своей доверии к ним. Но видимо, их основные функции, в его представлении, состояли в насаждении эллинизма на исконных варварских территориях. Эта цель частично достигалась, хотя не в той степени, какой он ожидал. Вся эта политика осуществлялась словно по совету Исократу отцу Александра, состоящему в том, что проблему незанятых греков следует решать посредством завоевания Малой Азии и создания колоний между Киликией и Синопом. Возможно, однако, здесь нет никакой связи. Колонии Александра появлялись в ходе последних завоеваний и на отдаленных восточных территориях. Более того, как выясняется, у него было собственное решение проблемы греческих наемников.

По вопросу о конкретных поселениях информации немного. Когда Александр основал Александрию Кавказскую (в южных предгорьях Гиндукуша), он поселил в ней 7 тысяч варваров, 3 тысячи маркитантов и наемников-«добровольцев». Аналогичным образом была заселена Александрия Эсхата (Крайняя) на Яксарте (совр. Худжанд, в 1936–1991 гг. Ленинабад, в Таджикистане. – *Ред.*). Исключение здесь заключается в том, что было позволено также поселиться несколькими уставшим македонцам. Такое решение необычно, ибо Александр ранее стремился к тому, чтобы его соотечественники возвращались домой и становились отцами новых воинов. В самой дальней своей восточной колонии он оставил лишь группу ветеранов-наемников. Многие его Александрии в дальних сатрапиях, видимо, были созданы аналогичными методами. Разумеется, огромное число греков было оставлено таким образом в Бактрии и соседних провинциях.

Некоторое представление о многочисленности и недовольстве этих наемников-колонистов дает восстание, вспыхнувшее в Бактрии, когда распространились ложные слухи о смерти Александра в Индии. Греки, утомленные пребыванием в чужих краях, объединились под властью Афинодора, принявшего титул царя. Но точно известно, что у него не было намерения создавать империю: он лишь использовал этот титул как символ высшей власти для возвращения своих подчиненных в Грецию. Однако внезапно возникшее самодержавие не могло быть долгим. Его убил соперник Битон при помощи местного варвара. Сам Битон оправдывал свое преступление старым доводом о самообороне. Но такое объяснение не приняли. Битона собирались было подвергнуть пыткам, когда внезапное смягчение чувств наемников спасло его от смерти. Мятежники в количестве 3 тысяч человек отправились назад в Грецию. Этот мятеж был лишь предтечей позднего более широкого восстания, последовавшего за смертью Александра.

Период кампаний Александра в глубине Азии произвел значительные изменения в его империи. Когда он снова восстановил контроль над ней, то обнаружил, что в его отсутствие в ней укоренились многие злоупотребления. Наиболее опасным из них было то, что сатрапы, особенно в Малой Азии, воспользовались возможностью, чтобы сформировать личные наемные армии. Номинально, многие из них набирались как подкрепления для царской армии, но они усиливали до опасной степени отдельные центры местной власти. К тому же сам Александр не собирался в ближайшее время завоевывать новые земли и намеревался удовлетвориться армией немногочисленного состава. Поэтому он, подобно Артаксерксу III Оху в 355 г., разослал приказы главам провинций с требованием распустить новых рекрутов. Приказу, видимо, все подчинились, за исключением Гарпала, который бежал со своими воинами в Грецию. В дополнение к своему приказу Александр также постановил, что всем изгнанникам из городов-полисов должно быть позволено вернуться. По идее, это давало возможность уволенным наемникам селиться дома, но, поскольку многие из них поступили на военную службу из-за

изгнания, нет признаков того, что Александр произвел своим постановлением нечто большее, чем политическая реакция, необходимая для того, чтобы дать этим наемникам повод наняться на службу противникам македонского царя.

В дальнейшем именно об этих наемных противниках Александра пойдет речь. С их помощью города-полисы предпринимали (и еще будут предпринимать) попытки обрести свободу от завоевавшей их монархии. Задача подавления мятежников легла главным образом не на Александра, но на его преемников – диадохов. Некоторое время греки воевали против греков. Если бы Александр жил дольше, ситуация могла бы сложиться по-другому, ибо остаток своей энергии он посвятил реализации задуманного им плана пополнения своей армии персами, обученными владеть македонским оружием. Он провидел своим планом неизбежное устройство постоянных эллинистических царств.

Дополнительные данные о численности наемников Александра

		Греческие наемники		Другие	
		Пехота	Конница	Пехота	Конница
Лето, 334 г. до н. э.	<i>С Александром</i>	5000*		27 000	4500
	<i>С Каласом</i> (см. выше)	2000			
	<i>В Милете</i> (см. выше)	+ 300			
	<i>В Галикарнасе</i> (см. выше)	– 3000			
Весна, 333 г. до н. э.	<i>В Келенах</i> (Арриан)	– 1500		+ 3000	+ 650
332 г. до н. э.	<i>В Сидоне</i> (Арриан)	+ 4000			+ 500
	<i>Из Хиоса</i>	+ 3000			
	<i>В Египте</i> (Арриан)	– 3000	400	– 1000 (?)	
Всего		4800 †	400	29 000	5650

+ к главным силам Александра;

– оставлено Александром из главных сил;

* Процент наемников к другим воинам $13\frac{3}{4}\%$;

† Процент наемников к другим воинам 12 %.

Эта таблица представляет итоговые цифры, характеризующие армию Александра в битве при Гавгамелах. Она показывает, что процент его наемников не увеличился. Не учитываются потери в битве, которые, как можно предположить, распределены равным образом. Состав войск, оставленных в Келенах, не приводится в источниках. Полибий цитирует Каллисфена, который пишет, что там прибавилось на 2 тысячи пеших воинов и 150 конников больше, чем упоминает Арриан.

		Греческие наемники		Другие	
		Пехота	Конница	Пехота	Конница
Осень, 331 г. до н. э.	<i>В Вавилоне</i>	+ 4000	+ 380	+ 9500	+ 1100
	<i>(в Сузах)</i>	– 2300		– 700	
	<i>В Сузах</i>	– 3000		– 1000	
	<i>В Персеполе</i>			– 3000	
	<i>От Дария III</i>	+ 1000			
Лето, 330 г. до н. э.	<i>В Мидии</i>	+ 5000	+ 1000		
Осень, 330 г. до н. э.	<i>В Арейе</i>	+ 2600	800	+ 3000	+ 130
	<i>В Арахосии</i>	– 3000 (?)	– 600 (?)	– 1000 (?)	
Зима, 329— 328 гг. до н. э.	<i>В Бактрии</i>	+ 16 400	+ 2600		
Всего		+ 19 700	+ 4180	+ 6800	+ 1230

Эта таблица показывает прибавления и изъятия, насколько позволяют цифры, имеющиеся в нашем распоряжении. В некоторых случаях свидетельства источников расходятся. Тогда приводится наиболее вероятная оценка. Возможно, в гарнизонах оставлялось гораздо больше наемников, но большую диспропорцию между ними и воинами остальной армии невозможно устранить. Также не учитывается неопределенное число союзников, которые стали в 330 г. до н. э. наемниками.

В ходе кампаний 334–329 гг. до н. э. Александр использовал, видимо, 42 700 греческих пехотинцев-наемников и 5180 конников (по самым скромным оценкам).

1. До смерти Александра

Следуя за Александром и его армией в их восточных походах, мы обошли вниманием тех наемников, которые не сопровождали их, но оставались в регионе Средиземноморья. Они делились на две категории: тех, которые несли гарнизонную службу или выполняли другие функции для Македонии, и тех, которые нанимались на службу противникам Македонии. Из противников Александра самый значительный контингент представляли воины, которые спаслись после битвы при Иссе. Известно, что большая часть наемных воинов Дария III, тех, что прибыли с островов Эгейского моря, укрылась в первоначальном порту высадки, Триполи, и оттуда отправилась морем на запад, предварительно предав огню оставшиеся корабли, чтобы избежать погони. Арриан оценивает их численность в 8 тысяч, что, вероятно, завышенная оценка. Столько их, видимо, было перед битвой при Иссе. С тех пор их численность довольно уменьшилась из-за потерь. Хотя они отступили в порядке и, возможно, серьезно не пострадали.

Теперь их вели четыре различных командира – Аминт, Тимонд, Бианор и Аристомед. И вероятно, когда непосредственная опасность, исходившая от войск Александра, отступила, эти стратеги не стали держаться вместе, но каждый искал удачи со своими подчиненными самостоятельно. Аминт и Аристомед отправились на Кипр, где сметали гарнизоны, встречавшиеся на пути.

Впоследствии Аминт, возможно еще в сопровождении Аристомеда, пустился на более дерзкие предприятия. С 4 тысячами воинов он попытался захватить Египет. (Арриан не отделяет судьбу Аминта от судьбы других командиров, поэтому не приводит численности его войска. Диодор и Курций представляют Аминта единственным стратегом, спасшимся после битвы при Иссе, и оценивают численность беглецов в 4 тысячи. Это, видимо, оправданный метод комбинации содержания двух не вполне достоверных источников.) Высадившись в Пелусии, он заявил, что послан царем царей взять власть в сатрапии, без которой она осталась после смерти Сабака в ходе битвы при Иссе. Но по достижении Мемфиса его ждала неудача, ибо его заявление прозвучало сигналом к национальному восстанию. Персидские военачальники, разгадав подлинные намерения Аминта, сумели заручиться достаточной поддержкой местного населения даже после первоначального поражения, чтобы в конце концов разгромить авантюриста и его приверженцев.

Между тем в самой Греции стало нарастать всеобщее движение к мятежу против Македонии, воодушевленное господством персидского флота в Эгейском море и золотом, которое его командующий Фарнабаз мог обеспечить. Лидером движения был Агис, ибо Спарта была оставлена Филиппом II и Александром в аномальном положении. Ее непосредственная способность к сопротивлению была подорвана, но достаточно было пассивного сопротивления, чтобы предотвратить ее насильственное включение в общегреческий союз, возникший после Коринфского конгресса. Поэтому в ней не действовали запреты против внутренних конфликтов и альянса с Персией. В этой любопытной ситуации следует искать объяснение того факта, что в течение следующих 12 лет Тенар (мыс и город на юге Лаконики) становится постоянным местом встреч и вербовки наемников против Македонии. Место располагало естественными удобствами благодаря своему центральному положению, где расходились морские пути в Азию, Африку и Италию. Но если бы это происходило на территории какого-нибудь другого греческого государства, то не могло бы получить такую свободу. Только бескомпромиссный

противник Македонии мог допустить пребывание на своей территории враждебных Македонии воинов и все же не пренебрегать договором с членами Коринфского конгресса.

Как только Агис добыл денег для набора наемников, он стал потенциально опасным. Летом же он появляется на острове Сифнос, ведя переговоры с Фарнабазом о денежном кредите, а также предоставлении кораблей и войск. Но неожиданно их ошеломила весть о победе Александра при Иссе. Фарнабаз сразу забрал всех своих наемников и отправился морем на защиту Хиоса. Там уже находился гарнизон из наемников, но, хотя Фарнабаз со своими 1500 воинами довел численность наемников до 3 тысяч, это не предотвратило конфликта между ними и местным тираном, который повел дело к сдаче города. Наемники сразу перешли на службу Александру, а хиосцам пришлось обеспечивать гарнизон.

Агис добыл 30 талантов и 10 триер. Эту скромную помощь он послал своему брату в Тенар с наказом отправляться морем на Крит и поднять там восстание в пользу Персии. Но удар по престижу Персии в результате битвы при Иссе был слишком силен, и антимакедонские партии добились лишь небольших успехов помимо создания обстановки мелких раздоров на острове. Все, на что были способны спартанские цари, – это набрать как можно больше наемников из тех, которые бежали после битвы при Иссе и ожидали лучшей возможности для совместных действий против Антипатра. Подробности этого для нас утеряны, но, возможно, в это время Харет, изгнанный из Митилены македонским флотоводцем, принял командование над наемниками в Тенаре.

Новая возможность подвернулась в 330 г. до н. э., когда после произошедшей в 331 г. до н. э. битвы при Гавгамелах (Арбелах) Александр устремился в неизведанные глубины Азии. Спарта и ее наемники начали с победы над войском македонских наемников во главе с Коррагом, а затем сформировали коалицию государств Пелопоннеса, готовую поставлять рекрутов-ополченцев. Антипатр, со своей стороны, собрал много наемников; теперь у него было персидское золото, присланное Александром из Суз. Противники сошлись у Металополя. Агис привел войско из 20 тысяч пехотинцев и 2 тысяч всадников: из них, согласно Динарху, почти половина, 10 тысяч, были наемниками. Но какова бы ни была точная пропорция, именно наемники имели большое значение. Впервые за 20 лет Спарта возглавила большую армию на Пелопоннесе, и единственно потому, что Агис имел достаточно денег, чтобы поддержать своих ополченцев наемными воинами. Однако у Антипатра были аналогичные источники силы, и он смог превзойти в численности и взять верх над соперниками. Спартанский царь погиб на поле битвы в соответствии с отечественными традициями. Вероятно, большинство наемников короткое время служили под командованием Александра. После Мегалополя опасность греческого восстания против Македонии на время отступила, а растущий спрос Александра на новых рекрутов умудрился почти лишить Грецию воинов, точно так же, как Македонию – ополченцев.

Мятежные настроения в Греции развивались в полном соответствии с ослаблением или усилением контроля Александра над его сатрапиями. Гарпал с 6 тысячами наемников мог бы начать другую войну. Таковы на самом деле были его намерения по прибытии в Афины. Но армия его не приняла, поэтому ему пришлось сначала покинуть воинов в Тенаре, который, несмотря на унижение Спарты, еще не находился под жестким контролем Македонии. Когда под давлением Антипатра и Филоксена Афины перестали быть убежищем даже для частных лиц, он бежал в Тенар, но был убит Фиброном. Это был спартанец, который принял на себя командование армией и повел ее по пути авантюры. Он взял Кирену и захватил много ценностей и трофеев. Затем его подчиненный, Мнастикл из Крита, не удовлетворенный распределением добычи, покинул Фиброна, который в конечном счете получил новые подкрепления из Тенара. Последовал длительный конфликт с переменным успехом, пока демократы Кирены не призвали

Птолемея, который послал к ним Офелла с большим войском. Тот разгромил обе стороны и присоединил Кирену к Египту.

2. После смерти Александра

Весть о смерти Александра вылилась в открытое восстание двух оппозиционных сил против централизованной македонской власти. Эти силы проявили себя в противоположных уголках империи, но имели общее хотя бы в том, что обе родились из недовольства греческих наемников.

В дальних сатрапиях, где уже произошли открытый мятеж и убийство сатрапа, греческие колонисты объединились и выбрали своим стратегом некоего Филона Энианского. Диодор оценивает их численность в 20 тысяч пехотинцев и 3 тысячи конников, но эти цифры, должно быть, сильно преувеличены, если не предположить, что они получили много азиатских подкреплений. Это не представляется вероятным, поскольку, согласно нашему единственному источнику, мотивом мятежа было стремление вернуться в лоно греческой цивилизации.

Пердикка, принявший центральную власть после смерти Александра, предпринял срочные карательные акции против мятежников. Он послал Пифона, который хотел избежать полного разгрома, надеясь вместо этого привлечь мятежников на свою сторону, а затем использовать и для создания самостоятельной автократии. Поэтому он тайком сговорился с неким Летофором, предводителем 3 тысяч греков. Когда же настало время битвы, дезертирство большого контингента воинов заставило остальных обратиться в бегство. Пифон настолько преуспел в реализации своего плана, что уговорил своих противников сложить оружие. Но на этом этапе план расстроили его македонские войска. Отсылая их, Пердикка предусмотрительно пообещал, что они получают большую добычу в качестве трофеев. Теперь же, возмущенные милосердием своего стратега, они занялись грабежами и убийствами пленных. Таким образом, мятеж в дальних сатрапиях и амбициозный план Пифона в качестве стратега наемников рухнули сообща.

Одновременно в Греции начал борьбу против Александра Леосфен. Но в то время как истоки Ламийской войны довольно неясны, а Леосфен, должно быть, действительно ожидал бунта наемников в дальних азиатских провинциях, все же остается маловероятным, чтобы между ним и Филоном существовало сколько-нибудь четкое взаимопонимание.

Диодор и Павсаний, два авторитета, которые описывают эти события, подходят к теме с разных углов зрения. Диодор рисует общую обстановку. Как следствие приказа Александра распустить наемников сатрапа, «много чужестранцев, уйдя с военной службы, разбрелось по всей Азии и стало добывать себе пропитание грабежом. Наконец они стеклись со всех сторон к Тенару. Точно так же уцелевшие персидские сатрапы и другие начальники, собрав деньги и воинов, приплыли к Тенару и объединили свои силы. И в довершение всего полномочным стратегом выбрали Леосфена, афинянина, человека блистательных душевных качеств и непримиримого врага Александра».

Павсаний сделал больший упор лично на Леосфена и поясняет, что его вражда к Александру проявилась тогда, когда «все греки, которые служили Дарию III и сатрапам за плату, сначала были доставлены им на кораблях в Европу, в то время как Александр хотел расселить их в Персии». Из этого можно предположить, что Леосфен заботился о сохранении воинов, выживших во время мятежа Битона в Бактрии. Вероятно, он сам служил за морем в качестве наемника, поскольку был сыном изгнанника.

К 324 г. Афины уже заигрывали с заговорщиками против Македонии и избрали Леосфена стратегом. Он изложил им свой план действий, одобренный его 8 тысячами воинов в Тенаре. По

получении вести о несомненной смерти Александра (летом 323 г.) Леосфен был официально признан главнокомандующим, ему выдали 50 талантов из денег Гарпала и оружие. Сначала он отправился морем в Этолию, где к нему присоединились местные рекруты в количестве 7 тысяч человек. Кроме того, в Афинах самые бедные граждане увидели в войне шанс заработать на государственных субсидиях. Поэтому, когда был укомплектован большой флот, 5 тысяч ополченцев и 2 тысячи наемников послали присоединиться к Леосфену перед Платеями. Там с частью своих сил он одержал победу над беотийцами и Македонским гарнизоном в Фивах.

Между тем Антипатр послал обращения с призывом о помощи новому сатрапу Фригии Леоннату и Кратеру, который возвращался из Вавилона с демобилизованными македонцами. До их прибытия он оставил в Македонии гарнизон во главе с неким Сиппом, чтобы обезопасить себя с тыла от фракийцев и набрать наемников. Сам же с македонским войском, уменьшившимся до 14 тысяч воинов, двинулся в Фессалию. Но фессалийцы поддержали греков, и их поддержка способствовала значительному превосходству греческих сил над македонцами, особенно в кавалерии. Антипатр не рискнул пойти на открытое сражение и заперся в Ламии.

Однако Леосфен не проявил особой сноровки в ведении осады. Она выродилась в зимнюю блокаду при помощи наемников, а в ходе одной вылазки был убит сам Леосфен. С его смертью греки утратили остатки энергии. Больше наемники в этой связи не упоминаются, в то время как они появляются в стане македонцев. Разумеется, греки продолжали еще пользоваться ими, и, возможно, после гибели их признанного лидера они проявляли меньше рвения и добивались меньше успехов. Леосфена заменил афинянин Антифил, но имеется свидетельство того, что кампания велась группой представителей городов – самый худший способ управлять наемной армией. Как раз кавалерия Фессалии играла основную роль в каких-либо успешных действиях против Леонната или Кратера, в то время как к неудаче в целом имеет отношение отсутствие союзных войск в критические моменты. Как всегда случалось с армиями ополченцев, они не могли существовать на постоянной основе, и такая недисциплинированность распространялась как эпидемия на все войско, так что к битве при Кранноне численность ополченцев сократилась до 25 тысяч пехотинцев и 3500 конников. Даже эти войска оказались настолько ненадежными, что после очень незначительного поражения войска Союза рассеялись.

После битвы при Херонее Афины реорганизовали подготовку своих эфебов в попытке повысить боеспособность ополченцев. Эти усилия не дали результата в Ламийской войне, хотя не только Афины следовало винить за ее плачевный результат. То, что началось как успешный мятеж наемников, завершилось неудачей, весьма характерной для армий ополченцев, и оправдало пророчества Фокиона. С этим поражением греков последняя серьезная угроза преобладанию Македонии исчезла на 50 лет.

Часть шестая
ЭПОХА ДИАДОХОВ

1. Вступление

Мы описали итог Ламийской войны как избавление Македонской империи от внешнего нападения. Но, как часто случается в истории, безопасность от внешней угрозы не укрепила, но разрушила внутреннее единство. После смерти Александра его империю могла скрепить угроза, общая для всех македонцев. Когда был подавлен последний мятеж и ничто не угрожало городам-полисам Греции, стратеги Александра начали борьбу за наследство; и следующие 20 лет заполнены войнами между ними. Они стремились в различных коалициях объединить или разъединить империю. Но под этими усилиями скрывалась общая для всех негативная черта: диадохи никогда не опирались в своих планах на полис как административную единицу. Как бы правители ни старались не замечать этого, государство-полис прекратило играть свою роль на том же уровне, что сатрапия или монархия, будь то в политической или военной сфере. С этих пор почти все армии эллинского периода становятся наемными в той мере, в какой они не являются армиями ополченцев.

Сама Македония, как бы она ни отличалась от греческого полиса, могла бы составить исключение. Но исключение скорее кажущееся, чем реальное. Поскольку в этот период обнаруживается, что любой большой контингент македонских воинов мог бы трактоваться как воплощение государства. Это было отнюдь не лишнее логичное продолжение прежнего конституционного обычая. Но на практике такой контингент действовал в манере, едва ли отличающейся от любой обычной наемной армии. Он приводился в действие не интересами своего далекого отечества, но насущными потребностями момента. Такой контингент мог принять своим предводителем грека, поскольку он назначен царем и обращался к воинам от имени их героического Александра Македонского. Но воины могли точно так же забросать своего старейшего македонского командира камнями, если тот задержал выплату им жалованья. Боевой дух такого контингента часто мог интенсивно выражаться в национализме (Александр обнаружил это в Описе, когда попытался сделать свою армию азиатской). Но ветераны так и не объединились для возвращения в Македонию. Они могли ворчать по поводу бесконечных военных походов, но в действительности предпочитали оставаться служить до 60 или 70 лет (*Плутарх. Эвмен*).

В конце каждой летней кампании армии не распускались, но делились на меньшие контингенты воинов. Если их заставляла зима, они распределялись на постой в соседних городах. В начале лета войска собирались вновь и переходили на лагерное содержание. Поэтому эллинский воин так и не имел возможности возобновить гражданскую жизнь или расстаться со своими соратниками.

Корпоративный дух лагерной жизни четко материализуется в форме, неизвестной до эллинистических времен. Это обоз или воинский багаж, то, что воин ценит в жизни. Уже в армии Александра лагерь представлял собой нечто большее, чем совокупность воинов и их обслуги. Даже в самых отдаленных местах, куда доходили в Индии греческие воины, жены и дети сопровождали их и делили с ними трудности. Во времена диадохов обоз включал женщин, а также известную во всем мире военную добычу, иногда за несколько лет грабежа. Поэтому делом первой важности для стратега становится уберечь воинский обоз, потому что если его захватят, то иссякнет лояльность армии, она может превратиться в держателя добычи. Это нашло яркое воплощение в судьбе Эвмена и может частично объяснить частоту обходных

маневров в войнах эллинистического периода. (Мнасикл захватил обоз Фиброна и привел его в отчаяние. Эвмен захватил обоз войск Неоптолема, после чего эти войска присоединились к нему. Антигон специально послал конницу Медеса и Тарентина для захвата обоза аргираспидов войска Эвмена. Они согласились предать Эвмена ради спасения потерянного имущества. Известна неистовая попытка Деметрия вернуть свой обоз после битвы при Газе (312 до н. э.). Попытка не удалась, и большое число его воинов попало в плен. Деметрий, включивший на Кипре в свое войско пленников (после разгрома в 306 г. до н. э. флота Птолемея при городе Саламине), обнаружил, что не может заставить их остаться, потому что они оставили свой обоз у Птолемея.) Так, крайности сходятся. Наемник, лишенный пожитков, столь же ненадежен, как ополченец, чьи поля подвергаются опасности.

Соответственно, когда воин прикован к своему маленькому переносному домашнему очагу, он теряет все другие связи. Поэтому во времена диадохов победоносный стратег имел обыкновение принимать в ряды своего войска пленных врагов и использовать их даже против их бывших военачальников. (Например, Эвмен после разгрома македонцев Неоптолема, Антигон после победы над Эвменом. Лисимах вербует войска Павсания. Антигон берет на службу гарнизоны Птолемея. Но Птолемей продает в рабство гарнизон Антигона в Малле в Киликии и посылает пленных на поселение в Газу как иноземных ополченцев.) Такая практика и частота, с которой воинов можно уговорить дезертировать скопом, побуждали каждого стратега зарабатывать репутацию военачальника, снисходительного к пленным и великодушного в отношении подчиненных. Лучшей гарантией лояльности воинов для него была серия успехов: другие методы привязывания к себе воинов, такие как принятие присяги, оказывались в конечном счете неэффективными.

Из общих замечаний по воинам диадохов легко увидеть, что это была эпоха, когда наемник стал самым обычным и распространенным явлением. Верно и то, что никогда раньше не было столь крупных армий, содержащих такой большой процент кондотьеров. Но такое преобладание наемников вместо упрощения нашей задачи еще более усложнило ее. Потому что, когда однажды все воины были сведены к одному профессиональному типу, наши источники часто перестают выделять наемника как такового. Все бойцы становятся воинами – пехотинцами или конниками. Македонец почти не отличался от наемника, а также было обилие воинов, обученных и вооруженных по македонскому образцу, хотя это были люди всяких племен. Поэтому редко обнаруживается различие между тремя наиболее распространенными типами воинов: во-первых, собственно македонцы, во-вторых, греческие наемники, в-третьих, местные войска. И даже там, где упоминаются первые два типа, невозможно быть абсолютно уверенным, что они не содержат, помимо перечисленных, воинов другого типа. Например, македонские армии на Востоке, вероятно, позже возмещали потери в своих рядах за счет отпрысков смешанных браков, которые родились в лагерях. Но, кроме того, к македонским воинам постепенно добавлялись контингенты немакедонцев, которые обучались пользованию македонским оружием. При всяком другом предположении трудно объяснить постоянное присутствие большого количества македонцев в любой армии. Аналогичным образом расплывчато понятие «иноземец», и эллинизация Передней Азии развилась достаточно, чтобы позволить многим воинам-негрекам занять место среди чисто греческих соратников.

Учитывая все эти недостатки наших источников, видимо, лучше использовать лишь часть имеющегося материала, где четко упоминаются наемники, как таковые. Такой метод создаст поверхностное впечатление минимального участия наемников в войнах диадохов, но любой другой метод был бы бездоказательным. Можно привести достаточно цитат, чтобы показать, что наемник как воин был характерной фигурой для этого периода и обуславливал ее военную активность.

2. Армии сатрапов до 319 г. до н. э

После смерти Александра вся его власть моментально перешла в распоряжение македонских командиров его армии. Сам Александр не особенно прибегал к назначению греческих командиров, кроме таких, как Эвмен и Неарх, изначально бывших гетайрами-«товарищами». Видимо, они, исходя из их официального положения при дворе, могли претендовать на высказывание своего мнения по вопросу о престолонаследии. Но номинально Эвмен стоял в стороне и говорил, что, «как иностранцу, ему нет дела до посредничества между македонцами разных взглядов». Однако он тайком содействовал своему покровителю Пердикке и получил в награду провинцию Каппадокия.

Кроме того, в армии мы встречаемся с конфликтами между македонской конницей и пехотой, в которых наемники на первых порах не принимали участия, хотя они и составляли большую часть этих видов войск. Только когда конники стали окружать воинов, оставшихся в Вавилоне, появляется наемник как один из трех эмиссаров, посланных на переговоры.

Подлинное значение наемного воина не проявляется, однако, до разделения империи на сатрапии. Ибо этот процесс означал, что каждый сатрап мог стать командующим, а его политическая сила становилась пропорциональной военной мощи, которой он располагал. Побывав некоторое время в тени могущественного Александра, отдельные личности получили возможность самоутвердиться. И, как мы уже убедились, это были как раз те условия, которые способствовали росту числа наемных армий и монархов, чья власть опиралась на военную силу.

К сожалению, в то время как разные источники приводят довольно содержательный перечень различных сатрапий, на которые распалась империя, они не сообщают конкретных фактов о разделении существовавших вооруженных сил. Вероятно, каждому правителю полагалось иметь определенное количество войск, видимо македонцев, формирующих в основном личную гвардию и главные военные силы провинции, хотя в случае уже устоявшихся провинций такое обеспечение могло и не требоваться. В действительности каждый сатрап рассматривал существовавшие войска как ядро, вокруг которого следовало формировать большую армию из греческих наемников или местных войск. (Например, Птолемей по прибытии в Египет завладел 8 тысячами талантов, полученных благодаря суровому налогообложению Клеомена, и использовал эти деньги для набора наемников. Источник Диодора, лояльный Птолею, делает все возможное для укрепления популярности правителя и успеха его деятельности. Для этого периода нет никаких цифр общей численности войск.) Ибо со смертью Александра утратил силу и его запрет на создание армий сатрапами.

Хороший пример, показывающий, как незначительный сатрап мог собрать большую армию, представляет Арридей, сатрап Фригии Геллеспонтской. Он правил в провинции два года, после чего, почуяв опасность со стороны Антигона, решил в 319 г. до н. э. напасть на Кизик. Его армия включала 10 тысяч пехотинцев-наемников, тысячу македонцев, 500 персидских лучников и пращников, а также 800 всадников. Процент наемников в этой армии был весьма значителен. (Необычные размеры такой армии были вызваны чрезвычайной обстановкой. Лисимах в 322 г. располагал в целом 4 тысячами пехотинцев и 2 тысячами конников; подробности неизвестны.)

Европейские и азиатские сатрапы удерживали свои провинции войсками весьма разнообразного состава. Если они находились слишком далеко от Средиземноморья, чтобы произвести набор греческих наемников, то полагались на местные народности. Так, Эвмен, получив в 322 г. до н. э. в свое распоряжение Каппадокию, увеличил свое первоначальное войско, состоявшее из македонских пехотинцев, кавалерией местного состава под командованием Феникса из Тенедоса и такой же пехотой.

(Он постоянно служил Эвмену. Однако после смерти Эвмена, вероятно, перешел на службу Антигону, для которого удерживал Геллеспонт, переданный им в 302 г. до н. э. Препелаю, стратегу Кассандра.)

Когда его войска сошлись в сражении с войсками Кратера, они описываются как силы всевозможных народов. Аналогичным образом армия Певкеста, правителя Персии, состояла из 3 тысяч воинов различных народностей, вооруженных и обученных по-македонски. Она включала также 600 греческих и фракийских всадников, более чем 400 персов, которые могли получить подкрепления в случае необходимости из тысячи персидских пращников и лучников.

3. Царские армии до 316 г. до н. э

Царская армия (в отличие от армии сатрапов) вначале делилась на две части. В Македонии все еще сохранялись остатки ополченцев, которые не призывались на службу во время первых походов Александра или не включались в последующие подкрепления, а также контингенты наемников. Пердикка, хилиарх, сохранил за собой в Азии довольно значительную армию. К сожалению, подробности о ней почти полностью отсутствуют. Должно быть, армия была велика, потому что с ее помощью Пердикка смог разбить в 322 г. до н. э. Ариарата, который, согласно Диодору, располагал местными и наемными войсками, достигавшими численности 30 тысяч пехотинцев и 15 тысяч конников. Видимо, около 5 тысяч пленников, захваченных Пердиккой, перешли к нему на службу. Во всяком случае, годом позже он определенно использовал чужеземцев, ибо мы обнаруживаем высадку 800 его воинов под командованием Медия в Фессалии для нападения на союзников Птолемея на Кипре.

Убийство Пердикки в Египте, видимо, ни в коей мере не связано с кем-либо иным, кроме его соотечественников. Это был результат разочарования и нелояльности целой армии, но непосредственными убийцами были македонские командиры.

После реорганизации империи в Трипарадейсе (321 г. до н. э.) Антипатр, новый хилиарх, оставил Антигона в Малой Азии с достаточным количеством войск вести войну против оставшихся приверженцев Пердикки. Его история показывает, как успехи способствуют росту армии. Сначала мы узнаем о нем как о командире поразительно малого войска численностью 10 тысяч пехотинцев, из которых половина были македонцы, а другая половина, видимо, большей частью греческие наемники. После победы над Эвменом это число вырастает до 40 тысяч, а позже – до 60 тысяч. «В дополнение к этому он надеялся также подготовить другие силы, если будет необходимость, так как Азия могла бесконечно обеспечивать оплату для наемников, которых он мог бы собрать». Очевидно, снабжение воинов тоже можно было осуществлять до бесконечности. Эти цифры, возможно, тоже преувеличены, но в целом общие данные о численности армий в это время согласуются друг с другом замечательным образом.

Антигон действовал по принципу использования ресурсов Азии для оплаты солдат. Ибо, когда Эсхил из Родоса привозил первую партию азиатского золота из Киликии в Македонию, она была отправлена в Эфес Антигоном, который утверждал, что нуждался в нем для набора наемников. Это был прямой вызов центральным властям, и они ответили попыткой помешать любому греку поступить на службу Антигону. Был издан указ от имени царей, который после других пунктов, направленных на возвращение изгнанников, провозглашал, что «всем грекам предлагается учсть, что никто не должен вести войну против нас или вообще предпринимать какие-либо меры против нас; действующим вопреки этому постановлению грозит изгнание со всем их родом и конфискация имущества».

Кроме того, в качестве более действенной меры Эвмену доверили формирование новой царской армии. Его усилия служат блестящей иллюстрацией того, как много может сделать

человек, если он обеспечен достаточным количеством денег. В момент освобождения из Норы у него было всего 500 последователей, пеших и конных вперемежку, но через несколько дней он смог увеличить это число до 2 тысяч человек за счет бывших воинов, бродивших по стране бандитами со времени его поражения от Антигона. На этом этапе он получил письмо от регента Полисперхона с санкцией на использование македонской казны Куинды для набора новой армии. Эвмен не мог дожидаться привлечения большего числа воинов, но сразу отправился морем в Киликию.

Там его первой задачей стало убедить аргираспидов, 3 тысячи ветеранов армии Александра, принять его своим стратегом в соответствии с инструкциями Полисперхона. Эти воины выделялись своим опытом и отвагой, но боевой дух питал их крайнюю нетерпимость к любому командиру, особенно из греков с клеймом изменника. Эвмен мог приобрести влияние среди них только посредством той же тактики, какой он придерживался в совете диадохов. Он согласился, что был иностранцем, недостойным верховного поста, которого, по его мнению, заслушивал лишь покойный Александр. После этого он ввел поклонение божественному предводителю, а сам командовал боевыми операциями как один из обычных членов военного совета, председательствуя от имени духа Александра. Таким способом он приобрел власть над аргираспидами и казной, которую они охраняли, но ценой бесценного актива абсолютной власти.

Между тем Эвмен наделил своих наиболее надежных друзей обязанностью набора наемников и отправил с большими суммами денег в Писидию, Ликию, Киликию, Келесирию, Финикию и Кипр. Молва о его щедрости распространилась так широко, что «многие записывались по своей собственной воле, даже из городов Греции, и были зачислены на службу». Так он увеличил существующую армию до более чем 10 тысяч пехотинцев и 2 тысяч конников. Даже тогда он не считал свои силы достаточными, поэтому отправился на Восток для установления связи с армиями дальних сатрапий. Эта мера обеспечила 18 тысяч пехотинцев и 4600 конников, доведя общее количество войск почти до 40 тысяч человек, оснащенных разными видами оружия (цифры не совсем точные из-за расхождений источников). Армия наконец достигла достаточной численности, чтобы помериться силами с войсками Антигона, стянутыми со всех уголков Малой Азии. В фаланге Эвмена из 17 тысяч воинов в битве при Паретакене (317 до н. э.) 6 тысяч были греческими наемниками, 5 тысяч – «всякого рода племена, обученные владению македонским оружием» и лишь 6 тысяч коренных македонцев. Поэтому можно утверждать, что численность тяжелой пехоты одних греческих наемников (исключая азиатов) превысила численность национальных войск царской армии. Точно так же из 28 тысяч пехотинцев Антигона 8 тысяч были иноземцами против 8 тысяч македонцев (исключая другие контингенты). Даже в его кавалерии проявляется эта диспропорция: например, тысяча были гетайрами-«товарищами»; 2300 были «тарентинцами, которые пришли с ним от моря».

К сожалению, в описаниях битв наши источники сосредоточиваются в основном на регистрации активности аргираспидов, которые действовали на острие атаки Эвмена. В битве при Габиенах кавалерия тарентинцев Антигона решила исход битвы захватом обоза и поощрением предательства в армии Эвмена. Сдав своего предводителя, аргираспиды зашли в измене еще дальше, чем наемники, которым они подражали. Ведь еще в Сузах Эвмен считал целесообразным выплатить им шестимесячное жалованье вперед. Но главную опасность представляла не столько нелояльность отдельных воинов, сколько тот факт, что Эвмен не мог полностью распоряжаться войсками. Наши источники (вероятно, черпая материал у очевидца, Иеронима из Кардии) не однажды сравнивают положение в армии с демократией с Эвменом в качестве ведущего демагога. Ему также приходилось демонстрировать превосходство или

полностью развенчивать других демагогов. Поэтому, хотя он достигал поразительной популярности, первый же его провал означал полное падение. Антигон оценил лояльность аргираспидов по достоинству. Он передал их сатрапу Арахосии с приказом измотать их на службе так, «чтобы никто из них не вернулся в Македонию и не увидел Греческого моря» (Плутарх).

4. Армии сепаратистов

Победа Антигона при Габиенах предопределила то, что империя Александра больше не сохранит единство под властью македонского царя. Ибо, хотя сын Александра от Роксаны был еще жив, ни один из правителей не собирался приводить его к власти. Уже реально были основаны те монархии, которые предъявили претензии на это название только после 306 г. до н. э.

Кассандру удалось выдворить Полиперхонта из Македонии и занять его место. Армию для этой цели одолжил ему Антигон, предоставивший 4 тысячи воинов. Из них по крайней мере кавалерия, а может, и пехота являлись наемниками. Мы обнаруживаем это также у Павсания, который пишет о победе афинян над кавалерией Кассандра во главе с его братом Плистархом. Кассандр получил также военное подкрепление во главе с Никанором, командующим гарнизоном в Мунихии, его назначенцем. Там изначально находилась македонская гвардия, и, когда Полиперхонт освобождал города, Никанор для сохранения Афин за Кассандром увеличил свои войска за счет набора наемников. Он тайком приводил их в караульное помещение, по несколько человек за раз, и таким образом увеличил свои силы в достаточной степени для того, чтобы захватить Пирей в ходе ночного нападения. После прибытия Кассандра в Грецию Никанор сговорился с ним, сохранив командование над своими войсками. Позднее он был послан в Геллеспонт и принял участие в разгроме Клита. Но он, должно быть, стал слишком могущественным и самостоятельным, поскольку по возвращении Кассандр убил его в типичном для него коварном и хладнокровном стиле. (Примерно в то же время Антигон избавляется от Пифона по подозрению в подрыве лояльности к нему его войск.)

После захвата Македонии Кассандр сформировал национальную армию, наемники больше не упоминаются. Однако он, несомненно, использовал некоторые наемные войска, особенно для гарнизонной службы в греческих городах: практика, к которой он прибегал долгое время. Одним из гарнизонных командиров, контролировавших Левки, был, несомненно, афинянин Лисандр.

Лисимах в это время не упоминается. Вероятно, он упрочивал свое положение в борьбе с северными племенами Фракии. Нет сведений, что он брал на службу греческих наемников, но использовал в основном фракийцев.

Нам уже известно, что Птолемей был среди первых сатрапов, сформировавших большую армию греческих наемников. В его случае этот шаг был особенно необходим, потому что коренные египтяне, которыми он правил, были в целом не очень эффективными воинами. Тем не менее в 312 г., когда он выступил на битву при Газе – единственный известный нам поход Птолемея по суше, – его войско состояло из «18 тысяч пехотинцев и 4 тысяч всадников. В его армии было некоторое количество македонцев и некоторое количество наемников, но большинство были египтяне, из которых некоторые везли метательные снаряды и другое имущество, но некоторые были вооружены и боеспособны». Даже такое ограниченное применение местных войск не было принято в позднейшие времена, когда же число македонцев сократилось, Птолемей стал все более и более зависеть от греческих воинов, привлеченных из-за пределов страны.

Птолемей, возможно, использовал своих наемников исключительно для гарнизонной службы за рубежом; например, в Сирии, в Сикионе или Кирене. Вновь обнаруженная надпись из последнего города, датируемая, видимо, заключительными годами IV столетия до н. э., имеет фрагментарные ссылки на гарнизон наемников Птолемея и, видимо, содержала несколько инструкций по их дисциплине.

Разумеется, главный заморский поход Птолемея на Кипр и в Карию в 315 г. до н. э. осуществлялся главным образом наемными войсками. Туда уже была послана армия из 3 тысяч воинов неизвестного этнического состава. Позднее Птолемей отправил еще 10 тысяч наемников во главе с афинянином Мирмидоном. Но по прибытии на остров совет стратегов решил послать их в Карию, чтобы помочь Асандеру в борьбе со стратегом Антигона Полемеем. Здесь этот эпизод заканчивается. Но вероятнее всего, они оставили Карию до капитуляции Асандера в 313 г. до н. э. И когда в 307–306 гг. Деметрий, завоевав Кипр, захватил в плен 16 тысяч пехотинцев и 600 конников Птолемея, можно предположить, что эти войска состояли главным образом из тех же воинов, которые вернулись теперь на остров (необходимо учесть, что в ходе разгрома птолемеевского флота под городом Саламином на Кипре в 306 г. до н. э. в составе этого флота были 200 транспортных судов, на которых находился десант из 12 тысяч воинов. Более 100 транспортных судов (то есть более 6 тысяч воинов Птолемея) было флотом Деметрия захвачено. И это не считая моряков с более 80 потопленных и 40 захваченных военных кораблей Птолемея. – *Ред.*).

С этими наемниками, включенными теперь в их собственную армию, Антигон и Деметрий предприняли попытку в следующем году вторгнуться в Египет. Но они были остановлены у Нила, где Птолемей выступил с воззванием, что подарит две мины каждому дезертировавшему наемнику и талант каждому командиру армии противника. Постепенно наемники Антигона заразились лихорадкой дезертирства. Впечатление было настолько сильным, что Антигон был вынужден расположить на берегу реки лучников, пращников и катапульты с тем, чтобы отгонять лодки с глашатаями Птолемея, с теми же дезертирами, которых удалось перехватить, обращались для острастки другим весьма жестоко. Однако, несмотря на эти усилия, поход провалился, а Птолемей мог рассылать правителям-коллегам восторженные депеши, сообщая о множестве новых рекрутов у него на службе.

В 305 г., во время осады Деметрием Родоса, Птолемей оказывал сначала скромную помощь этому городу. Она состояла в посылке провизии и около 500 воинов, из которых некоторую часть составляли родосцы, принятые на его службу. (Как показывает этот факт, наемники в данный период вовсе не обязательно теряли контакты со своими городами-полисами, потому что они поступали на службу эллинистическому монарху. Так, Филиппиды похоронили за свой счет афинян, павших при Ипсе, и добились от Лисимаха разрешения освободить или взять на службу пленных; или Самосский указ о предоставлении гражданства Гиппарху, стратегу Антигона в Карии, который заботился о самосцах, находившихся под его командой.) Деметрий связался с их командиром Афинагором из Милета в надежде, что последний сдаст город. Но тот лишь обманул противостоящего стратега и захватил одного из его посланцев. За эту хитрость родосцы вручили ему золотой венок и пять талантов в знак поощрения верности других наемников. Позднее от Птолемея прибыли новые подкрепления: 1500 воинов во главе с Антигоном из Македонии, было обещано еще 3 тысячи воинов, если условия сдачи будут отвергнуты. Но, хотя такая помощь, видимо, представляла значительную ценность, в сопротивление, оказанное родосцами, внесли наибольший вклад отвага и боеспособность их ополченцев. Это является доказательством того, что этот тип воина все еще мог совершать героические поступки в особых условиях.

Из всех правителей Антигон находился в наилучшем положении для набора и содержания

наемной армии. Благодаря своим победам над Эвменом он завладел обширными остатками сокровищ Персидской империи (Экбатана, Сузы, Куинды). Теперь он начал осуществлять целиком свой прежний проект использования своих ресурсов для набора огромных наемных сил для борьбы с соперниками. Первый пример использования им наемных войск, состоящих исключительно из наемников, обнаруживается в то время, когда он оставил в Мидии Гиппострата с 3300 наемниками, чтобы завершить подавление непокорных остатков воинства Эвмена. Очевидно, что в отличие от Александра Антигон не давал сатрапам обзаводиться личной гвардией македонцев.

В 315 г. до н. э. Антигон применил свой план в Европе. Он послал Аристодема из Милета на Пелопоннес с огромной суммой 1000 талантов. Посланцу было приказано договориться о союзе с Полиперхонтом и его сыном Александром о формировании достаточной наемной армии для победы над Кассандром. Спартанцы разрешили ему вербовку рекрутов, вероятно, поэтому Тенар сохранил свое значение как место набора наемников. К Аристодему на службу поступили 8 тысяч воинов, часть из них он передал в распоряжение Александра. Но, хотя его прибытие и размеры армии сначала встревожили Кассандра, достигнутые результаты оказались весьма незначительными в сравнении с затраченными средствами. Эта неудача, по крайней мере частично, была связана с отсутствием единого командования и предательством Александра. О собственных достижениях Аристодема известно лишь из осуществления посольской миссии в Этолию и кампании по освобождению городов Ахай, омраченной неповиновением его воинов и разграблением города Эги. Поскольку Аристодем укомплектовал гарнизоны своими наемниками, города мало приобрели от этого. Они, видимо, быстро сделали выводы из этого, поскольку с этих пор Аристодем покидает Пелопоннес.

В остальном наши сведения о наемниках Антигона сводятся к численности тех, которых он передал под командование своего сына Деметрия. В 314 г. до н. э. во время отъезда Антигона в Малую Азию, и опять же в 312 г., как раз перед битвой при Газе, эти цифры выглядели таким образом:

Наемная пехота	10 000	8000
Македонцы	2000	2000
Из Ликии и Памфилии	500	1000
Лучники и пращники из персов	400	500 (+ 1000 из других народов)
Конница	5000	+ 5000 (?) (Общая численность не приводится)
Итого	17 900	17 500

Небольшое различие между двумя списками и подчеркивание различий между народностями заставляют предположить, что подробности исходят от надежного источника и что общая численность для наемной пехоты грубо выражает наличие греческих наемников в целом. Процент их сильно возрос со времени битвы при Габие – что соответствует росту ресурсов Антигона. В битве при Газе роль наемников, как и ожидалось, не отличалась от роли других воинов. Когда Деметрий с кавалерией спасались бегством в городе, за ними следовали «те пехотинцы, которые хотели покинуть ряды и спастись не обремененными оружием». Такие воины довели общее число пленных до 8 тысяч человек, которых Птолемей захватил и расселил в Египте.

Но никакие военные потери, как бы они ни были велики, не могли помешать Антигону формировать другие войска. Так, в 312–311 гг. до н. э. Деметрий для броска к Вавилону получил еще 5 тысяч македонцев, 10 тысяч наемников и 4 тысячи конников. После чего достиг своей цели и оставил там значительную часть своих войск, приказав здесь жить. Что стало с ними, греческие источники не сообщают. (Диодор оценивает число оставленных войск в 5 тысяч пехотинцев и тысячу конников, Плутарх в 7 тысяч человек. Новая клинописная надпись показывает, что в августе 310 г. Селевк все еще осаждал цитадель Вавилона.) Во время осады Родоса наемники в войсках Деметрия практически не упоминаются. Когда же после вторжения в Грецию он совершал поход против Кассандра, вновь появляются подробности о составе его армии:

Наемники	15 000
Македонская пехота	8000
От греческих городов	25 000
Легковооруженные и прочие	8000
Итого	56 000

Цифры выглядят несколько завышенными, но численность наемников снова резко выросла, хотя и в разной пропорции. Угроза Антигону со стороны коалиции врагов вынудила его сына отвести свои войска в Малую Азию. Там в битве при Ипсе многие наемники сражались в объединенной армии Антигона и Деметрия. Но из-за отсутствия повествования Диодора подробности неизвестны. Невозможно также точно определить, какую роль играли наемники в битве, которая была, вероятно, самой крупной и решающей для диадохов.

5. Армии некоторых менее известных предводителей

Мы сделали обзор наемников в армиях значительных династий вплоть до 301 г. до н. э. Остается рассмотреть тех, которые служили менее значимым предводителям, людям с меньшими претензиями на суверенную власть.

Полиперхонт был регентом Македонской империи, но его правление оказалось недолгим; после своего выдворения из царства он превратился едва ли не в обычного командира наемников. Перед своим свержением он командовал армией в 20 тысяч македонцев. Впоследствии немногие из них остались с ним, потому что в 317 г. до н. э. его воинов можно было легко убедить посредством денежных выплат не возвращаться в Македонию. Он продолжил дальнейшую жизнь на Пелопоннесе, командуя гарнизонами таких городов, как Коринф, Сикион и Итома. В 315 г. до н. э. он заключил союз с Антигоном и был назначен стратегом Пелопоннеса, в то время как сын Полиперхонта Александр взял на себя командование частью наемников, которых набрал Аристодем. (После беседы с Антигоном он получил 50 талантов и обещания повышения по службе.) За этим последовал ряд битв с Кассандром, которому удалось захватить несколько городов, где несли гарнизонную службу воины его противника. Потом Александр, очевидно разочарованный тем, что должен был делить командование с Аристодемом и своим отцом Полиперхонтом, переметнулся вместе со своими наемниками на сторону противника и был назначен Кассандром стратегом Пелопоннеса. Но новая карьера не удалась, ибо в следующем году его убили несколько изменников из Сикиона. Эта трагедия не погубила его армию, поскольку командование приняла его вдова Кратесиполида. Она подавила попытку мятежа в Сикионе и своей добротой укрепила

преданность к себе, «поскольку постоянно помогала несчастным и поддерживала многих в бедности». Одним из ее первых шагов было, очевидно, примирение с ее свекром Полиперхонтом, поскольку в следующем году гарнизоны Александра соединились с Полиперхонтом в качестве противников Антигона. В то время в их руках находились лишь Сикион и Коринф, но позднее Полиперхонт, должно быть, утвердился повсюду. Когда же Птолемей освобождал города Пелопоннеса, Кратесиполида устроила капитуляцию Акрокоринфа, и, поскольку гарнизон ее наемников не желал этого, возможно из боязни потерять место службы, она обманула их, впустив в город воинов Птолемея под видом подкреплений из Сикиона. Она вернулась к частной жизни, прервав таким образом, династию.

Полиперхонт тоже постепенно исчезает из наших источников. В 310 г. до н. э. он предпринял дерзкую попытку восстановиться во власти, выдвинув Геракла претендентом на престол в Македонии. Он собрал большую армию, о составе которой ничего не сообщается, и благодаря этому вырвал у Кассандра звание «стратега Пелопоннеса», а также подкрепление из македонских войск. После этого он выпадает из истории. Известно, что лишь в 303 г. до н. э. город Орхомен в Аркадии удерживался командиром наемников Стромбихом, которого назначал Полиперхонт. Когда Деметрий предложил ему сдать город, тот оказался настолько неблагодарным, что прибавил к своему отказу несколько нелестных замечаний в адрес Деметрия, прокричав их со стены. Это было слишком: Деметрий взял крепость штурмом и распял командира с 80 другими недружелюбными наемниками. Других же, числом 2 тысячи, он включил в свою армию. То, что даже такая незначительная персона, как командир гарнизона, назначенный Полиперхонтом, располагал стольким числом наемных войск, показывает, как легко можно было содержать наемную армию.

Сама легкость этого дела, видимо, действовала как неодолимый соблазн на предводителей, самостоятельно распорядившихся своими войсками на Пелопоннесе. Мы уже замечали, как Александр поступил лояльностью к Антигону. Двумя новыми примерами данного явления, пожалуй, можно закончить повествование об этом периоде.

Телесфор, наварх Антигона, был послан на Пелопоннес с 50 кораблями и более чем тысячей воинов. Когда на следующий год в Грецию послали стратегом Полемея, Телесфор возмутился тем, что у него отняли главенствующее положение. Поэтому, пребывая по соседству с Коринфом, он послал протест Антигону и стал продавать корабли, отбирать тех воинов, которые соглашались принимать участие в его предприятии, и утвердил себя в качестве независимого командира наемников. Он совершил марш в Элиду и под тем предлогом, что все еще представляет Антигона, укрепил акрополь и стал играть роль местечкового тирана. Сверх того, он еще больше укрепил свою финансовую стабильность разорением Олимпии и приобретением более чем 50 талантов, которые пустил на оплату наемников. Такое своеволие было замечено Полемеем, который явился с большим войском и заставил Телесфора уйти из Элиды и Киллены. После этой неудачи он исчезает с Пелопоннеса. (Возможно, это тот самый Телесфор, один из подчиненных Лисимаха, который плохо кончил около 300 г. до н. э., за насмешки над женой Лисимаха, Арсиной.)

В 310 г. до н. э. Полемей сам стал испытывать недовольство по тому же поводу. Он счел, что Антигон не ценит его по заслугам, поэтому перебрался к Кассандру и утвердился со своими наемниками его союзником в Геллеспонтской Фригии, как заноза для Антигона. Позднее он стал союзником Птолемея, которому позже не понравилось высокомерное поведение Полемея и его стремление завести друзей в командовании армии египетского царя. Поэтому царь заставил его выпить яд, а воинов Полемея привлек к себе на службу за вознаграждение.

6. Царские армии отдельных монархов

То, что менее значимые предводители наемников терпели неудачи, было естественной тенденцией развития событий. Войны диадохов научили, что победа доставалась тем властителям, которые владели большими контингентами войск. Точно так же, как небоеспособным стало государство-полис, малосильные правители тоже не могли удержаться в сложившихся условиях. Битва при Ипсе дала отрицательный ответ на вопрос, могла ли империя Александра Македонского сохраниться как единое целое. Но последующее становление отдельных царств в конце концов сделало невозможным существование небольших местных автократий. Новые эллинистические царства меняли границы. Исчезла Фракия, появился Пергам. Но в целом с утверждением территориального суверенитета исчезает командир бродячих наемников, их набор проводится по стандартизованным правилам, как общепризнанное средство формирования национальной армии.

Деление греческого мира на отдельные царства сопровождалось созданием местных армий. Как эмбрионы, эти армии уже существовали в виде вооруженных сил сатрапов, о которых шла речь. Их полное развитие становится ясным для нас из свидетельств, относящихся к периоду после 301 г. до н. э. Ибо они требовали таких изменений, которые позволили бы тем, кто раньше были греками, вторгающимися на чужие территории и несущими гарнизонную службу, стать постоянными обитателями и защитниками своих новых стран. Для этой цели наемные армии, типичные для IV в. до н. э., были слишком нестабильными. Кроме того, теперь, когда такие царства, как Египет и Сирия, отделились от Греции, им нужно было искать источники набора солдат, отличные от Пелопоннеса.

Из новых государственных образований лучше всех мы знаем Египет, что является удачей, поскольку это наиболее совершенная организация, прототип для других. Птолемей I Сотер рассматривал Египет прежде всего как свое владение по праву войны. Поэтому он ставил на постой своих воинов на всей территории, охваченной ирригацией. Они получали земельные наделы от царя, который, как фараон, владел всей землей Египта. Право на надел давало возможность нести военную службу. На этом условии земельный участок, утраченный в результате смерти, мог быть передан сыну покойного воина. Колонист таким образом поддерживал себя в мирное время и обрабатывал землю Египта, а во время войны ее защищал. Эта система отличается, например, от той, что практиковал Дионисий, тем, что у него держатели земли не были ветеранами и не имели гражданства в эллинском полисе. Она представляет собой объединение воинов-крестьян Македонии или афинских клерухов с египетской военной кастой.

Помимо этого местного резерва имелась регулярная армия из «македонских» гвардейцев и некоторых специальных войск, набранных в заморских территориях. Это критские лучники или фракийские воины с широкими мечами. Разумеется, во время войны из Эллады призывались, по возможности, греческие наемники в качестве подкреплений. Приезжали оттуда и греческие стратеги, но в одиночку, без наемных войск. Гарнизоны на островах или побережье Малой Азии тоже комплектовались часто из того же источника.

Об империи Селевкидов свидетельства несколько искажены, но было показано, особенно последними открытиями, что в Малой Азии и Месопотамии расселился класс «обитателей», у которых была военная организация. Они наделялись земельными наделами по мужской линии способом, поразительно напоминающим тот, что использовался в Египте. Аналогичным образом они не были обычными гражданами, если их поселение специально объединялось как полис. Кроме того, Селевкиды широко использовали наемников – как в мирное, так и в военное время. Галаты Малой Азии также поставляли им рекрутов.

Македония была единственной страной, в которую не проникла система территориальных армий. В ней сохранялась старая форма земельного надела, но местные держатели этих доставшихся от предков участков встречались редко и стоили дорого для использования в обычных войнах. Вместо македонцев несли гарнизонную службу и участвовали в походах греки, а позднее чаще варвары, наемники. Эта практика особенно устраивала Деметрия Полиоркета, который постепенно вырос в последнего из типичных наемных предводителей. Именно с такими наемными воинами он нанес свой последний дерзкий удар по Селевку и потерпел неудачу из-за предательства наемников. Его преемники в Македонии, хотя и в той же степени зависели от оплачиваемых воинов, были менее активны.

Агафокл в Сицилии начинал как наемный воин, а позднее стал командиром наемников на службе Сиракузам. Посредством политических и военных интриг ему удалось добиться положения автократора-стратега с неограниченными полномочиями в стиле Дионисия I. Как тиран, он командовал наемными армиями, которые были гораздо больше армий любого его сицилийского предшественника. (Например, в Гимере содержалось 10 тысяч наемных пехотинцев и 3500 конников, помимо ополченцев; в его 1-м Африканском походе участвовали 3 тысячи греческих наемников и 3 тысячи варваров, помимо воинов из Сицилии; всего Агафокл имел на момент высадки в Африке 14 тысяч воинов.) Однако после около 12 лет военной тирании он, по инициативе его греческих сторонников, принял титул царя и правил в сравнительно спокойной обстановке 15 лет. Он, таким образом, ввел в Сицилии новый тип монархии, и, хотя ему не удалось основать династию, его примеру последовали в III столетии до н. э. Гикет и Гиерон II.

В ходе борьбы между царствами с городами почти перестали считаться. Тем не менее, к примеру, когда Афины добились в 301 г. до н. э. свободы, они сформировали армию отборных ополченцев и воспользовались корпусом наемников. Но военное будущее свободных греческих городов лежало в русле союзов второй половины III столетия до н. э. Тираны еще появлялись, как и в IV в. до н. э. Аполлодор из Кассандрии в Халкидике преподнес в 230 г. до н. э. кровавый урок («вождь наемников и бедняков», как о нем писали, произвел передел имущества. – *Ред.*). Тем не менее обстановка в континентальной Греции и остальном эллинском мире была более стабильна, чем в предыдущем столетии. Войны стали менее частыми, когда же они возникали, то это были столкновения отрядов профессиональных бойцов, которые затрагивали ополченцев лишь косвенно.

Мы проследили, как происходило формирование наемных армий в IV в. до н. э. Возникает вопрос: каковы причины роста количества людей, желающих заниматься этим делом? Уже говорилось, что непосредственной причиной их первого появления стал хаос и недовольство в результате Пелопоннесской войны. Таблица 2 (см. приложение) показывает, однако, что между 399 и 375 гг. до н. э. наемников, находящихся на службе, было не менее 25 тысяч, а позднее средняя цифра, должно быть, достигала около 50 тысяч. Где бы ни требовались оплачиваемые бойцы и как бы ни был велик спрос на них, они всегда находились в наличии. Само их обилие создавало новые способы их использования. Следует предположить, очевидно, что весь этот век происходил процесс или процессы, которые вызывали умножение наемников.

Одним из объяснений, которое часто встречается, заключается в том, что наемником становился политический изгнанник. Это было справедливо в отношении Архилоха в VII в. до н. э.; и уже шла речь о том, что в рядах «десяти тысяч» имелись подобные беженцы. В 401 г. они составляли лишь незначительное меньшинство, но беды IV в. до н. э., возможно, изменили это соотношение в позднейших армиях. В этот период, видимо, не было греческого города, за единственным исключением Спарты, который бы не пережил какой-нибудь бунт. Число изгнанников резко увеличилось.

Более 20 тысяч воинов собрались в Олимпии в 324 г. до н. э., чтобы заслушать провозглашение глашатаем разрешение Александра Великого изгнанникам вернуться на родину. Но даже эта цифра, хотя и большая, не дает представление о подлинной численности наемников. Кроме того, возвращение изгнанников не уменьшило заметно приток наемников. Это последнее обстоятельство не отменяет огромные трудности, которые, должно быть, стояли на пути восстановления изгнанниками конфискованной собственности. Простая отмена поражения в правах не давала им новые средства к существованию.

Внутренняя политика в данном случае выталкивала многих людей в иностранные военные формирования. К этому следует добавить постоянное воздействие непрерывных войн в этот период. Психологическое влияние одного этого должно было породить тревожность и ощущение неопределенности. Но физическое воздействие было еще более губительным. Так, Белох показал, что в период между 431 и 346 гг. до н. э. лишь на протяжении 32 лет в Греции не велось больших войн. Очень редко не разорялись территории. Когда подверглись вторжениям Керкира и Кипр, отмечено как примечательный факт то, что они на момент вторжения оставались достаточно обустроенными, поскольку давно не разорялись.

Последний факт наиболее важен. Ведь наши источники, обобщая проблему, объясняют рост числа наемников экономическими причинами. Это свидетельство исходит не от древних историков, которые не обсуждают такую проблему, но от ораторов. Исократ – главный свидетель. В ранних ссылках (Панегирик) он еще делает некоторый упор на политические беспорядки в Греции. Позже он говорит почти исключительно о бедности греков, для борьбы с которой предлагает решительные средства. В 355 г. до н. э., выступая против неумеренного набора наемников Афинами, он счел, что для основных греческих государств было бы лучше заняться созданием колоний для таких обнищавших жертв войны во Фракии. Через 10 лет он предлагает Филиппу II план даже в более сильных выражениях. Он говорит о тех: «Кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным. И если мы не остановим роста их численности (а это мы можем сделать, предоставив им достаточные средства к жизни), то незаметно для нас их станет так много, что они будут нисколько не менее

опасны для эллинов, чем для варваров». Демосфен подтверждает мнение о наемниках, что «каждый в отдельности думает только о том, чтобы получить какое-нибудь обеспечение для самого себя и через это освободиться от теперешней своей бедности». Воины из Аркадии и Ахайи в составе «десяти тысяч», возможно, нанялись в надежде на большое вознаграждение. Их коллеги в последней половине IV в. до н. э. были вынуждены идти на службу исключительно из-за нужды, не имея альтернативы.

Каким образом в таком случае эта «преобладающая бедность» соотносилась с другими экономическими условиями IV столетия до н. э.? Ответ на вопрос весьма труден из-за отсутствия прямых свидетельств. Но с одним фактом следует разобраться сразу. Нет оснований верить тому, что IV столетие до н. э. было периодом спада в торговле и производстве, насколько эти понятия применимы к древности. Тем не менее людей заставляла наниматься на военную службу бедность. Единственный вывод, который напрашивается, состоит в постулировании того, что они происходили из класса, который был ввергнут в нужду, но который не мог обрести себя в торговле. Это относится к крестьянам, если вспомнить, что прежде они были становым хребтом ополчения. (Например, Аристотель в «Политике» отмечал, что и становиться воинами, и обрабатывать землю зачастую приходилось одним и тем же людям.) Становится ясно, что их превращение в профессиональных солдат было обычным делом, хотя и не по собственному выбору. Кроме того, полисы лишались таким образом своих лучших гоплитов.

Более современные источники заключают, что в IV в. до н. э. сельское хозяйство находилось в упадке. Это было частично результатом упомянутых войн, поскольку для грека вторжение на территорию противника давало в первую очередь возможность пограбить и разорить сельскую местность. Города стали первоочередной целью нападения лишь к концу столетия. Раньше осады городов проводились слишком примитивно, чтобы это давало надежду на успех без длительной осады или предательства изнутри. После разорения спартанцами Аттики земля стала почти бесполезной, пока на ее восстановление не потратили много времени и средств. Мелкий землевладелец, которого война загнала в город, не располагал средствами для этого, поэтому его поля продавались тем, которые эти средства имели. Этот процесс к середине столетия привел к образованию крупных хозяйств вместо прежних мелких крестьянских участков. Аналогичным образом земля вместо наследственного владения стала коммерческим залогом. Такой вывод следует из обилия письменных и археологических свидетельств о залоговых операциях. Перемены в сфере земельной собственности стали еще более заметными в связи с изменениями в способе обработки земли. Ввоз зерна из-за пределов Греции нарастал, и такая тенденция делала невыгодным выращивание зерна для внутреннего потребления. Место зерна заняли оливки и виноград из-за их высокой прибыльности, но их культивация требовала больших денежных вложений до того, как они давали урожай. (Демосфен говорил о зависимости от импорта зерна из Причерноморья и Египта.)

Эти тенденции развития сельского хозяйства шли вразрез с интересами мелких собственников, которые жили на своем земельном участке и получали с него доходы. Свидетельства исходят в основном из Аттики, но нельзя сомневаться, что в остальной Греции происходило то же самое. В течение IV столетия до н. э. исчезает как политическая сила аграрная партия в Афинах. Фактическая численность гоплитов при этом в период между 410 и 322 гг. до н. э. не изменилась, но население, должно быть, увеличивалось, а стоимость денег падала, поэтому уровень квалификации катился вниз. Теперь Афины искусственно не набирали людей в гоплиты посредством помещения их в клерухии. Однако оставалась альтернатива наемной службы за рубежом, которая избавляла страну от неимущих, не используя их для служения государству.

Если поинтересоваться, почему бедный фермер не обратился к какому-нибудь

оплачиваемому труду, то можно получить разные ответы. Психологическую неготовность связывать себя с сидячей работой внутри помещения легко счесть преувеличением. Тем не менее это нельзя сбрасывать со счетов. Отсутствие денег служило ограничением равно и для занятий в других сферах деятельности. Финансовые отношения все более усложнялись, в Афинах также действовал серьезный фактор конкуренции метеков (то есть свободных, не имевших политических прав). Неквалифицированные работы выполняли рабы, но квалифицированные виды труда еще открывали некоторые возможности для свободных граждан. Однако безработица в IV столетии до н. э. была уделом многих греков.

В качестве иллюстрации связи между наемной службой и бедностью, может, стоит привести два параллельных использования глагола «получать плату» в IV столетии до н. э. В отрывках, которые мы рассматривали, он используется для описания обычного и соответствующего времени учреждения по содержанию профессиональных воинов. Но столь же распространенным было употребление этого глагола для обозначения получения государственного обеспечения. Такое финансовое учреждение было основано еще в V в. до н. э., но в IV столетии до н. э. достигло пика своего развития. Из этого можно сделать вывод, что профессиональный воин и пенсионер рассматривались как наиболее характерные получатели платы. И это были выходцы из аналогичных классов, которые руководствовались одинаковыми мотивами, иначе пришлось бы пользоваться другими понятиями.

Перспективы наемной службы после их первичного появления никогда не были особо привлекательными для многих волонтеров. Изображение этого как новой карьеры, которой вербовщики могли соблазнить благополучного земледельца, если верно, то лишь в случае с набором «десяти тысяч». Кир Младший, располагавший обиением персидского золота, мог позволить предлагать дарик в месяц – почти вдвое больше того жалованья, что афиняне выплачивали своим матросам. Но в это время гоплиты не обнаруживаются на Востоке в больших количествах. Им следовало платить особое жалованье, такое, какое ожидали фракийцы в Греции. (Наемнику необходимо было покупать еду на свое жалованье у торговцев, которые стремились сопровождать каждую армию, или в городах, где приходилось останавливаться. Стратег не отвечал за организацию продовольственного снабжения, хотя ни один благоразумный военачальник не способствовал бы его дезорганизации. Главной принимавшейся мерой предосторожности было оповещение воинов о каком-нибудь форсированном марше или другом чрезвычайном предприятии.) Около 385 г. до н. э. условия службы во Фракии были достаточно благоприятными, чтобы привлечь добровольцев из Греции. Два брата-ответчика, фигурирующие во второй речи Исея, рассказывают нам, что когда остались сиротами, то продали большую часть имущества, чтобы обеспечить каждой из двух своих сестер приданое на 20 мин. Затем «мы сами, достигнув начала зрелого возраста, решили посвятить себя военной службе и отправились за пределы страны с Ификратом во Фракию: и, показав там свою пригодность, заработав денег, вернулись снова домой». Очевидно, они так и не стали хорошо обеспеченными, но они выбрали военную профессию добровольно и кое в чем преуспели в ней. Примерно в то же время на Пелопоннесе наемный гоплит получал около 4 1/2 оболы в день. Той же суммой оценивалась стоимость гоплита-ополченца 40 лет назад, но и стоимость жизни, вероятно, возросла. (К концу V столетия до н. э. пшеница стоила 2 драхмы за медимн; в начале IV столетия до н. э. ее стоимость составляла 3 драхмы за медимн; через 50 лет цена пшеницы выросла до 5–6 драхм за медимн. В период с 404–330 гг. до н. э. цены в целом удвоились.)

Все эти ссылки относятся к периоду до того времени, когда Исократ рисовал мрачные картины обнищавших наемников. Об этом времени мы располагаем только оценкой Демосфена его регулярной армии против Филиппа II в 350–349 гг. до н. э. Положение усугублялось тем, что Демосфен стремился быть как можно более экономным, а его план так и не реализовался, хотя

его составитель делал основной упор на реальные возможности. Однако, даже если отнестись к плану критически, мы с удивлением обнаруживаем, что Демосфен верил в возможность найти наемников, готовых служить за 2 обола в день. Цены, разумеется, не падали, и эта сумма предназначалась на денежное обеспечение для воина. Должно быть, это было минимальное обеспечение. Остальное наемнику следовало добывать путем грабежа на вражеской территории. Это, само по себе, полное объяснение причин разорения, осуществлявшегося такими войсками.

Если обратиться к заключительным годам IV столетия до н. э., вывод последует тот же самый. (О жалованье, которое выплачивал Александр Македонский своим наемникам, свидетельств греческих историков не имеется. Есть свидетельства, что ему приходилось платить своим союзникам по 1 драхме в день. Единственный надежный вывод состоит в том, что обычный македонский воин определенно получал меньше чем 4 статера в месяц (в греческом исчислении это примерно равно 40 драхмам), что полагалось воинам более высокого ранга. К этому времени стандартная плата для наемника составляла 4 обола в день.) Очевидное повышение жалованья нельзя воспринимать как увеличение покупательной способности. Ведь в годы, непосредственно следовавшие за вторжением Александра в Азию, стоимость жизни росла даже более резко в результате наплыва персидского золота. Указание на низкий уровень жалованья наемников выводится из сравнения с 3 оболами в день, которые выплачивались в это время за неквалифицированный рабский труд. И по 4 обола в день выплачивались на содержание архонтам в Афинах, что не мешало им получать личные доходы за год пребывания в своем учреждении.

Поэтому общий уровень жалованья за период более половины IV столетия до н. э. слишком низок, чтобы оставить повод для сомнений в том, что профессия наемника была невыгодной и что ею занимались из нужды. (В IV в. до н. э. не обнаруживаются свидетельства, позволяющих провести различие, распространенное в III в. до н. э., между «рационом» и «жалованьем». «Жалованье», видимо, предназначалось для воинов регулярной армии в мирное время без перспективы дополнительных выплат к такому жалованью. В ходе постоянных войн в IV в. до н. э. в этом не было необходимости.)

Разумеется, наемник мог иметь помимо жалованья приработок. Успех давал трофеи, кроме того, армия имела определенную долю с добычи от побед (*Ксенофонт. Анабасис*; известны также премии Александра). Давно обнаружено, что способом поощрения боевого умения и отваги в бою было присуждение специальных призов. Иногда они присуждались по результатам смотра, но гораздо чаще за боевые действия. Вознаграждение могло принимать форму выплаты двойного или тройного жалованья. (См. выше выплату двойного жалованья Ясоном и Александром, или золотого венка, которым его получателя вознаграждали за выдающийся подвиг.)

Несомненно, такие вознаграждения были привлекательны вдвойне. Денежная премия имела большое значение, но греческий воин был весьма восприимчив и к моральному поощрению. Этот второй аспект станет более очевидным, если отметить, до какой степени укрепляется боевой дух армии уверенностью воинов, что павшие товарищи получили почетное и торжественное захоронение. (Например, в походе «десяти тысяч», *Ксенофонт. Анабасис*, у Ясона, см. выше у Дионисия II, см. выше у Эвмена. Много фактов захоронения без упоминания торжественности.) Греческий гражданин всегда был весьма чувствителен к этому, а бродячий воин, лишенный семейных связей, еще больше ценил такую церемонию.

Этот аспект ведет к разговору об отношении общества того времени к наемникам. Данные о жалованье в последнем случае были взяты из Новой комедии. И образ наемника, приведенный в комических фрагментах, в целом согласуется с другими нашими данными. Наемник не появляется на сцене Старой комедии, хотя черты воина, которые давали простор

юмористической трактовке, уже были использованы Аристофаном: например, в образе Ламаха в «Ахарнянах». В Средней комедии пелтаст выведен в заглавной роли, в сатирическом образе обманщика и заносчивого выскочки (Антифан. Эфипп). От этого образа пелтаст эволюционирует в устойчивые персонажи Новой комедии – хвастуна, горького пьяницы и неуклюжего болвана (Эфипп, Менандр и т. д.). Профессия наемника обычно представляется как жалкое занятие – суждение, которое следует воспринимать с поправкой на то, что авторы комедий потрафляли вкусам и мнениям обычных граждан. Тем не менее состоятельность такого изображения не полностью противоречит фактам. Прежние авторы делали упор скорее на риски, которым подвергался наемник (Антифан, Филемон, Менандр, Аполлодор). Позднее авторы добавили к этому бедность наемного воина (Менандр, Феникид, Гиппарх). Его имущество состоит из вооружения, котомки, одеяла и кувшина с вином. В немногих случаях, когда такой воин приобретает богатство, он добивается этого нечестными средствами (Менандр). Менандр вносит новую струю. Он сделал Полемона в «Остриженной» явно положительным персонажем, несмотря на все его недостатки. Но образ Хвастливого воина во все более и более условной форме был позже перенесен в римскую комедию. Она утратила всякую связь с современностью и сосредоточилась на образе командира в противоположность обычному воину.

Урегулирование конфликтов эллинистическими царями привело к исчезновению двух характерных черт ведения войны наемниками в IV столетии до н. э. Почти полностью сходит со сцены командир бродячих наемников. Подобную угрозу существующему в царствах порядку не могли выносить. Обнищавшие подчиненные командира наемников тоже пропали. Экономические условия III в. до н. э. стали гораздо лучше, чем в IV столетии до н. э., поскольку упадок самой Эллады компенсировался сверх меры возможностями, открывшимися за рубежом. Также поэтому условия наемной службы вернулись к прежнему прозябанию под властью сатрапов в период Пентеконтеции (период около 50 лет между вторым персидским вторжением (армии Ксеркса в 480–479 гг. до н. э.) и началом Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э.). Период был ограниченным во времени, но прибыльным для молодых людей, прельстившихся наемной службой за рубежом.

Таким образом, преобладание наемных воинов было лишь преходящим периодом времени греческой истории. Какое влияние они оказали на разрушение собственно греческого мира и создание мира эллинистических царств? Их вклад в эту перемену поддается обобщению в военном и политическом аспектах.

В военной сфере греческое развитие не подверглось, вопреки ожиданию, непосредственному влиянию этого нового профессионального фактора. Битвы при Левктрах, Херонее, Иссе и Гавгамелах (Арбелах) – поворотные моменты в истории и первые крупные демонстрации новых стратегических методов – были выиграны не наемниками. Тем не менее именно наемники сделали эти победы возможными посредством радикального изменения в военных методах, которые они и вызвали к жизни. Эпаминонд, Филипп II и Александр Великий значили гораздо больше, чем простые предводители наемников. Но их величайшие победы были обусловлены новым характером ведения войны.

Что касается материального прогресса, то развитие наемной службы способствовало главным образом диверсификации вооружения. Ополченец породил преобладание среди гоплитов ополченцев. Появление пелтаста освободило армию от этого ограничения. Сражения небольших отрядов приобрели большое значение, и командующим пришлось обучаться тому, как использовать различные подразделения комбинированного войска в разнообразных условиях. Поражения Спарты являются иллюстрацией провала в этой учебе, в то время как победы Хабрия и Ификрата демонстрируют примеры правильной оценки ее важности. Менее

заметно, но та же трансформация произошла в использовании конницы, которая перестала включать исключительно любителей-аристократов и с ростом доли профессионалов стала более специализированной и более эффективной. Использование воинов разного предназначения достигло апогея при Александре Македонском и его преемниках, которые дали полный простор формированию высококомбинированных армий.

Специализированные наемники были по сравнению с ополченцами менее зависимыми от действия массой. Поэтому битва становилась более открытой, и эта перемена влияла на примитивную фалангу гоплитов. Она представляла собой слишком громоздкое и неуклюжее построение для боевых действий в рамках новой стратегии. Хабрий и Ификрат стремились найти замену созданием нового типа пелтаста, который мог владеть копьем в массовом построении, но обходиться без тяжелого щита гоплита. Таким же образом Филипп II решил проблему обновления македонской фаланги.

Без комбинированного войска, сосредоточенного в гибкой фаланге, Александр не смог бы добиться череды побед в различных условиях и против разных типов вооруженных сил противника. Из особенных стратегий, которые применяли он и его наследники, нельзя сделать вывод, что какая-нибудь из них исходила от наемных военачальников. Новинки, введенные Ксенофонтом в ходе отступления «десяти тысяч», видимо, остались без подражания, а наши источники лишь позволяют проследить стратегию в тех сражениях, в которых бились главным образом ополченцы. Особую сферу боевых действий наемников составляли засады, неожиданные нападения и мелкие тактические операции, которые были включены в позднейшие учебные пособия по военному искусству, описаны в стратагемах.

Но даже если ни один из командиров наемников не был большим военачальником, они совершенствовали материал, из которого могли рождаться тактические новации. Средний ополченец V столетия до н. э. и более раннего времени не смог бы менять построение, держаться позади для действий в резерве или усвоить приемы новой стратегии. Профессионал поднял общий уровень военного искусства. Его особый вклад состоял в дисциплине и боевом духе, а это достигалось надлежащей военной подготовкой и командованием. Моральное состояние ополченческой армии во многом определялось чувствами индивида, и карательная сила военачальника в отношении нарушений дисциплины была ограничена, поскольку он был слишком подвержен политическому и юридическому контролю. В наемной армии при условии, что полководец располагал возможностью выплачивать жалование, он имел абсолютную власть, и тем более успешные командиры пользовались своей властью для поддержания дисциплины и укрепления корпоративного духа. Соответственно, профессиональная армия или ополченческая армия, выстроенная по ее образцу, становились усовершенствованным орудием боевых действий, пригодным для нового и более сложного использования.

Новый потенциал наемной армии повлиял также на организацию государств-полисов изнутри и снаружи. Тип вооружения, которым ополченец мог защищать свой город, подразумевал критерий его социального и политического статуса. Эта классификация становилась бесполезной в комбинированных армиях, в которых каждая часть играла особую роль в целом. Такая концепция абсолютно противоречила практике внутренней жизни города-государства, где от граждан ожидалось выполнение общественных обязанностей в соответствии с их гражданским состоянием. (См.: *Аристотель*. Политика, где содержится критика плана Гипподама о специальных кастах.)

Кроме того, потребность постоянного командира с абсолютной властью для обеспечения эффективности военных операций вела к подавлению демократии и олигархии какой-то формой автократии. Соединение с властью воина, способного ею пользоваться, часто порождало внутри государства-полиса воинственного тирана. Но такие тираны были слишком опасны для своего

города, чтобы обрести способность господствовать в греческом мире. Единственная выжившая довольно простецкая греческая монархия в конце концов стала доминирующей потому, что только в Македонии преимущества традиционности и новизны некоторое время составляли здоровый баланс.

Участие наемников в войнах и политике потребовалось для победной экспансии греческой власти и цивилизации на половину известного тогда мира. Завоевание Персидской империи не могло бы стать прочным без профессиональной армии и автократического лидера всей Греции. Там, где провалились Афины и Спарта, преуспел Александр Македонский. Его успех стал основанием нового периода истории человечества. Наемники в значительной степени способствовали становлению и защите империи Александра. Но сами они менялись в этом процессе, и в дальнейшем их военные качества деградировали. Профессиональный солдат Греции был в конечном счете побежден ополченцем Рима.

Приложение

Т а б л и ц а 1

Главные события в период 399–338 гг. до н. э.

гг. до н. э.	Афины	Спарта	Др. гос-ва	Сатрапы	Великий царь	Самодержцы Сицилии и другие
399		Поход Фиброна в Малую Азию				Первая война Дионисия I с Карфагеном
396		Агесилай				
395		Битва при Сардах				
394		Битва при Коронее				
392		Битва у Длинных стен Лехея				
390	Ификрат уничтожает спартанскую мору					Мятеж Эвагора
386	Анталкидов мир				Нападение Персии на Египет	

гг. до н. э.	Афины	Спарта	Др. гос-ва	Сатрапы	Великий царь	Самодержцы Сицилии и другие
382		Война с Халкидским союзом				Вторая война Дионисия с Карфагеном
380						Конец мятежа Эвагора
378	Хабрий в Беотии	Вторжение Спарты в Беотию				
374	Операции на северо-западе Греции	Поход Мнасиппа на Керкиру			Нападение персов на Египет	Ясон избран тагом Фессалии
371		Битва при Левктрах				
370		Первое вторжение Эпаминонда		Мятеж сатрапов		
368		Битва спартанцев с аркадцами и аргивянами				
366	Осада Самоса Тимофеем					Воцарение в Сиракузах Дионисия II

гг. до н. э.	Афины	Спарта	Др. гос-ва	Сатрапы	Великий царь	Самодержцы Сицилии и другие
364	Наступление Тимофея на Амфиполь	Встреча Агесилая с Ариобарзаном				Клеарх — тиран Гераклеи
362		Битва при Мантинее		Всеобщий мятеж сатрапов; присоединение к ним Такоса		
361		Поход Агесилая в Египет				Харидем — тиран в Троаде
359	Война Афин с Керсоблептом					Керсоблепт наследует трон после убийства Котиса во Фракии
357	Мир с Керсоблептом					Поход Диона против Дионисия II
356	Союзническая война		Начало Третьей Священной войны			

гг. до н. э.	Афины	Спарта	Др. гос-ва	Сатрапы	Великий царь	Самодержцы Сицилии и другие
355			Битва при Неоне	Мятеж Артабаза и Оронта		
353			Битва на Шафрановом поле		Первый поход Артаксеркса на Египет	
349	Олинфская война					
346			Конец Третьей Священной войны			
344					Второй поход Артаксеркса III в Египет	Поход в Сицилию Тимолеона
342	Боевые действия на Херсонесе Фракийском					
341						Битва при Кремисе
338	Битва при Херонее					

Т а б л и ц а 2

Численность греческих наемников на период 399–329 гг.

гг. до н. э.	Афины	Другие гос-ва	Сатрапы	Египет	Великий царь	Сицилия	Другие самодержцы
399		Спарта, 5000 «кирян»	? Несколько сотен под властью каждого сатрапа наемников			Дионисий I 20 000— 30 000	
398							
397		3000 пелтастов					
396							
395							
394							
393	1500 пелтастов						
392							
391							
390	? 3000—4000 пелтастов						

гг. до н. э.	Афины	Другие гос-ва	Сатрапы	Египет	Великий царь	Сицилия	Другие самодержцы
389							Эвагор, ? 2000 наемников
388							+ 800 пелтастов из Афин
387							
386	Нет наемников	Нет наемников, за искл. империи		? 1000 пелтастов из Кипра	Несколько тысяч наемников		Эвагор, 3000 пелтастов
382		? 1000 пелтастов					
381							
380							
379	? Несколько тысяч пелтастов	Беотия ? несколько тысяч пелтастов					
378							
377							

гг. до н. э.	Афины	Другие гос-ва	Сатрапы	Египет	Великий царь	Сицилия	Другие самодержцы
376							
375							
374	600 пелтастов				? 12 000 наемников		
373							
372							Ясон из г. Феры 6000 голп.
371							
370		Спарта, ? 2000 пелтастов					
369		Нет пелтастов		3000 пелтастов			
368		200 наемников					

гг. до н. э.	Афины	Другие гос-ва	Сатрапы	Египет	Великий царь	Сицилия	Другие самодержцы
366	8000 пелтастов, Самос					Дионисий II, по крайней мере 10 000	Эвфрон из Сикиона, 2000 наемников
395	Несколько тысяч пелтастов						
362	Амфиполь	? 1000 пелтастов	20 000 наемников				
361				10 000 наемников	?		
358	против Филиппа II 3000 голп.	Филипп II Македонский, ? 1000 наемников					
357			10 000 наемников			Дионисий II, 10 000 Дион, 1000 Гераклид, 1500	
356	10 000 наемников, Малая Азия						Филомел Фокейский, 1000 ?

гг. до н. э.	Афины	Другие гос-ва	Сатрапы	Египет	Великий царь	Сицилия	Другие самодержцы
355		Беотия, ? 5000 наемников					3000 наемников
353			5000 наемников из Беотии	Более 4000 наемников			Ономах, более 10 000
350					8000 наемников против Кипра		Фаилл, ? 4000 наемников
349	6000 пелгастов против Филиппа II						
346							Фалек, 8000 наем- ников
344				? 20 000 наемников	14 000 наемников против Египта	Дионисий II, 2000 Гикети, 5000 Тимолеон, 1000	

гг. до н. э.	Афины	Другие гос-ва	Сатрапы	Египет	Великий царь	Сицилия	Другие самодержцы
343							
342							
341						? 7000 наемников Кремис	
340			4000—5000 наемников				
339	11 000 наемников против Филиппа II	Филипп II М. ? 5000 наемников					
335		Александр Македон- ский					
334		Алекс. 5000 Калас, ? 2000 Антипатр, ? 2500	20 000 наемников		? 2000 наемников		
330							
329		? 50 000 наемников					